

Дэймон НАЙТ

МОСТОВЫЕ АДА

1. АНАЛОГИ

Существо было подобно глазу, круглому глазу, способному смотреть во все стороны одновременно. Существо таилось в расплывчатом тумане чужого сознания, сознания, что называло себя Элфи Странк. В неясной серой мгле, как темные рыбы, проплывали тени чужих мыслей; и существо, не ведая ни дремы, ни жалости, следило за ними.

Оно гнездилось в самой сущности Элфи. Оно видело зло, что коренилось в душе Элфи - спутанный клубок бессилия, ненависти и вождения. И в результате - любовь равнялась смерти. Простое уравнение. Но существу не было дано извлекать корни зла, чтобы исследовать - оно было глазом, и не более, чем глазом.

Настало время, и существо стало меняться. В самой сердцевине его нарастал электрический зуд. Энергия искала себе выход - искала упорно, нашла, и потоком хлынула наружу.

В мутном бесцветном облаке, которое звалось Элфи, вспыхнула необычно яркая мысль. Она еще не была сформулирована, но не оставляла никаких сомнений. В щите, охранявшем сознание Элфи, возникла щель, и существо мгновенно устремило в нее бесплотное щупальце.

Мужчина на кушетке пошевелился и застонал. Врач, который что-то нашептывал ему в ухо, отодвинулся и стал наблюдать за его лицом. Техник, занятый своим делом в ногах кушетки, бросил быстрый внимательный взгляд на пациента, и вернулся к приборам.

Голова пациента была по самые уши закрыта яйцеобразным металлическим шлемом. Широкая эластичная лента под подбородком надежно придерживала шлем. По ободу шлема располагались три ряда выступающих трубочин, и толстый пучок проводов в разноцветной изоляции соединял его с панелью управления в ногах кушетки.

Массивное тело пациента было запеленуто в полотнище из тонкой резины. Затылок покоился в выемке резинового подголовника.

- Нет! - внезапно выкрикнул мужчина. Лицо его, до сих пор сонно-размягченное, свело судорогой. Он что-то невнятно пробормотал, затем:

- Я не собирался... Нет! Не надо...

И снова голос перешел в неразборчивое бормотание. Мужчина попытался приподняться. На шее у него синими веревками вздулись вены.

- Ну пожалуйста... - сказал он совсем тихо.

В его раскрытых глазах сверкали слезы.

Врач наклонился к пациенту и стал нашептывать:

- Теперь вы уходите из этого места. Уходите оттуда. Прошло уже пять минут, как вы ушли.

Мужчина расслабился. Тело его обмякло, глаза закрылись. Он спал. Из-под ресниц выкатилась слеза и медленно поползла по щеке.

Врач встал и кивнул технику. Тот плавно увел ползунок реостата до нулевой отметки, и отключил приборы.

- Хорошо, - произнес врач беззвучно, одними губами.

Техник кивнул и ухмыльнулся. Он быстро нацарапал строку в блокноте и протянул его врачу.

"Протестировать его сегодня после обеда?"

Врач написал в ответ:

"Да. Пока - без тестов - точно сказать нельзя, но думаю, что мы до него добрались".

Элфи Странк сидел на жестком стуле и методично жевал, глядя в никуда. Брат велел ему сидеть здесь, а сам пошел поговорить с доктором. Элфи смутно казалось, что брат ушел уже давно.

Тишина окружала Элфи. Комната была почти пуста. Стул, на котором он сидел, голые стены и голый пол, пара столиков с журналами. В комнате было две двери. Одна, открытая, вела в переднюю, длинную и пустую. В передней были другие двери, но все до одной закрытые, и сквозь толстое узорчатое стекло дверей было видно, что в комнатах за ними темно. В конце передней была еще одна дверь, тоже закрытая. Элфи сам слышал, как она с громким щелчком закрылась за его братом. Элфи был совсем один. Он чувствовал себя в полном одиночестве и безопасности.

Слуха Элфи достиг некий звук, слабое эхо движения. Элфи быстро повернулся. Шум донесся из-за второй двери комнаты, которая была слегка приоткрыта. Элфи снова услышал его.

Он осторожно и беззвучно поднялся на ноги. На цыпочках подошел к двери и заглянул в щель. Сначала Элфи не увидел ничего. Потом звук шагов повторился, и перед Элфи мелькнули цвета: выгоревшая синяя юбка, белый свитер, прядь медно-рыжих волос.

Осторожно, очень осторожно, Элфи расширил щель. Сердце гулко билось у него в груди, дыхание стало неровным. Теперь ему стал виден дальний конец комнаты. Кушетка, а на кушетку присела девочка с книгой в руках. Девочка лет одиннадцати, худенькая и грациозная. Комнату освещала только настольная лампа на тумбочке близ кушетки. Девочка была одна.

Элфи полез грубыми, непослушными пальцами в карман брюк, но нашарил лишь пустоту. Они забрали его нож.

Взгляд Элфи упал на столик около двери, и у него перехватило дыхание. Он лежал там среди книг, его собственный пружинный нож. Должно быть, брат оставил его здесь, и позабыл сказать Элфи.

Он потянулся за ножом...

- ЭЛФИ!

Элфи отпрянул, сжавшись в комок, и обернулся. Он увидел свою мать, которая возвышалась над ним, ростом вдвое выше него. Серые глаза смотрели гневно. Каждая черточка лица и фигуры так отчетлива, так реальна, что Элфи не мог отказать ей в существовании, хотя прекрасно помнил, как мать хоронили пятнадцать лет назад.

В руке она держала ивовую розгу.

- Нет! - выдохнул Элфи, прижимаясь спиной к стене. - Не надо... Я не собирался ничего делать.

Мать подняла розгу.

- Ты скверный, скверный, скверный! - Слова слетали с ее губ, как плевки. - В тебе сидит дьявол, но я выбью его из тебя!

- Не надо, ну пожалуйста... - прошептал Элфи. У него из глаз потекли слезы.

- Убирайся прочь от этой девочки, - сказала мать, приближаясь. - Убирайся прочь и не смей никогда возвращаться. Ну, иди...

Элфи повернулся и побежал, громко всхлипывая.

В соседней комнате девочка продолжала читать, пока не услышала голос:

- Хорошо, Рита. Это все.

Она подняла взгляд.

- Все? Но я же ничего не делала.

- Ты сделала достаточно, - сказал голос. - Когда-нибудь мы объясним тебе, зачем это все было нужно. А теперь можешь идти.

Девочка улыбнулась, встала - и исчезла, выйдя за пределы системы зеркал, установленных в комнате этажом ниже.

Две комнаты, где подвергался тестированию Элфи, были пусты. Мать Элфи тоже ушла, ушла вместе с Элфи. Он унес ее в своем мозгу, и теперь ему

никогда не сбежать от нее - никогда, до конца своих дней.

Длинные прохладные пальцы Мартина держали высокий бокал. Мартин слегка сдавил его, и тот поддался нажиму. Уровень жидкости в бокале едва заметно поднялся. Мартин знал, что этот бокал невозможно разбить. У него нет острых граней, и, если им запустить в кого-нибудь, большого вреда не будет.

Музыкальный автомат продолжал наигрывать негромкую, приятную, успокаивающую мелодию. Виски в бокале Мартина содержал всего лишь двадцать четыре с половиной процента спирта.

Но люди по-прежнему напиваются, и люди по-прежнему тянут руку к оружию, чтобы убить.

Однако есть вещи и похуже, хоть в это трудно поверить. Иногда лечение страшнее болезни. Мы - темные знахари, подумал Мартин. Знахари и колдуны. Мы этого еще не понимаем, большинство из нас не понимает, но это так. Врач, который имеет дело только с болезнью, - слуга пациента. Врач, который повелевает жизнью и смертью, - это уже тиран.

Нужно донести эту мысль до смуглого невысокого мужчины, сидящего напротив. Мартину казалось, что он сможет это сделать. У этого человека есть власть. Власть, основанная на миллионах читателей, на высокопоставленных друзьях. И вместе с тем он искренне привержен демократии. Душой и сердцем, а не из профессионального долга.

Невысокий мужчина поднес бокал к губам и опрокинул его быстрым машинным движением. Мартин смотрел, как вздрагивает его кадык, похожий на выпирающий кулачок. Мужчина поставил бокал на столик. Рассеянный розовый свет, исходящий от бара, отразился в его очках и превратил их в глаза дракона.

- Итак, доктор Мартин?

У него была манера говорить отрывисто, резко, торопливо. Однако в голосе звучало дружелюбие. Этот человек жил, не расслабляясь ни на миг. Он привык к постоянному напряжению, как пловец - к бурным водам реки.

Мартин повел рукой с бокалом: медленное, продуманное движение.

- Я хочу, чтобы вы кое-что увидели, прежде чем мы начнем разговор. У меня было две причины пригласить вас именно сюда. Первая - то, что я не слишком рискую встретить здесь знакомых, а у меня есть причины быть осторожным, как вы понимаете. Если доктор Каско узнает, что я говорил с вами, и на какую тему... - Мартин облизал пересохшие губы. - Мне не стыдно признаться, что я боюсь этого человека. Он - параноидальный тип, способный на все. Но об этом позже.

Вторая причина, почему мы здесь, - это человек, который приходит сюда каждый вечер. Его зовут Эрнест Фокс. Он работает машинистом - когда работает. Вот он у стойки бара. Крупный мужчина в коротком пиджаке. Видите?

Собеседник Мартина бросил быстрый взгляд в сторону бара, не поворачивая головы.

- Вижу. Вон та пьяная морда?

- Да. Вы правы, он сильно пьян. Думаю, это случится скоро.

- И как они ему еще наливают?

- Погодите минутку, вы все увидите своими глазами, - сказал Мартин.

Эрнест Фокс уже не мог сидеть прямо на высоком табурете у стойки бара. Его качало. Кровь бросилась ему в лицо, а ноздри сильно расширились при каждом вдохе. Взгляд его сузившихся в щелочки глаз был прикован к соседу слева - потрепанному человечку в мягкой шляпе, которая была ему велика.

Внезапно Фокс выпрямился и обрушил кулак с зажатым в нем стаканом на стойку. Содержимое стакана выплеснулось и растеклось по поверхности маслянистой лужицей. Потрепанный человечек беспокойно взглянул на соседа.

Фокс неторопливо занес кулак для удара.

Собеседник Мартина полуобернулся к бару. Он наблюдал, спокойно и

заинтересованно.

Вдруг выражение лица Фокса изменилось - как будто кто-то заговорил с ним. Он уставился на нечто невидимое в яре от себя, и его занесенная рука медленно опустилась. Похоже было, что он прислушивается к чьим-то словам. Постепенно гнев сполз с его лица, оставив за собой лишь хмурую тень. Фокс что-то пробормотал, глядя вниз, на свои руки. Потом он повернулся к соседу и заговорил - судя по всему, извинялся. Потрепанный человечек махнул рукой: "Забудем", и вернулся к выпивке.

Крупный мужчина тяжело осел на табурет, покачивая головой и бормоча себе под нос. Потом он забрал со стойки сдачу, встал и направился к выходу, двигаясь как механическая игрушка. Его место у бара тотчас занял кто-то другой.

- Это повторяется каждый вечер. Как по часам, - сказал Мартин. - Вот почему они ему наливают. Он никогда не устраивает неприятностей, и никогда не устроит. Отличный посетитель. Безопасный.

Невысокий смуглый мужчина вновь перевел острый вопрошающий взгляд на Мартина.

- Ну и?

- Полтора года назад, - сказал Мартин, - ни в одной забегаловке его и на порог бы не пустили. Его дело в полиции занимало три толстых тома. Ему нравилось напиваться, а когда он напивался, то непременно затевал драку. Каждый раз. Он был неизлечим - даже если бы существовали заведения, где таких лечат. Он и по сей день неизлечим. Он по-прежнему агрессивный маньяк, но больше не причиняет хлопот...

- Я слушаю вас, доктор, я весь внимание. И почему же?

- Потому что теперь у него есть аналог, - сказал Мартин. - В классическом смысле он стал еще большим безумцем, чем прежде. Он испытывает слуховые, зрительные и тактильные галлюцинации - полный и непротиворечивый комплекс ощущений. Вообще-то это прямая путевка в психолечебницу. Хоть они и переполнены, с галлюцинациями на воле разгуливать нечего. Однако, видите ли, галлюцинаторный комплекс был привит ему намеренно, ради блага общества. Теперь он не опасен для окружающих. Его поведение стало общественно приемлемым.

Смуглый мужчина выглядел наполовину раздраженным, наполовину заинтересованным.

- Этот человек что-то видит, - сказал он. - Что именно? И почему оно на него так действует?

- Никто не знает ответа на ваши вопросы, кроме него самого. Возможно, он видит полицейского. Или свою мать, какой он ее запомнил в детстве. Кого-то, кого он боится, и чью власть над собой признает. Подсознание располагает механизмами создания этих ложных образов; мы всего лишь стимулируем его, а остальное происходит без нас. Мы полагаем, что обычно подсознание только предупреждает нашего пациента. В большинстве случаев этого хватает. Слово, сказанное в нужный момент нужным человеком, способно предотвратить девяносто девять преступлений из ста. Но в экстремальных случаях аналог может оказать на пациента и физическое воздействие, которое будет для того реальным. Галлюцинация включает полный комплекс ощущений, как я вам уже сказал.

- Звучит просто прекрасно.

- О да. Намерения-то самые благие, вот только смотря как их осуществить... Через десять лет число больных, содержащихся в психолечебницах, должно сократиться настолько, что мы сможем надеяться на некоторый прогресс в изучении и лечении тех, которые останутся.

- Что-то вроде персонального ангела-хранителя, подогнанного по росту и по размеру, - сказал смуглый мужчина.

- Именно так. Аналог всегда в точности соответствует пациенту, потому что он и есть пациент - скрытая часть его собственной личности, которая вступает в противодействие с его сознательными поступками, когда они переходят установленную нами границу. Даже самый умный человек не в состоянии победить свой аналог, потому что аналог настолько же умен. Даже

если человек знает, что подвергся лечению, это ему не поможет, - хотя обычно наши пациенты не знают. Для пациента аналог абсолютно ничем не отличается от реального человека. Но он полностью лишен присущих реальному человеку слабостей.

Собеседник Мартина ухмыльнулся.

- Можно мне завести такого, чтобы удерживал меня от прямолинейности?

Мартин не улыбнулся в ответ.

- Это не так смешно, как вам кажется. Существует вполне реальный шанс, что так и произойдет лет через десять... Если Каско будет продолжать свои действия. Если мне не удастся ему помешать - с вашей помощью.

Высокий черноволосый молодой человек выбрался из пикапа и вошел в гостиничный вестибюль с непринужденным и самодовольным видом. Он не думал о том, что ему предстояло сделать. Его занимали приятные размышления о том, как обставить огромный чердак, который он так удачно снял в Ист-Сайде. Возможно, оба дивана лучше поставить вдоль одной стены, а прямо напротив сделать бар. Или поместить там полотно Кейпхарта, а по обе стороны - легкие кресла?

Маленький вестибюль был пуст, если не считать администратора за крошечной конторкой и лифтера, скучающего возле кабины. Молодой человек уверенно направился вперед.

- Что вам угодно, сэр? - спросил администратор.

- Послушайте, - сказал молодой человек. - Там у вас наверху из окна свесился человек и зовет на помощь. Кажется, ему плохо.

- Что? Показывайте!

Администратор и лифтер вышли следом за ним на улицу. Молодой человек показал на два открытых окна.

- Он был в одном из вон тех двух, на последнем этаже.

- Спасибо, сэр.

- Ага, ну да, - сказал молодой человек, глядя, как двое служащих гостиницы торопятся к лифту.

Когда за ними закрылась дверь, он снова вошел в вестибюль и стал смотреть, как растут цифры на индикаторе лифта. Затем он впервые опустил взгляд на голубой ковер. Ковер был почти новый, как раз подходящего размера, и ничем не закреплен. Молодой человек нагнулся и поднял край ковра.

- Опустим на место, - услышал он голос.

Молодой человек изумленно поднял взгляд. Это был мужчина - тот самый, который вчера остановил его в мебельном магазине. Следит он за ним, что ли?

Молодой человек опустил ковер.

- Мне показалось, что под ковром монетка. Я и подумал...

- Я знаю, что ты подумал, - сказал мужчина. - Проваливай отсюда.

Молодой человек вернулся в пикап и поехал прочь от гостиницы. Он чувствовал неприятный холодок внутри. Что, если это будет случаться каждый раз, как только он захочет что-нибудь взять?..

Смуглый мужчина пристально глянул на Мартина.

- Ладно, доктор. Выкладывайте остальное. Этот доктор Каско, о котором вы все время говорите - он возглавляет Институт, верно? Тот самый парень, который, собственно, и разработал методику?

- Именно так, - сумрачно сказал Мартин.

- И он, судя по вашим словам, параноидальный тип. То есть, вы хотите сказать, что он сумасшедший? И я должен поверить, что безумец способен изобрести такую вещь?

Мартин вздрогнул.

- О нет, он не сумасшедший. Юридически он столь же правомочен, как мы с вами, и даже с медицинской точки зрения его можно назвать лишь

психически неуравновешенным, не более того. Параноидальный тип - это значит... ну, если бы такой человек действительно сошел с ума, он стал бы параноиком. Доктор Каско относится именно к такому типу. Кроме того, он ненормально преувеличивает важность собственной персоны и враждебность по отношению к нему других людей. Это опасный человек. Он считает, что только он один прав. Сияющая фигура на вершине пика правоты. И он готов на все - понимаете, на все! - чтобы закрепить это место за собой на веки вечные.

- Например? - спросил смуглый мужчина.

- Институт, - сказал Мартин, - уже сформировал лобби, которое будет проталкивать первую фазу программы на сессии мирового парламента этой осенью. Вот чего они хотят первым делом: для всех граждан, признанных виновными в совершении преступления "в состоянии временного безумия", замена тюрьмы или психбольницы на лечение методом аналогов. Они будут аргументировать это тем, что подлинная задача общества - предотвратить повторное преступление, а не наказывать преступника.

- И будут правы, - заметил смуглый мужчина.

- Разумеется. Затем они потребуют поддержки правительства в стремительном и повсеместном распространении службы аналогов. Цель - вернуть обществу полезных граждан и уменьшить нагрузку на исправительные и лечебные заведения.

- Почему бы и нет?

- О, до сих пор все прекрасно. Если бы на этом дело и кончилось. Только оно не кончится.

Мартин глубоко вдохнул, сплел пальцы и положил руки на стол. Ему все было совершенно ясно, но он понимал, как трудно осознать то, что он говорит, неспециалисту - даже человеку, весьма компетентному в своей собственной области. И все-таки это неизбежно, это произойдет - если только он, Мартин, не помешает.

- Нам просто не повезло, - сказал он, - что это открытие пришлось именно на данный момент истории. Прежде наше общество закрывало глаза на потерю человеческих ресурсов. И только тридцать лет назад, вскоре после войны, эта проблема встала так остро, что на нее больше нельзя было не обращать внимания. С тех пор многое изменилось, а общественное сознание не поспевает за прогрессом. Изменились правила застройки для больших городов. Возникли новые ограничения на скорость транспорта. Понижилось содержание спирта в вине и крепких напитках. И так далее, и тому подобное. Лечение методом аналогов прекрасно вписывается в общую тенденцию.

Предполагается, что эта тенденция достигнет максимума еще лет через десять. И вот тогда Институт будет готов предложить обществу вторую фазу программы. А именно: во-первых, сделать аналоговое лечение с целью профилактики преступлений, включающих насилие, обязательным для всех граждан старше семи лет.

Смуглый мужчина уставился на Мартина.

- Что-о?! И вы думаете, у них это пройдет? В таких масштабах?

- Да. Потому что это полностью устранил угрозу будущей войны и решит большую часть проблем нашей полиции.

Смуглый мужчина присвистнул.

- А дальше что?

- Во-вторых, - сказал Мартин, - обязательная аналоговая прививка против растрат, взяточничества, тайных сговоров и других видов коррупции для всех кандидатов на государственные посты. Это обеспечит устойчивость демократической системы - раз и навсегда.

Смуглый мужчина отложил карандаш, который вертел в пальцах.

- Доктор Мартин, вы меня запутали. Я - сторонник свобод, но должен же найтись способ не дать человечеству истребить себя. Если это лечение действительно дает тот эффект, который вы описали, я не стану возражать, что при этом нарушаются гражданские права. Я хочу прожить свою жизнь, и хочу, чтобы мои внуки тоже спокойно прожили дарованное им время до самого конца. У меня их двое, кстати сказать. Если вы рассказали мне все, если за этим больше ничего не скрывается, то я - "за".

- Лечение методом аналогов - это костыль, - убежденно сказал Мартин.
- Это не терапия, оно не вылечивает пациента ни от чего. Наоборот, как я вам уже говорил, оно делает его еще безумнее. Причины его иррационального или антисоциального поведения никуда не исчезают, они только подавляются - на время. Да, они больше не могут вырваться наружу тем же путем: мы перегораживаем стеной этот выход. Но рано или поздно они проявят себя - не одним образом, так другим. Когда запруженная река пробивает себе новое русло, что делает человек?
- Строит новую плотину.
- Вот именно, - сказал Мартин. - А потом? Еще одну, и еще одну, и еще?..

Николас Даут, совершенно трезвый, угрюмо разглядывал каменную глыбу, установленную на козлах за домом со стороны сада. Это был кусок гранита из Новой Англии, на котором в нескольких местах были мелом проставлены отметки.

Камень стоял здесь вот уже восемь месяцев, а Даут ни разу не коснулся его резцом.

Солнце грело спину. Воздух был неподвижен; лишь изредка слабый намек на ветер пошевеливал листву на верхушках деревьев. Даут слышал, как у него за спиной гремят тарелки на кухне, слышал отчетливый голос жены.

Было время, когда в этом камне скрывался образ. Каждый камень хранил в себе потенциальную форму, и когда она проявлялась под резцом, это было так, словно ты всего лишь помогаешь ей родиться на свет.

Даут помнил образ, который он видел запрятанным в этой глыбе. Женщина и ребенок. Женщина стоит на коленях, ребенок - у нее на руках, и она склонилась над ним. Баланс форм придавал образу грацию и одновременно внушительность. В объеме скульптуры было много свободного пространства, и оттого фигуры не казались застывшими. Они двигались, дышали, жили.

Даут помнил образ. Но больше не видел его.

Его правую руку и бок пронзила короткая судорога боли. Словно краткое содержание действия: повернуться, отправиться туда, где стоит виски, встретить стража, который не позволит ему выпить, снова повернуться и уйти. Вся эта последовательность теперь свелась к краткой судороге - что-то вроде нервного тика. Он больше не пил. И даже не пытался выпить. Он мечтал об этом, о да, думал об этом, и чувствовал, как пылает все внутри от неукротимой жажды. Но он больше не пытался выпить, потому что пытаться было бессмысленно.

Даут вновь глянул на нерожденную скульптуру и какое-то мгновение не мог даже вспомнить, что за образ он собирался извлечь из этого камня. Его снова пронзила судорога. Даут почувствовал, как внутри него нарастает чудовищное давление. Нечто, запертое в глубинах его существа, безудержно рвалось на свободу.

Он вперился взглядом в камень и увидел, как его медленно заволакивает серая дымка. И - ничего больше. Пустота.

Даут медленно повернулся к дому. У него подгибались ноги.

- Марта! - позвал он.

Шум переставляемых тарелок на кухне.

Даут неуверенно шагнул вперед, вытянув перед собой руки.

- Марта! - крикнул он. - Я ослеп!

- Поправьте меня, если я не прав, - сказал смуглый мужчина. - Мне кажется, что такого рода неприятности могут произойти только с действительно больными людьми, внутренние побуждения которых к антисоциальным поступкам чересчур сильны. Однако вы считаете, что именно их как раз и стоит подвергать лечению. Обычный, средний человек не испытывает стремления убить, или украсть, или что там еще входит в ваш список. Возможно, раз в жизни он почувствует искушение сделать что-то

подобное. Разве ему повредит, если в этот единственный раз его остановят?

- В течение минуты или двух он будет безумен, и это переживание останется с ним, - сказал Мартин. - Но я согласен с вами - если бы этим дело и ограничилось, большого бы вреда не вышло. Большинство в Институте верит вместе с Каско, что на этом все и кончится. Как они ошибаются! Потому что есть еще один пункт, который Институт не включил в программу, но который немедленно придет на ум любому законодателю. Аналоговая прививка против любой попытки свергнуть правительство!

Смуглый мужчина потрясенно молчал.

- А отсюда, - сказал Мартин, - всего один шаг до тирании, которая продлится до конца времен.

На миг нарисованная им самим картина показалась Мартину столь реальной, что он поверил: так и будет, что бы он ни делал. Он увидел призрак доктора Каско - огромный, рыжеволосый, ухмыляющийся призрак, попирающий ногами весь земной шар.

Собеседник Мартина кивнул.

- Вы правы, - сказал он. - Теперь я понял, насколько вы правы. Что я должен сделать?

- Деньги, - сказал Мартин, чувствуя, как постепенно рассасывается владевшее им напряжение. - В настоящий момент у Института едва хватает средств, чтобы вести деятельность в самом незначительном масштабе. Мы расширяемся очень медленно, открывая по одному новому центру в год. Предложите нам денежное пожертвование - облагаемое налогом, не забудьте, - в размере двух миллионов, и мы вцепимся в него обеими руками. Это наживка, а вот и крючок: взамен щедрые дарители попросят привилегию назначить трех членов совета директоров Института. Вы не встретите возражений - если только никто не узнает о моей связи с этим делом, - поскольку три человека в совете не дают дарителям контрольного пакета голосов. Но когда будет решаться судьба второй фазы программы, эти три голоса поддержат мой, и мы победим. Аналоговое лечение - это как эпидемия. Дайте программе несколько лет, и ее уже ничто не остановит. Но если начать действовать сейчас, мы можем убить ее в зародыше.

- Я согласен. Не обещаю добыть вам два миллиона до завтра - но я знаю пару людей, которые не откажут в деньгах, если я расскажу им, какие ставки в игре. Я сделаю все, что в моих силах. Черт подери, я достану вам денег, даже если мне придется их украсть! Можете на меня положиться.

Улыбаясь, Мартин подозвал проходящего мимо официанта.

- Нет-нет, я плачу, - сказал он, предвзяв жест смуглого мужчины. - Хотел бы я знать, понимаете ли вы, какой груз сняли с моих плеч?

Мартин расплатился с официантом, и вдвоем с собеседником они вышли в теплую летнюю ночь.

- Кстати, - заметил Мартин, - так сложилось, что у нас есть ответ на один из затронутых вами вопросов. Помните, мы говорили о том, что в случае подлинных маний аналоговое лечение не вполне эффективно - хотя именно там оно особенно нужно? Есть способ обойти трудности, хотя это все равно не превратит обработку пациента методом аналогов в терапию. Костыль - он костыль и есть. Так вот, совсем недавно мы разработали технический прием, при котором аналог возникает не в качестве стража, а в качестве объекта, к которому пациента влечет его мания. Если маньяк стремится убить, он убивает - но не живого человека, а фантом. Таким образом, стремления пациента не подавляются, а реализуются, однако это не приносит вреда окружающим.

- Аналоговое лечение станет великим благом для человечества, - серьезно отозвался смуглый мужчина. - Но, если бы не вы, доктор Мартин, оно обернулось бы ужасным злом. Доброй ночи!

- Доброй ночи! - благодарно ответил Мартин.

Он стоял и смотрел, как его собеседник растворился в толпе, а потом зашагал по тротуару. Прекрасная ночь. И ему больше не нужно торопиться.

Рослый рыжий мужчина вошел как раз когда официант убирал со стола. Официант автоматически принял подобострастную позу. Чутье говорило ему, что посетитель - важная шишка.

- За каким столиком он сидел? Высокий тип в очках, который только что вышел.

Рыжий мужчина показал официанту сложенную купюру, и она перекочевала из руки в руку.

- Вот за этим, - сказал официант. - Вы - его друг?

- Нет. Просто проверяю, как он.

- Ха! - ухмыльнулся официант. - Да уж, за ним не вредно присматривать получше. Видите?

Он показал на два нетронутых бокала со спиртным, которые стояли на столике с противоположной стороны от места, где сидел высокий мужчина.

- Сидел здесь полчаса, взял четыре выпивки, две оставил. И все время разговаривал, как будто с ним еще кто-то есть. Вы его знаете, этого типа? Он псих?

- Да нет, - добродушно сказал доктор Каско. - Его можно бы назвать психически неуравновешенным, но он абсолютно безвреден. Уже безвреден.

2. ГЛАС БОЛЬШИНСТВА

В помещении для прессы на восьмидесятом этаже здания Мирового Парламента творилось нечто неопишное. Но все затихло, как только вошел крупный рыжеволосый мужчина.

- Вы знаете, чего мы ждем, доктор! - крикнул кто-то. - Не тяните!

- Можете опубликовать следующее, - произнес доктор Каско, чеканя слова. - Принятие сегодня Мировым Парламентом закона о создании универсальной программы аналогового лечения не только глубоко радует меня и моих коллег, но должно стать поводом для ликования каждого гражданина нашей планеты. Этот день знаменует собой начало новой эры человечества - эры зрелости. Мы положили конец войнам, преступлениям, связанным с насилием, заговорам против мира, коррупции государственных чиновников - всему бесчисленному количеству безумий, которые мучили человечество от самого его возникновения. С этого дня начинается истинный прогресс.

Карандаши лихорадочно строчили в блокнотах.

- Что вы собираетесь предпринять следующим шагом, доктор?

Каско усмехнулся.

- Это не для печати.

Поднялся протестующий шум. Рыжий гигант усмехнулся еще шире.

- Не для печати: я провел последние двадцать лет за созданием, образно говоря, блохоловки. Теперь, когда она построена, я намерен проспать тридцать шесть часов и провести следующие двенадцать, возобновляя знакомство со своей женой. Ну а потом - потом мы, наконец, возьмемся за дело по-настоящему.

- Некоторые из нас полагали, - сказала женщина-репортер, - что мистер Чоу из комиссии по гражданским правам заблокирует законопроект об аналоговом лечении на этой сессии и, быть может, даже добьется его отклонения. Есть ли у вас комментарии по этому вопросу?

- Ну и как бы он мог это сделать? - сказал Каско. - Чоу прошел аналоговое лечение шесть лет назад. У него начиналась мания самоубийства. Это тоже не для печати.

После паузы женщина неуверенно спросила:

- Доктор Каско, простите, если я вас неправильно поняла... вы хотите сказать, что в процессе лечения Чоу вы намеренно сделали для него невозможным противиться принятию закона об аналоговом лечении?

- Разумеется, именно так и было, - ответил Каско. - Точно так же, как все вы, находящиеся в этой комнате, получили аналоговую прививку, делающую невозможным разглашение сведений, которые информант просит вас сохранить в

тайне. Иначе бы я вам этого не рассказывал. С одной лишь разницей: Чоу не помнит, что с ним делали. Как не помнит никто из пятидесяти с лишним мировых сенаторов, которые обращались к нам по тому или иному поводу. Кстати сказать, все, что вы сейчас услышали, абсолютно и категорически не для печати.

Большинство репортеров рассмеялись. Каско вызывал симпатию, даже помимо воли.

- Цель оправдывает средства - так, доктор? - сказал невысокий человечек в переднем ряду, который не смеялся.

- В данном случае, - серьезно ответил Каско, - это так.

- Джентльмены, - сказал грузный, холеный, хорошо одетый мужчина во главе стола, - теперь, когда мы взаимно представились, вы несомненно сознаете, что здесь собралось весьма необычное общество. В этом зале присутствуют люди, представляющие интересы всех базовых отраслей производства Северной Америки, от пищевой промышленности до производства стали. В сумме наши компании могут одеть мистера Среднего Американского Потребителя, накормить его, развлечь, поддержать его здоровье, обеспечить кров, и продать ему все, что он только пожелает. Мы все заинтересованы в этом потребителе, однако наши интересы не пересекаются. Мы не соперники. В силу этих причин, я полагаю, вы все с большим вниманием выслушаете предложение, которое я сейчас изложу.

Он обвел взглядом два ряда лиц, затем бросил взгляд в свои записи.

- Собственно говоря, я должен сделать еще одно дополнение к тому, что уже сказал. Среди собравшихся здесь нет представителя рекламной промышленности. Причина этого станет вскоре ясна. Моя корпорация, джентльмены, тратит семь миллионов кредитов в год на объявления и рекламу. Я полагаю, что эта статья расходов примерно одинакова у всех. Теперь позвольте задать вам, как представителям своих корпораций, следующий вопрос. Как бы вам понравилось увеличение сбыта вашей продукции и услуг при одновременном падении расходов на рекламу до нуля?

Повинуясь его сигналу, с обеих сторон стола возникло по молодому человеку. Они стали раздавать собравшимся пластиковые подносы. На каждом подносе лежал цветной гляцевый плакатик, исполненный фотополиграфическим способом, изображающий мужчину и женщину под золотым рогом изобилия, из которого в их протянутые ладони сыпался дождь драгоценностей, крошечных автомобильчиков, окороков, красочных упаковок с пищей и меховых шуб. Надпись гласила:

"КРУГЛЫЙ ГОД - БЕСПЛАТНО!"

- Вот, - сказал через минуту грузный председатель собрания, - та реклама, которая положит конец всякой рекламе. Обратите внимание на текст под рисунком. Как видите, здесь фигурируют фирменные названия товаров и услуг каждой из корпораций и ассоциаций, представители которых присутствуют в этом зале. Для некоторых корпораций упомянуто одно название, для других - два или три. Это было сделано, чтобы в каждом случае представить пять процентов валового дохода корпорации за год. Вы также увидите, что общая стоимость бесплатных товаров и услуг составляет столько же: пять процентов стоимости всего того, что по необходимости или по желанию приобретает за год Средний Американский Потребитель. Другими словами, каждая корпорация вначале понесет потери в размере пяти процентов своей продукции - чтобы заставить потребителя покупать ВСЕ ее продукты, полностью обойдя конкурентов. Взгляните...

Около стола вновь появились ассистенты и раздали всем стопки документов.

- Вот таблица предварительной оценки выгод и потерь от данного предложения в расчете на десять миллионов глав семейств в первый год. Я полагаю, что любая из представленных здесь корпораций способна покрыть дефицит первого года из своих резервов капитала.

Он замолчал, и тут в зале впервые прозвучал чей-то голос, кроме

голоса председателя.

- Мне кажется, - сказал пожилой мужчина с вытянутым лицом, - что это будет квалифицировано как ассоциация, ограничивающая свободу торговли, мистер Дин.

- Наш юридический отдел очень тщательно проработал данный вопрос, мистер Хойл, и они заверили меня, что такая программа вполне законна. Наши корпорации будут связаны друг с другом исключительно ради реализации проекта. Не будет ни слияния капитала, ни общего директората, вообще ничего подобного. Кроме того, мы никому не будем навязывать бесплатные товары и услуги насильно. По сути, наши действия сведутся к следующему: если покупатель приобретет у нас большое количество товара, мы предоставим ему кое-что бесплатно, в качестве премии. Клиент лишь должен будет подписать контракт - ну, и пройти аналоговую обработку. Контракт подписывается на пять лет, и в конце этого срока должен быть возобновлен. А вот аналоговая обработка действует раз и навсегда.

На лицах собравшихся джентльменов появились улыбки. Особые улыбки, которые можно увидеть либо за покерным столом, либо за столом заседаний.

- Есть другой, более важный вопрос, - сказал краснолицый мужчина с седыми усами щеточкой. - Как вы намерены получить доступ к средствам аналоговой обработки? По-моему, они все принадлежат правительству.

- Ошибаетесь, полковник, - сказал председатель. - Институт психиатрии доктора Каско - это частная некоммерческая организация, имеющая лицензию и получающая субсидии от правительства. Использование средств аналоговой обработки контролируется законом. Однако, вот интересный факт: любой гражданин может за плату подвергнуться лечению методом аналогов с целью профилактики действий, которые он не хотел бы совершать. Это, разумеется, помимо тех случаев, когда аналоговая обработка и так обязательна по закону. Джентльмены...

Он театрально развел руки.

- Я чересчур уважаю вашу проницательность, чтобы разжевывать очевидное. Позвольте, я скажу грубо и откровенно. Если этого не сделаем мы, нас опередят. Вот как обстоят дела, джентльмены.

3. ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА НЕПРАВ

Раздевалка младших помощников продавцов третьего уровня девятого блока в Магазине города Гленбрук - это местечко из тех, которые новички видят по ночам в кошмарных снах. Вдоль одной стены тянутся кабинки с душами, противоположную стену занимает ряд одинаковых открытых шкафчиков для одежды. Посредине комнаты - холодные металлические скамейки. Лампы едва светят, пыль с них не вытирали годами. Воздух пропитан неистребимым запахом пота.

Этот жуткий курятник битком набит молодыми людьми, большинство из которых - потребители по происхождению и недалеко ушли от этой категории по образованию. Их здесь тридцать человек, а кажется - сто. Одни полностью одеты, другие переодеваются, закутавшись в специальные мешки, третьи моются в душе, задернув занавески. И все они одновременно говорят, кричат, смеются, - общительные и шумные, как стая обезьян.

В душе несколько старожил мучают последнего из новоприбывших на традиционный манер. Новичок, чахлый и бледный юнец по фамилии Вилкинс, завывает в душевой кабинке. Его впустили туда, а потом стали то отдергивать, то задерживать занавеску. Вилкинс боится снять свой мешок для переодевания, и с каждой минутой все больше боится опоздать на рабочее место. Завывания его становятся все громче.

Высокий и худой Артур Басс, мпп 2/С, вполуха слушал, что там происходит, привычно одеваясь под мешком. Он был благодарен Вилкинсу. Есть шанс, что Элдридж, Янкович и остальные так увлекутся новичком, что про него и не вспомнят.

Элдридж и Янкович были заводилами в группе младших помощников продавцов третьего уровня девятого блока. Старожилы, обоим уже за тридцать, впереди их не ждет ничего, только перевод в хозяйственную службу по возрасту. Басс был их излюбленной мишенью для насмешек. То ли их раздражали его рост и худоба (Элдридж и Янкович были одинаково приземисты, с волосатыми руками и ногами), то ли его неизменная серьезность, обдуманность речи, или просто то, что Басс в отличие от них мог рассчитывать на продвижение по службе - как бы то ни было, они с самого начала невзлюбили Артура и не упускали случая поиздеваться над ним.

Что ж, на пути к головокружительным высотам должности старшего продавца приходится терпеть и не такое. Басс терпеливо сносил насмешки. Однако на днях Янкович встретил его на улице, когда Артур провожал домой из Булочной Глорию.

Закончив сложную процедуру одевания, Артур снял мешок, аккуратно свернул его и положил на место в шкафчике. Затем набросил на плечи эпитрахиль, расправил ее и посмотрел на часы. Как обычно, он управился раньше времени. Оставалось еще несколько минут до звонка.

Басс прислушался. Вопли бедняги Вилкинса прекратились - упал в обморок, надо полагать. Ну и работников нынче присылают!

Как и следовало ждать, Янкович отправился на поиски новой жертвы. Он протолкался через всю комнату к Бассу с идиотской ухмылкой на мясистом лице. Вокруг Артура тотчас сомкнулось кольцо зрителей.

- Мой голубок! - противным голосом проревел Янкович и мерзко захихикал.

- Вы ко мне обращаетесь, мистер Янкович?

- Да, к тебе, мой голубок! - пропел Янкович деланным фальцетом.

Младшие помощники продавцов радостно заржали. Янкович придвинулся к Бассу поближе, скорчил умильную рожу и громко чмокнул губами, изображая поцелуй. Волна хохота снова прокатилась по комнате. Янкович, Элдридж и еще несколько старших мпп имели жен. Остальные, как и Басс, были холостяками и, конечно же, никогда в жизни не целовали женщину.

- И это еще не все, - сказал Янкович, ухмыляясь зрителям.

Он сложил руки на груди, выпучил глаза и втянул щеки, как только мог. Младшие помощники продавцов схватились за бока от хохота.

Артура попеременно бросало то в жар, то в холод. Он понимал, что глупо обращать внимание на такую обезьяну, как Янкович, но ничего не мог с собой поделать. Сама грубость имитации делала ее еще обиднее. Неужели другие люди действительно видят его таким?

Кривляясь, Янкович выдавил сквозь сложенные бантиком губы:

- Ву вуйдите зу меня зумуж, Глурия? Вуйдите зу меня?

Артур вздрогнул от неожиданности и почти физической боли.

- Глурия! - выкрикнул он. - Гло-ория!

И как только Янкович разузнал ее имя? Должно быть, крутился около Булочной и вынюхивал все свое свободное время...

- Что-нибудь не так, голубок? - издевался Янкович. - Да ты никак боишься жениться, а? Ну-ка, расскажи нам, чего ты боишься?

Какая-то извращенная часть ума Артура внезапно подбросила ему картинку: жена Янковича. Басс мельком видел ее с Янковичем в прошлом году на демонстрации в День Основателя. Коренастая, с тусклыми глазками на волосатой обезьянней морде. Еще более отвратительное животное, чем сам Янкович.

"Семьдесят три-ноль-восемь-восемь", - подумал Артур.

Это и был его ответ, прекрасный ответ на вопрос мучителя. 73088 - таков код секции одежды для женщин с чересчур длинными руками.

Артур покатал ответ на языке, ощутил его губами.

- Ну, что ты нам скажешь, голубок?

- Брак - это священный институт, - пробормотал Басс пересохшим ртом.

По кольцу зрителей пронесся презрительный шепоток. В раздевалке мпп УЗ-Б9 благочестивые манеры котировались - ниже некуда.

Прозвенел звонок, созывающий всех по местам. Проталкиваясь в коридор

вместе с остальными, Басс обнаружил, что повторяет в уме: "Семьдесят три-ноль-восемь-восемь, обезьянья морда... семьдесят три-ноль-восемь-восемь!" Как будто озорной бесенок сидел у него в голове и нашептывал на ухо. Бесенок, с которым Артур был хорошо знаком. Он появлялся в самые неожиданные и неподходящие моменты и подсказывал такое, чему Артур и сам не мог поверить, глядя на свое серьезное лицо в зеркале. Если бы только он мог позволить себе высказать вслух хоть что-нибудь из подобных мыслей, хоть сотую долю того, что сходит с рук Янковичу - о, роли в раздевалке поменялись бы очень быстро...

Но что Артур мог поделать? Неуважение к вышестоящему - это грех. Путь добродетели - путь к успеху. Кто поступает правильно, тот дважды благословен.

Из всех работников УЗ, и даже всего Б9, и даже Магазины города Гленбрук в целом, Артур Басс лучше всех сознавал глубину адской Бездны, стерегущей человека в ожидании неосторожного шага.

Внутри многослойной оболочки, состоящей из двух тонких нижних рубашек, рубашки, куртки, камзола и утяжеленной епитрахили, тело Артура немилосердно чесалось.

По ребрам стекал пот, щекоча то место, где чесалось сильнее всего, и делая попытку особенно изощренной. Артур сцепил зубы и уставился поверх шляп воскресной толпы покупателей. Под бдительным взглядом старшего продавца Леджетта Басс не смел не только почесаться, но даже поежиться или сменить выражение лица.

Леджетт заканчивал работать с очередной покупательницей. Артур набрал на своем аппарате стоимость последней покупки, просуммировал итог, оторвал чек со списком покупок и подал покупательнице вместе с ее кредитной карточкой.

Покупательница, ссохшаяся желтушная особа, протянула было руку за карточкой, но голос Леджетта остановил ее.

- Вы еще можете внести изменения в список ваших покупок, мадам. Этот свитер, - он показал на экране у себя за спиной, - вполне приемлем, уверяю вас, однако вот этот - (тридцать семь-ноль-девять-пять, Басс, быстро) - гарантированно износится вдвое быстрее.

Артур облился горячим потом, но был доволен, потому что опять совладал со своим бесенком. Тот только что подбивал его набрать код секции для женщин атлетического сложения - просто посмотреть, что из этого выйдет. А все-таки Артур сумел ввести в аппарат правильный номер, как раз когда Леджетт заканчивал фразу.

Покупательница робко уставилась на ярко-розовое одеяние из непрочной даже на вид ткани и пробормотала что-то почти неслышно.

- Значит, берете, - сказал Леджетт. - Я так и думал. Вы - благочестивая женщина, истинно почитающая Магазин. Вы не хотите, чтобы соседи говорили, что вы копите деньги. Басс, прошу вас...

- Нет, - сказала покупательница чуть громче.

При словах "копите деньги" ее передернуло, как того и добивался Леджетт, и на увядших щеках выступила краска стыда. Однако во взгляде было упрямство.

- Я не могу, продавец. Просто не могу. Мне нужно платить за стиральную машину, и за дом, да еще муж повредил себе спину и уже месяц как лежит. Я не могу, вот и все.

Леджетту удалось добиться убийственной улыбки, лишь слегка приподняв губу, так что стали видны кончики по-кроличьи длинных резцов.

- Я все прекрасно понимаю, мадам. Можете не оправдываться.

Он смерил женщину холодным взглядом и перевел его на очередного покупателя.

- Следующий!

Совершенно уничтоженная, женщина повернулась уходить, позабыв про карточку и чек. Артуру пришлось перегнуться через перила кафедры и

насиленно всунуть их ей в руку. Воспользовавшись тем, что епитрахиль и камзол оттопырились, когда он наклонился, Артур запустил свободную руку под одежду и быстро провел ногтями по ребрам - раз, другой, - и только потом выпрямился.

Райское наслаждение!

Следующим покупателем оказался полный мужчина в простом нестеганом камзоле и брюках. На руках у него было всего с полдюжины браслетов. Сопя, он взобрался на помост под кафедрой. С ним был круглолицый мальчик лет одиннадцати, одетый в блузу и штаны до колен - такие маленькие и тесные, что он едва мог двигаться.

- За прогресс, продавец! - пропыхтел толстяк. - Вот мой парнишка Том, пришел получить свой первый взрослый костюм.

- За прогресс. Да уж, давно пора, - ледяным тоном отозвался Леджетт.

- Сколько мальчику лет?

- Всего десять, продавец. Он крупный для своего возраста.

- Когда ему исполнилось десять?

- Недавно, продавец, совсем недавно.

- Я спросил, когда?!

Толстяк моргнул.

- Пару недель назад, продавец. Я привел его к вам сразу, как только смог, продавец. Клянусь!

Леджетт с отвращением фыркнул и бросил в сторону Артура:

- Семнадцать-восемьдесят-ноль-один.

Басс, хорошо изучивший своего начальника, набрал код едва ли не раньше, чем Леджетт назвал его. На экране появился самый дорогой комплект одежды для мальчика из имеющихся в Магазине. Ткань быстро протиралась до дыр, краска немедленно линяла, швы прошли специальную обработку, чтобы через четыре месяца нитки разлезлись, и одежда превратилась в бесполезные тряпки.

Леджетт молча взирал на покупателя, ожидая, осмелится ли тот возражать.

Покупатель прочел цену и облизал пересохшие губы.

- Да, продавец, - с убитым видом сказал он. - Это нам подойдет.

Басс ввел данные в аппарат.

- Девяносто один-два-семь-три, - сказал Леджетт.

Это были верхние рубашки, такого же качества, в количестве пяти штук. За ними последовали нижние рубашки, десять штук. Затем подштанники; носки; шейные платки; туфли.

- Пойдем, Том, - наконец утомленно сказал толстяк. - За прогресс, продавец.

- Минутку, - остановил его Леджетт.

Он перегнулся через перила кафедры и с внезапным интересом принялся разглядывать малиновую верхнюю рубашку толстяка.

- Ваша рубашка выгорела, мистер, - сказал он. - Вам не мешает купить дюжину новых. (Пятьдесят три-один-ноль-девять, Басс).

- Простите меня, продавец. В следующий раз, если можно. Я так много купил для сына, что у меня не осталось денег на себя.

Леджетт поднял бровь.

- Вы меня удивляете, - сказал он. - Басс, сколько кредитов на счету этого человека?

Артур пробежал пальцами по клавишам.

- Сто девяносто целых тридцать пять сотых, продавец Леджетт.

Леджетт обратил суровый взор на покупателя, топчущегося под кафедрой.

- Мне послышалось, что вы сказали "ничего не осталось"?

- Две сотни разрешаются законом, - сказал толстяк. У него дрожал подбородок. - И еще даже не конец месяца. Я знаю свои права, вам меня не запугать. Эти деньги нужны мне на другие расходы. Пойдем, Том.

Толпа покупателей разгневанно зашумела. Не поворачивая головы, Артур краем глаза наблюдал, как толстяк и его сын спускаются с помоста под злобными взглядами остальных.

И они вполне заслужили такое отношение, напомнил себе Артур. Одно только то, что и отец, и сын были толстяками, бросало вызов обществу. Жирные, трясущиеся подбородки; шеи, нависающие складками над воротниками; разбухшие ноги. Как можно довести себя до такого состояния на предписанной правилами диете? Они что, считают себя акционерами? Или администраторами?

Леджетт молчал, сложив руки на груди поверх своей красной с серебром епитрахили и глядя на покупателей сверху вниз из-под полуприкрытых век. Артур видел, как в первых рядах толпы то тут, то там кто-то делает рывок вперед, покраснев от гнева и заноса кулак... Но тут же возвращается на место и склоняет голову, внимая ангельским голосам, которые слышны ему одному. Забавно, подумал Артур, в скверные старые времена это вылилось бы во всеобщую свалку.

У подножия помоста толстяк обернулся.

- Я знаю свои права, - сказал он рассерженно, и протянул руку с пальцами как сардельки. - Отдайте мою карточку.

Артур не пошевелился, ожидая.

Леджетт произнес бесстрастным тоном:

- Возможно, вы и знаете свои права, мистер. Но вы до сих пор не выучили свои обязанности. Итак, я предлагаю вам выбор. Либо вы с сыном и его свидетельством о рождении отправитесь в Расходный суд и объясните судьям, почему вы не купили для него взрослый костюм немедленно, как это полагается, а ждали до тех пор, пока последняя детская одежда не перестала на него налазить. Либо вы сделаете еще одну покупку ради спасения вашей души. Ну? (Одиннадцать-пять-два-шесть, Басс).

Образец, появившийся на экране, представлял собой мужской костюм из многослойной черной кисеи, со шляпой, украшенной индюшачьими перьями, и высокими сандалиями в побрякушках. Это был карнавальный наряд, предназначенный быть надетым один раз по случаю праздника, а потом превратиться в лохмотья. Он стоил 190,50 кредитов.

- Да здравствует старина Леджетт! - выкрикнул кто-то.

Люди засмеялись; потом захохотали. Леджетт даже не улыбнулся. Он смотрел вниз, на толстяка, с выражением легкой скуки и отвращения. Толстяк, весь багровый от унижения, воздел сжатые в кулаки руки к трясущемуся подбородку, и вновь опустил их. Слезы ярости покатались у него из глаз, и толпа встретила их оглушительным хохотом.

- Да чтоб ты умер от хворобы, пожираемый грехом грязный сын собаки! - взревел толстяк.

Смех смолк. Толпа в ужасе отшатнулась от него. В тяжелой тишине негромкий голос Леджетта прозвучал подобно грому:

- Одержимый!

Рука продавца упала на панель управления. Жуткий вой сирены заглушил панические вопли толпы, отхлынувшей от демона. Лицо толстяка стало бледнее мела. Он съежился на месте, продолжая сжимать кулаки. Круглолицый мальчик открыл рот в неслышном крике.

Затем толпа раскололась надвое. Появились три внушающие ужас фигуры в черном, с газовыми трубками в руках - и молнии шли за ними по пятам.

Артур автоматически отвернулся. Последнее, что он увидел, было бледное лицо толстяка, запрокинутое в немом отчаянии, между двух спин в черной униформе. Одержимого унесли.

Прошло несколько минут, и люди стали возвращаться на прежние места, негромко переговариваясь. Охранники и заключенные покинули зал. Когда Артур вновь обернулся к залу, он увидел, что кафедра над ним пуста. Леджетт отправился доложить о происшествии Охране.

В нескольких местах в толпе образовалось замешательство - надо полагать, там кто-то был сбит с ног или упал в обморок. Появился медик в белом одеянии, обошел зал и убрался восвояси. Через пару минут он вернулся с двумя помощниками и каталкой скорой помощи. Вокруг каталки возник временный водоворот, затем тела были погружены, и каталку увезли. Голоса

людей слились в ровный громкий гул.

В задних рядах кто-то затыкнул гимн. Другие подхватили его, и какое-то время он соревновался с шумом толпы, но в конце концов заглох. Через обе двери в зал продолжали вливаться люди. Медленное движение мимо кафедры постепенно прекратилось - больше некуда было стать.

Артур стоял, выпрямившись, и старался не показать владевшего им возбуждения. Он впервые в жизни видел одержимого демоном, хотя в новостях почти каждый день сообщалось о подобных случаях. Для него, как и для покупателей, услышать, как человек проклял продавца - и знать, что если бы демон в нем не победил ангела-хранителя, он бы не смог вымолвить ни слова из этой анафемы, как не смог бы убить, - было все равно, что заглянуть в Бездну.

Только, в отличие от остальных, Артур стоял ближе к ней. Всех покупателей приводили в Магазин для конфирмации в возрасте семи лет. И второй раз - в десять. То же было и с Артуром. Все покупатели подвергались обработке при помощи священных машин. То же было и с Артуром. Каждый покупатель получил ангела-хранителя, который будет руководить им всю жизнь. И только Артур - нет.

Это был главный факт его жизни, о котором он не мог рассказать никому, но сам не смел забыть ни на секунду. Каким-то образом случилось так, что машины, которые успешно обрабатывали всех остальных, ничего не сделали с ним. Но в самом ли деле он один такой? Существуют ли другие люди, которые только делают вид, что у них есть ангел-хранитель? Может быть, кто-то из них сейчас здесь, недалеко от Артура?

До сих пор его внутренняя свобода обходилась Артуру дороже, чем она того стоила. Отвратительное сокровище, которое он должен хранить в тайне до тех пор, пока... пока однажды он не поднимется до ранга администратора, или даже младшего акционера... теоретически это возможно...

Но сейчас Артур безумно хотел знать одну-единственную вещь.

Был ли толстый потребитель таким же человеком, как Артур, и просто выдал себя в порыве гнева?

Или демоны существуют на самом деле?

В задней стене кафедры отворилась дверь, и вошел Леджетт. В зале, от помоста под кафедрой до самых дальних уголков, легла тишина.

То, что случилось, знал Артур, было прекрасным поводом для импровизированной службы. Покупатели ожидали церемонии. По меньшей мере половина присутствующих набегала в зал именно ради нее.

И потому Артур почувствовал прилив восхищения, когда Леджетт обвел взглядом первые ряды толпы и сухо произнес:

- Следующий!

Его поступок произвел больше впечатления, чем двухчасовая речь. Присшествие само сказало свою историю, свою мораль; ничего не нужно было добавлять.

Теперь все коды, которые набирал Артур, обозначали товары первой группы качества: ни один предмет одежды из их числа не удастся надеть больше пяти раз. Снова и снова ему приходилось сообщать, что на кредитной карточке ошеломленного покупателя - отрицательная сумма. К середине дня Артур осознал, что Леджетт вершит продажу на сумму, которой еще не бывало в истории отдела готовой одежды.

В три часа пополудни, когда зал все еще был на три четверти полон, Леджетт вдруг прервал работу с покупателем и хрипло сказал:

- Басс!

- Слушаю, продавец Леджетт.

К изумлению Артура, Леджетт повернулся, открыл дверь в задней стене кафедры, и вышел в коридор. Артур последовал за ним.

Леджетт ждал его в двух шагах. Артур закрыл дверь.

- Басс, - холодно сказал Продавец, - вам приказано явиться в кабинет менеджера персонала Вутена, блок восемнадцать, уровень пять, в три

тридцать ровно. Сейчас три часа. Прежде чем вы отправитесь туда, я хочу вам сказать - поскольку, возможно, мне больше не представится такой возможности, - что выше поведение сегодня было неописуемым. Только за последний час мне пришлось пять раз ждать, пока вы наберете код. Вы еле двигались. Вы шаркали ногами. Вы позволили себе ПОЧЕСАТЬСЯ, когда думали, что я вас не вижу.

- Продавец, я прошу прощения, - сказал Артур, быстро оправившись от испуга. - Дело в том, что...

- Я не желаю слушать ваши оправдания, Басс, - сказал Леджетт. - Выслушайте меня внимательно. Если вы все еще собираетесь когда-нибудь стать продавцом - хотя вы в высшей степени не подходите для этого сана - советую вам запомнить следующее. Продавец есть наместник президента Магазина, который есть наместник администратора района, и так далее, по неразрывной цепи власти, до самого председателя. Продавец должен быть живым символом достоинства и прямоты, должен вдохновлять остальных, чтобы они следовали стезей добродетели, насколько позволяют их способности. Являть собой пример, а не чесаться, как обезьяна! - Он резко повернулся. - За прогресс, Басс.

- За прогресс, - ответил Артур и проводил взглядом спину Леджетта, исчезающую в двери.

Задумчиво насвистывая себе под нос, Басс направился по коридору в раздевалку. Комната была пуста. Длинный ряд открытых шкафчиков показался ему рядом отверстых пастей. Стало неуютно. Артур снял епитрахиль и скуфью, свернул их и положил на место. Расправил камзол, надел шляпу, сумку-пояс, браслеты и кольца. Затем, успешно одолев искушение завязать узлами одежду Янковича, Артур покинул раздевалку, прошел по длинному коридору, в котором гуляло эхо, и вышел на лестницу.

Двумя уровнями ниже он перешел по пандусу в главный зал девятого блока и занял место на бегущей дорожке, которая двигалась в северном направлении. Людей на дорожке было немного. В это время дня мало кто приходил в Магазин - из опасения напрасно потратить время, даже не пробившись к продавцу. Надо было вовремя управиться с воскресным обедом, чтобы не опоздать в Магазин на вечернюю службу... Артур спохватился. Типичные мысли потребителя - с чего бы вдруг? Нет уж. Какие бы трудности и опасности ни ждали его впереди, к прошлому он не вернется.

Артур вовсе не задумывался над этим специально, знание пришло само. Как будто Артур все время знал, что рано или поздно его уволят из Магазина. Насвистывая неслышно, но весело, он сошел с бегущей дорожки и стал подниматься по лестнице вверх.

- Басс.

Секретарша в серовато-коричневом одеянии, с бледным лицом и такими же волосами, слившимися в одно смутное пятно, проронила единственный слог его фамилии, и рот ее захлопнулся, как мышеловка. Близорукие глаза смотрели не на Артура, и даже не сквозь него, а куда-то в невообразимые, немислимые дали, лежащие за его спиной.

За те полчаса, что Артур ожидал здесь, секретарша дважды вставала и подходила к окну, ведущему прямо в шахту воздуховода. Она поднимала руку, чтобы открыть окно, замирала и долго слушала неслышимый голос, прежде чем механически вернуться на место.

Явный суицидальный тип. В скверные старые времена она бы выбросилась из окна.

Внутренний офис был отделан панелями белого дуба и черного дерева. Напротив двери, в которую вошел Артур, располагался стол, а за ним - три высоких решетчатых окна, сквозь которые были видны залитые солнцем холмы Гленбрука. По обе стороны окон свисали шторы из зеленой с серебром камчатной ткани. На стенах были развешены обычные изречения в рамках черного дерева:

"ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА НЕПРАВ"
"СКУПОСТЬ - КОРЕНЬ ВСЕХ ГРЕХОВ"
"УНИЖЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЯ - ЛУЧШАЯ РЕКЛАМА"
"КУПИТЕ - СНОСИТЕ - ИЗРАСХОДУЙТЕ - КУПИТЕ СНОВА"

За столом находились двое мужчин. Один, с круглым румяным лицом херувима и жесткими раскосыми глазами, был одет в черное с белой каймой одеяние менеджера. Это должен был быть Вутен. Однако он не сидел за столом, а стоял рядом, опершись о столешницу ладонями. Худощавый седой старик, который занял его кресло, носил алые кружева и оборки архидепутата.

- Это Басс, ваше превосходительство, - сказал мужчина в черном. - Басс, я - менеджер Вутен. Это - архидепутат Лодермилк, который хочет задать тебе несколько вопросов.

- За прогресс, ваше превосходительство, ваша милость, - сказал Артур.

- За прогресс, - ответил Лодермилк неожиданно приятным голосом. - Садись, Басс. Ну-ка, посмотрим...

Он приподнял страницу, на которой была открыта лежащая перед ним папка, заглянул на следующую, и вернулся к первой странице.

- Тебе двадцать один год, - сказал он. - Карие глаза, черные волосы, худощавого телосложения, шрамов и особых примет нет. Отец и мать - оба потребители; мать умерла. Что ж, происхождение самое обычное: это столь же часто бывает хорошо, сколь и плохо. Из родившихся в семье детей выжили три брата и две сестры. Очень неплохо. Ладно. Теперь, Басс, расскажи мне что-нибудь о себе. Не эту статистику, - Лодермилк закрыл папку и положил на нее руки, - а что-то, что имеет для тебя значение. Что ты любишь и чего не любишь. Что ты думаешь о разных вещах.

Он устремил на Артура взгляд, исполненный пристального интереса. Артур откашлялся. Ну же, давай, подбодрил он себя. Процедура очень-то похожа на увольнение - но что она значит, во имя всего святого?

- Мне нравятся многие вещи, ваше превосходительство. Я люблю свою работу. То есть, любил...

Лодермилк кивнул, улыбаясь и одобрительно шурясь.

- Что еще? Чем ты занят, когда не работаешь в Магазине?

- Я занимаюсь в Университете, четыре часа в день...

- Да, верно, здесь это написано. Что ты изучаешь?

- Обычный курс, ваше превосходительство. У меня нет разрешения на другие. Торговая история, логика, риторика, философия, священная экономика и психология потребителя.

- Какой предмет тебе больше нравится?

Артур тщетно пытался понять, к чему он ведет.

- Ну, они все интересные, ваше превосходительство. Но, по-моему, экономика и психология лучше остальных.

Лодермилк кивнул.

- Научные склонности, - сказал он. - Да. Твой декан сказал, что ты - один из лучших студентов по этим двум предметам, хотя несколько отстаешь по риторике и философии. Вполне понятно. Да, Басс, мне кажется, что ты не создан быть продавцом.

Он пожевал губу, барабанив длинным средним пальцем с изысканным маникюром по крышке стола. Артур с трудом проглотил слюну.

- Теперь, Басс, скажи мне кое-что еще, - снова заговорил Лодермилк. - Если бы тебе представилась возможность изучать другие предметы, которых нет в обычном курсе, ты был бы рад? Чувствуешь ли ты в себе призвание? Хотел бы, чтобы это стало твоей профессией?

На несколько мгновений Артур забыл дышать. Изучать таинства - неужели Лодермилк говорит об этом? - стать светским доктором наук или даже дьяконом в Магазине, для начала... Да он был отдал за это все, что угодно!

- Физика, - сказал Лодермилк. - Электроника. Вот о каких вещах я говорю. Не торопись отвечать, подумай.

- Я желал бы этого больше всего на свете, ваше превосходительство, -

сказал Артур.

- Хорошо. Хорошо. Я так и думал. Что ж, теперь пора объяснять, к чему наш разговор. Каждый год в это время, Басс, учебные заведения с ограниченным поступлением набирают новый курс. Вот зачем я здесь. Мы обычно ищем кандидатуры среди молодых людей, стремящихся стать продавцами или другими торговыми чинами, поскольку люди, подходящие нам по типу, обычно приходят служить в Магазин по своей инициативе. Я ищу студентов для колледжа священных наук Торгового университета Пасадены. Это четырехлетний курс, который дает звание доктора священных наук. Как правило, выпускники сразу получают место младшего помощника дьякона. Позволь сразу же охладить твой энтузиазм - это долгий и трудный курс. Есть и другие неудобства. Студент не должен покидать студенческого городка в течение всех четырех лет. То же самое касается и его жены, если он женится. Ни студент, ни его жена до самого выпуска не увидят ни одного человека, не связанного с колледжем - если, конечно, он сумеет доучиться до выпуска. Не всем удастся. А после окончания колледжа, вернувшись в мир, выпускник обнаруживает, что потерял связи с людьми той среды, в которой существовал раньше. Даже со своей семьей. Так что, предупреждаю тебя, ты должен отнестись серьезно к принятию решения.

- Я понимаю, ваше превосходительство.

- Хорошо. Просто прекрасно. Теперь еще один момент... - Лодермилк перелистал страницы досье, внимательно прочел какую-то запись на последней странице, и захлопнул папку. - Скажи мне Басс, в каких ты отношениях со своим ангелом-хранителем?

Артур почувствовал внутри растущее напряжение. Теперь - осторожно!

- Я... я много лет не видел его, ваше превосходительство.

- Хм. Да. Ну что ж, этого не нужно стыдиться, Басс. Ты принадлежишь к типу людей с наследственно стабильной психикой. Это нечасто встречается, но твоей карьере помешать не должно. Напротив. Могу сказать тебе по секрету, что мы особенно ценим студентов твоего типа. Они делают большие успехи в закрытых науках. Хорошо...

Архидепутат наклонился, поднял что-то с пола и осторожно поставил на стол перед собой. Предмет имел форму продолговатого ящика высотой в фут, и был накрыт желтым платком.

- Встань, Басс. Подойди ближе. Вот так. А теперь не пугайся. Делай то, что я тебе скажу, и все будет хорошо.

Без предупреждения Лодермилк сдернул желтый платок.

Ящик был без передней стенки. Внутри, на фоне покрытого черной эмалью металла, ярко выделялся красный пластиковый пакет с желтой этикеткой:

МАРМОНСКИЙ САМЫЙ ЛУЧШИЙ

ИЗЮМ БЕЗ КОСТОЧЕК

1 фунт -- 0,45 кредитов

Но в верхнем правом углу вместо маркировки "ОП", что означало "продукты общего потребления", была начертана непристойность: желтый кружок с черной пометкой Е/Т внутри.

- Возьми его! - резко сказал Архидепутат.

Артуру вдруг показалось, что голова у него огромная и легкая, как воздушный шар. Особенно распухли язык и губы, словно кто-то вмиг накачал их воздухом изнутри. Артур позволил себе качнуться в нерешительности.

- Возьми!

Артур протянул руку к красному пакету. Между его пальцами и запретной вещью остался дюйм... полдюйма...

Ничего не случилось. Ничего и не случится. Последняя слабая надежда Артура исчезла - у него по-прежнему не было ангела. Ему придется симулировать...

Артур хрипло вскрикнул и отдернул руку.

Он сжался в комок на полу, закрыв руками лицо.

- Нет! - взмолился он. - Я не буду. Я больше никогда не буду!

- Ну ладно, сынок, ладно. Все в порядке.

Участливые руки поднимали его с пола. Артур нашарил позади себя стул и рухнул на него, уронив лицо в ладони.

- Отдышись, приди в себя.

Артур прерывисто вздохнул и выпрямился. Очень неприятное переживание. Часть его оставалась бесстрастной и наблюдала, но остальным своим существом Артур действительно был готов увидеть гневного ангела с огненным мечом...

- Ну хорошо. Я сожалею, что тебе пришлось пройти через это, но мы должны быть уверены. Думаю, ты нам подойдешь, Басс. Ну-ка, где же у меня... ага, вот и список.

4. КОГДА Б СВЕРШИТЬ Я ГРЕХ ХОТЕЛ

Был еще совсем ранний вечер, когда Артур Басс вышел из Магазина. Он обернулся бросить взгляд на колоссальный северный фасад комплекса. В окружении обыкновенных домов Магазин смотрелся, как валун среди россыпи гальки. Короткие лиловатые тени залегли под стенами, подчеркнув чистый блеск стекла и камня.

Артур повернул на Хай Стрит. Он шел мимо ряда громоздких офисов и агентств разнообразных услуг, мимо Булочной района, расточающей соблазнительные запахи на всю округу; мимо поста Охраны и кинотеатра. Дальше начинался жилой район: двух- и трехэтажные панельные дома, выкрашенные новенькой краской, но с покосившимися стенами. Старые дома, многим было уже лет по двести. Они насквозь пропитались особым запахом, который нельзя было отбить никакими дезодорантами - слабым, но отчетливым запахом затхлости, плесени, пыли. Запах воспоминаний и медленного угасания.

Пока Артур шел, погода постепенно менялось, и менялось освещение. Небо из синего превратилось в золотое; очертания предметов стали мягкими, размытыми; тени приобрели красноватый оттенок. Все вокруг оказалось светлым и туманным, пространство утратило глубину. Мир превратился в золотой пейзаж, нарисованный в старинном стиле. Даже уличных прохожих, редких в этот час, окружал туманно светящийся ореол.

Пошел слепой дождь - такой тихий и слабенький, что Артур заметил его лишь когда собравшаяся влага закапала с полей его шляпы. Он машинально открыл сумку-пояс и вынул плащ от дождя. Когда Артур разворачивал плащ, шов на плече расплылся под его пальцами. Артур все равно надел дождевик. "Лучше, если тебя увидят в дешевом плаще, чем в порванном. Лучше, если тебя увидят в порванном плаще, чем без него".

Артур прошел между новых жилых домов, внутри кольца которых было то, что осталось от парка. Он направился по тропинке к скамейке, где иногда ему случалось дожидаться Глорию, возвращавшуюся домой из Булочной. Сейчас не имело смысла ее ждать: девушка не входила в воскресную смену. Глория сейчас либо в Магазине, либо дома, помогает с воскресным обедом... Артур опустил на скамейку.

Ему предстояло многое обдумать.

Например, был ли этот ящик на столе Вутена, при всей его внешней простоте, оборудован скрытой камерой? Артуру удалось провести Лодермилка, хотя за внешним добродушием манер архидепутата крылся острый и искусный ум. Но если поведение Артура записали на пленку, не окажется ли там детали, которая выдаст его при повторном просмотре? Какого-нибудь мимолетного выражения на лице, или затянувшегося колебания?

Далее: разумно ли рассчитывать, что ему удастся пройти все дальнейшие тесты, которым его, несомненно, подвергнут в колледже? В том самом месте, где об ангелах-хранителях знают больше всего?

Артур изо всех сил пытался найти самые мрачные стороны в предложенной ему перспективе, и не находил. Опасности были все теми же, которым он подвергался всю свою жизнь, пусть и в усиленной форме. Зато возможности, которые перед ним открывались! Знания, карьера, Глория...

Ладно, этот вопрос он обдумал. Оставался еще один: толстяк в Магазине.

В свои двадцать один год Артур относился к сверхъестественному со здоровым скептицизмом. Если верить Магазинной догме, его самого не существует. Человек может лишиться ангела-хранителя по причинам, которых Артуру никто никогда толком не объяснял, однако не бывает такого, чтобы человек не получил хранителя изначально. Священные машины срабатывали всегда, без исключений. И все же - вот он, Артур, такой, какой он есть.

Обнаружив фальшь в одной из составляющих системы, он неизбежно - чтобы сохранить жизнь и рассудок - пришел к выводу, что все остальное ничуть не лучше. И, тем не менее, слишком велико было давление большинства. Артур не мог не задумываться периодически, есть ли доля истины в том, во что верят окружающие. Особенно, когда жизнь давала поводы к таким раздумьям - как, например, сегодняшний случай.

Артур решил, что настало время устроить решительную проверку. Если теология ее выдержит, тем лучше для нее; если нет - он перестанет забивать себе голову такими проблемами.

Он некоторое время размышлял, затем стремительно вскочил с места и зашагал на запад, в направлении ближайшего телефона и подземки.

Из соседней комнаты доносились восхитительный запах тушеной капусты и кухонные шумы, сквозь которые пунктиром пробивались голоса жены и дочерей декана Хоррока. Сам декан был одет в лучший воскресный костюм и благоухал одеколоном.

Декана Хоррока любили все. Нелегко выглядеть так, как того требуют предписания, на зарплату преподавателя. В Университете многие частенько появлялись в поношенном платье, и никто не ставил им этого в вину. Но декан одевался всегда безупречно. Кроме того, у него было восемь детей и более двадцати внуков. Достоянейший человек! И еще: любой студент мог прийти к нему домой со своими проблемами. А самые запутанные доктрины декан Хоррок разъяснял лучше, чем многие продавцы.

- Я видел сегодня в Магазине одержимого, - сказал Артур. - Он проклял продавца Леджетта. Пришли охранники и забрали его.

Хоррок кивнул.

- Неприятное переживание, - негромко заметил он.

- Да. Декан...

Хоррок терпеливо ждал.

- Вы можете мне ответить, почему Бесконечность допускает, чтобы люди становились одержимыми?

Лицо Хоррока свело судорогой. Внезапно он разразился потоком бессмысленных звуков. Затем умолк, глядя в пространство поверх плеча Артура и к чему-то прислушиваясь. Лицо его разгладилось. Через минуту приступ уже был позади, и Хоррок миролюбиво помаргивал, глядя на дым своей трубки.

- Этот вопрос, - задумчиво сказал он, - мучает людей уже много веков, Артур. Почему бесконечное добро позволяет существовать злу? Я не удивляюсь, что ты так напряженно ищешь ответа; это естественно в твоем возрасте... да и в любом возрасте, собственно говоря. Многие люди, очень хорошие и очень известные, потратили всю жизнь на изучение этого вопроса, но так и не нашли ответа, который бы удовлетворил всех. В каком-то смысле здесь и лежит корень всех религиозных проблем...

Я хочу указать тебе на один из аспектов этой проблемы. Мм... Как ты считаешь, можно ли сказать, что если бы не те немногие люди, которым Бесконечность позволяет быть одержимыми, человеческая суетность могла бы возрасти настолько, что мы ВСЕ отбросили бы своих ангелов?

Артур молчал.

- Малое зло, которое предотвращает большое, - сказал Хоррок. Его левая щека периодически дергалась. - Видишь ли, это только предположение. Окончательный ответ, боюсь, таков: нам никогда не получить окончательного ответа. Пути Бесконечности и наши пути разнятся. Мы не судьи, мы подсудимые.

Трубка декана потухла. Он машинально крутил ее в дрожащих пальцах.

- Да, это я понимаю, - осторожно сказал Артур. - Но общие вопросы интересуют меня не так сильно, как... например, как сегодняшний случай в Магазине. Что такого сделал этот человек... Я хочу сказать, почему именно он?..

- Кто знает? - Хоррок криво улыбнулся. - Один грешок тут, другой там - возможно, за много лет они накопились, и Бесконечность подвела итог...

Декан пожал плечами.

Это было похоже на правду. Одержимый толстяк действительно производил впечатление скупца. Но сам Артур был чист перед Магазином: он всегда тратил все до последнего кредита.

- Декан, - решительно сказал Артур. - Есть люди, которые хотят совершить гораздо худший грех, чем прегрешение скупости. Но ангелы останавливают их. Я вот что хочу спросить: почему ангелы не говорят людям, что надо делать, а только не дают им сделать то, что нельзя?

Хоррок мягко улыбнулся.

- На твой вопрос есть разные ответы, Артур. Если рассматривать дело с обыденной точки зрения, то можно сказать, что этому есть некоторые технические препятствия. Я, разумеется, не посвящен в таинства, но у меня сложилось такое мнение, что священные машины дают нам лишь ограниченную возможность воспринимать ангелов-хранителей. Если встречаться с ними слишком часто или чересчур подолгу, мы просто исчерпаем эту возможность. Хм. А на духовном уровне, где и следует искать подлинные ответы... Ты ведь помнишь молитву, которую выучил в детстве:

Когда б свершить я грех хотел,
Ко мне бы ангел прилетел.
Но если речь о каждом дне,
Рассудка хватит мне вполне.

Хранители не дают нам совершать грехи во-первых, потому что их последствия, как правило, необратимы - убийство человека, например; а, во-вторых (и здесь кроется парадокс) потому что они сравнительно не важны. Хм. Если бы я каждый вечер хотел перерезать кому-то глотку - а я этого хочу, кстати сказать - это, по большому счету, пустяк, потому что импульс краток и не влияет на мой характер. Но если я хочу купить меньше, чем должен, это уже серьезно. Такой поступок затрагивает не одного человека, а всех нас и ежедневно. Через одного человека он наносит удар по обществу в целом.

Суть в том, Артур, что Бесконечность не интересуют наши преходящие страсти. Наш ангел тотчас прилетает, как мать, которая бежит из соседней комнаты, чтобы не дать ребенку сбросить вазу с полки. Ваза ничего общего не имеет с развитием ребенка - если только она не упадет ему на голову. Более того, от ребенка нельзя ждать, чтобы он сам избежал неприятности, ибо он слишком мал.

Но от ребенка ожидают, что он научится выполнять свои повседневные обязанности по дому. Мать не может все время стоять над ним и следить, чтобы он делал то, что нужно. Хм. Понимаешь? "Если речь о каждом дне", ребенок должен руководствоваться рассудком - иначе он останется без ужина. Точно так же рассудок велит взрослому следовать предписаниям добродетельной жизни - иначе ему нечего рассчитывать на спасение души, Артур.

- Мне кажется, теперь я понимаю, - сказал Басс. - Благодарю вас, декан.

Да, это все объясняло. С тех пор, как Артур начал задумываться о подобных вещах, он стал повинен в десятках миллионов безмолвных грехов. Его мысли были кощунственными, нечестивыми. Но дело не в этом: он был обречен гораздо раньше. До семи лет он, как и все, совершал детские ошибки - неужели его наказали за них? Бессмысленно. Артур слышал истории про святых детей, которые встали на путь добродетели раньше, чем научились ходить, и обрели ангелов лишь затем, чтобы слышать от них похвалы. Но сам он никогда таких не видел; наверное, они очень уж редко встречаются...

Все, что он передумал и услышал, сводилось к одному: Бесконечность лишила его своей благодати только потому и затем, чтобы сделать из него пример для остальных. Чтобы "человеческая суетность не возросла настолько..." Бесконечность выбрала Артура случайно - как садовник выбирает, какую ветку ему отсечь у дерева.

И она сделала хороший выбор, подумал Артур. Разрешив сомнения, он снова стал уверенным и энергичным. Артур вышел из подземки на станции "Хай Стрит" и направился ко второму от угла дому.

Он пересек двор, обошел громадный старый вяз и оказался под окном кухни. За окном Глория Андрессон помешивала что-то в миске. Девушка покраснелась, светлые волосы выбились из прически. В противоположном углу комнаты миссис Андрессон покрывала глазурью торт, а две младшие дочери смотрели, как она это делает.

Артур тихонько поскреб ногтем по стеклу. Глория рассеянно подняла взгляд, машинально отбросила со лба прядь волос. Тут она увидела за окном Артура, и глаза ее расширились. Девушка оглянулась на мать, отложила ложку и вышла из комнаты. Минутой позже она уже была под вязом, рядом с Артуром.

- Ты к нам не зайдешь, Артур? - пробормотала Глория.

У нее было какое-то странное выражение лица, но Артуру не терпелось выложить новости, и он не стал над этим задумываться.

- Меня выбрали для учебы в Торговом колледже, - сказал он. - Послезавтра я должен уехать.

- О-о, - протянула Глория. - Это удача для тебя, Артур. Но... Ты надолго уезжаешь?

- Мы, - сказал Артур. - Мы уезжаем. Я уверен, что получу разрешение. Мы поженимся завтра, и проведем медовый месяц в колледже.

- Артур...

- Вот почему я хотел сначала поговорить с тобой, прежде чем зайду к вам...

- Артур, я должна тебе что-то сказать. - Глория стиснула кулаки. - Я целый день думала, как же я тебе скажу.

Артур уставился на нее.

- Что случилось?

- Я... меня отдадут замуж. Вчера вечером он попросил у папы моей руки, и папа согласился.

У Артура закружилась голова.

- Кто? - спросил он.

- Старший Янкович. Прошлой осенью его жена умерла, а его брат увидел меня в Булочной и сказал ему...

На мгновение Артур лишился дара речи. Ярость и боль слились внутри него в раскаленный клубок, который оглушил и ослепил его. Артуру испытывал острое желание придушить обоих Янковичей, схватить в объятия Глорию, а ее отца встряхнуть так, чтобы тот раз навсегда прекратил распоряжаться жизнью дочери...

- Послушай, - хрипло сказал он. - Ты меня любишь?

- Артур, ты не должен меня спрашивать...

- Понятно. Значит, я не допущу этого брака. Я что-нибудь сделаю. Я добьюсь контракта, и буду получать больше Янковича...

- У тебя не выйдет. Он - старший мастер на фабрике пищевых продуктов. Он говорит, что ему нужна новая жена, чтобы помогать тратить деньги...

Глория низко опустила голову, но Артур все равно видел, что ее темные ресницы мокры от слез. Он невольно шагнул к ней и ощутил запах ее духов,

увидел, как бьется пульс под тонкой кожей девушки в ложбинке между ключиц. Грудь Глории поднималась и опускалась под темной шерстью платья.

- Это нехорошо, Артур. Нам лучше попрощаться теперь же.

Глория подняла взгляд на Артура и вдруг рванулась к нему, но так же неожиданно отпрянула, обернувшись через плечо на что-то невидимое. Она стояла и слушала. Слушает, горько подумал Артур, ангела-хранителя, который велит ей не прикасаться к нему, потому что они не женаты.

- Ну пожалуйста, - взмолилась Глория невидимому собеседнику. - Только этот единственный раз...

У Артура перехватило дыхание. Он шагнул вперед, будто его что-то толкнуло. На мгновение руки Артура сомкнулись вокруг Глории. Он ткнулся носом в нос девушки, и зубы их лязгнули. Потом Артур обнаружил, что обнимает воздух.

Глория стояла в двух шагах от него, глядя на Артура дикими глазами сквозь завесу растрепанных волос. Артур потянулся к ней.

- Глория...

- Отойди от меня, - запинаясь, прошептала девушка.

Она судорожно глотнула, набрала в грудь побольше воздуха, и завопила во всю силу здоровых легких. Потом развернулась и побежала. Артур стоял и слушал, как хлопает дверь, как шаги Глории отдаются эхом в коридоре, и - громче всего - ее громкий, взволнованный голос.

Она им все рассказывает.

Спустя десять минут, пробегая по боковой улочке, где со всех сторон на него пялились любопытные лица, Артур услышал, как позади взвыли сирены.

Он лежал под кустом на грязном заднем дворе и старался восстановить дыхание.

Вой сирен смолк. Какое-то время Артур слышал отдаленные крики детей. Дети до семи лет - это маленькие дикие зверьки, которых еще ничто не сдерживает, кроме призрачных голосов, шепчущих по ночам из гипнотических подушек.

Артур еще немного помнил то время: полная свобода, кипение страстей, яркие цвета, неописуемо большой и близкий мир, и земля - близкая и большая - медленно вращается под его бегущими ногами.

Откуда-то с улицы донесся слабый стук закрывающейся двери, топот шагов по лестнице.

Это наверняка охранники. Они рассыпались веером и шли за Артуром - как делают дети, играющие в казаки-разбойники - пока не прижали его к Стене, сомкнув полукольцо. Теперь они стягивались к нему, тщательно обшаривая дом за домом, двор за двором.

Позади Артура высилась Стена.

Топот.

Стук.

(Ближе, теперь все ближе, как шаги ангела, идущего к тебе по темному коридору с горящими злобой глазами и мясницким ножом в руке).

Но позади была Стена.

На картах Гленбрук представляет собой остров. К северо-востоку от него лежит Норвок в переплетении рек и дорог, а к западу - Белые равнины. И Норвок, и равнины - это острова.

Так выглядит вся карта континента: острова жизни в море мертвой черноты. Некоторые острова сливаются между собой, образуя цепочки. Есть огромные острова, несколько сотен миль в поперечнике, но и они запятнаны черными кляксами. К северу и к югу островов становится все меньше - карту заливают сплошная чернота.

Каждый остров окружен Стеной, а по ту сторону Стены живут Другие.

(Другие: с крыльями летучих мышей, с огненными глазами, в железных одеждах, которые никогда не изнашиваются; они едят своих отпрысков, а

живут в пещерах, которые выцарапали в скалах своими ужасными когтями).

Во дворе рос дуб. Артур подтянулся и с трудом влез на нижнюю ветку. В этот момент он увидел во дворе через два дома охранника. А еще он увидел неровный, выветрившийся верх Стены и за ним - Внешнюю сторону.

За Стеной взгляду Артура предстали крыши иллюзорных домов среди вершушек таких же ненастоящих деревьев. Он поразился, что иллюзия держится даже на таком близком расстоянии. Артуру всегда казалось, что если подобраться поближе, можно увидеть, как выглядит та сторона на самом деле.

Он вскарабкался выше. Встав на цыпочки, Артур зацепился за ветку, которая протянулась до самой Стены.

Топот.

Стук.

Артур стал продвигаться вперед, перехватывая ветку руками. Он чувствовал, как она гнется под его тяжестью. Наконец его ноги коснулись верха Стены. Под ним - с Внешней стороны - дом, окруженный двором, казался обескураживающе реальным. Быть может, на самом деле Артур глядел сейчас в черную пропасть без дна. Но, может, иллюзия была реальностью?

Стоило рискнуть. Артур прыгнул.

Здание Межобщественных палат в Дариене было похоже на спицу, проткнувшую бесформенную массу Аналогового центра. Из окон его верхних этажей измученный работой дипломат в конце рабочего дня мог полюбоваться видом озера Кэндлвуд на севере, или Саунда, Лонг-Айленда и полосы Атлантического океана на юге. Его честь Гордон С.Хигсби, постоянный уполномоченный Опотра не глядел ни на юг, ни на север. Он смотрел вниз, на границу между Еторгом и Опотром. С такой высоты казалось, что она пролегает совсем близко, у самых стен Центра, а сразу за ней виднелись крошечные крыши домов Гленбрука.

- Что, вам бы хотелось быть там? - спросил Моррис, появляясь рядом.

Миниатюрный уполномоченный Еторга - и глава тайной полиции здесь, на родной территории Единой торговли - ступал бесшумно, как кошка. И его лицемерная улыбка тоже была кошачьей. В напряженной атмосфере вынужденного перемирия Межобщественных палат, где представители соперничающих обществ работали вместе, потому что не было другого выхода, всегда было ясно, что одни ненавидят других и наоборот. Моррис не был исключением, но с ним было легче, чем с остальными.

- Вовсе нет, - с улыбкой запротестовал Хигсби. - Ну... может быть, иногда, время от времени. Но я напоминаю себе, дражайший уполномоченный, что Еторг по праву знаменит своим гостеприимством, что ваше общество компенсирует мне многие потери, ну и - вкратце - что мне повезло находиться здесь, а не в каком-нибудь из других мест, которые известны нам с вами.

Моррис поклонился. На его лице с угреватой кожей мелькнула удивительно белозубая улыбка. Он обернулся и обвел взглядом комнату. Лента инспекционного конвейера остановилась. Готовые аналоговые машины, цензорные капсулы которых были проверены, запечатаны и надежно спрятаны внутри машин, увезла дорожка транспортера. Ассистент Хигсби, торопливо собирал свои бумаги, чтобы, переодевшись в еторговскую одежду, провести остаток вечера, задавая глупые вопросы сборищу ничтожеств в барах и залах развлечений. Ассистент Морриса, человек упорный и пунктуальный, направлялся дать указания по поводу подслушивающих устройств. Завтра утром Моррису снова придется переслушать все пленки, записанные "клопами" - хотя на них никогда еще не встречалось ничего интересного и, вероятно, никогда не встретится.

Последней вышла величественная красавица мадам Эвфемия О'Райен, уполномоченная Консинда. Маленький запуганный ассистент следовал за ней в кильватере, как дельфин за китом. Мадам О'Райен на ходу что-то втолковывала ему звучным голосом. Постепенно ее голос затих в отдалении. Моррис вздохнул.

- Скажите мне по секрету, - сказал он, когда они с Хигсби тоже направились к двери, шагая в ногу, но на предписанном расстоянии двух футов друг от друга, - клянусь, уважаемый уполномоченный, никто этого не узнает. Вы тоже считаете, что эта женщина чудовищна?

Хигсби ничего не ответил, но скорчил страдальческую гримасу.

- Двадцать девять капсул, - трагически произнес Моррис. - Все с одним и тем же мельчайшим отклонением. Вовсе не в блоке запрета на насилие, о нет! И близко не лежало. И двадцать девять споров по семь минут каждый. Могли бы записать первый же спор на капсулу, пройти обработку и поберечь голосовые связки. Правда, тогда нам пришлось бы слушать сразу двух О'Райен, внутри и снаружи - простите меня за такие слова, уполномоченный, одна только мысль об этом ужасна.

Они остановились около двери. Правый эскалатор вел вверх, левый вниз.

- Три с половиной часа сверхурочно, - сказал Моррис. - Она испортила мне вечер - и вам, полагаю, тоже.

- Нет. Я на этой неделе уже трижды вылетал на коптере, и сегодняшний вечер собирался тихо провести в обществе своей секретарши. Не составите ли вы нам компанию, уполномоченный, раз ваши планы нарушены?

Они поклонились друг другу, и вместе шагнули на эскалатор, ведущий вверх. Два цветочных пятна на фоне бледных стен - Хигсби в строгом фиолетовом и нейтральном сером, Моррис в ярко-алом и блестящем зеленом. Две неестественно прямые марионетки, возносящиеся к небесам.

Моррис сделал глоток бренди из стакана с маркировкой Е/Т (графин бренди Е/Т кухонный автомат доставил ему в собственные руки) и доверительно произнес:

- Вот скажите, что вы думаете о еторговских романах? Так редко выпадает случай услышать объективное мнение незаинтересованного человека. Вот, например, новая книга Харлана Дарро - я вижу, она у вас есть. Какое у вас впечатление, мисс Силвер?

Достопочтенная Анна Силвер сидела рядом с Хигсби напротив Морриса. Стол был достаточно широк, чтобы запах бренди, который пил Моррис, их не беспокоил, а до Морриса не доносился запах опотровского кофе. Мисс Силвер, с безукоризненной осанкой, одетая в закрытое атласное платье со множеством буфов, под которым скрывался еще и корсет, протянула руку за книгой и перелистала страницы с яркими картинками.

Некоторое время она вежливо разглядывала разворот, на котором Рыцарь протыкал горло Пуританину. Кровь лилась рекой. (Подписи были такие: "Вот тебе, поганый предатель!" и "Хрр-р-р!")

- Очень интересная книга, уполномоченный, - сказала мисс Силвер. - Такая... натуралистичная. Но, честно признаться, мне больше нравятся истории о любви.

Моррис рассудительно кивнул.

- А вы что скажете, уполномоченный?

- Весьма продуманная вещь. Производит большое впечатление. Эти сцены драк - просто захватывает. Я не мог оторваться.

- Рад слышать столь лестный отзыв. Но, скажите по совести, не находите ли вы, что эта книга чуточку переходит границы? Насилие - в таких ужасных подробностях, и... как бы это выразиться?... с таким смаком.

- Ну что вы, - отмахнулся Хигсби, - книга вполне безобидна. Вы слишком много требуете от животного под названием человек, уполномоченный. Жестокость по-прежнему притягательна для любого из нас, и хорошо, когда можно удовлетворить этот интерес в такой умеренной форме.

- А здесь я должен вам возразить. В умеренной форме - да, разумеется. Но что, если такая книга не удовлетворит, а усилит интерес к насилию? Создаст стремление, которое будет выходить за рамки нормы?

- Конечно, в таком случае вам есть о чем беспокоиться. Если бы я хоть на миг представил себе, что кто-то на самом деле ратует за возврат к

насилию... Но это совершенно бредовая идея! Вы согласны?

Моррис согласился и изящно сменил тему разговора, переведя его на обсуждение глубоководных ферм. Спустя несколько минут мисс Силвер вдруг на мгновение побледнела и поднесла руку ко лбу.

Мужчины выразили вежливую обеспокоенность ее самочувствием. Мисс Силвер ответила, что с ней все в порядке, ничего страшного.

- Уже совсем поздно. Как я засиделся! - воскликнул Моррис, поднимаясь. - Что вы обо мне подумаете? До завтра, уполномоченный. Милая леди, надеюсь, вам скоро полегчает...

Как только он ушел, мисс Силвер встала, расстегнула молнию на спине, расшнуровала корсет, вытащила его из-под платья и с наслаждением почесала бок. Хигсби неодобрительно нахмурился. Мисс Силвер в ответ состроила гримасу. Затем, радостно напевая, она вынула из сумочки пригоршню серых яйцеобразных предметов и высыпала на пол.

Овоиды разбежались в разные стороны на паучьих ножках и стали стремительно взбираться по стенам и мебели. Каждый добрался до подслушивающего устройства, прилип к нему и стал транслировать в высшей степени правдоподобный разговор Хигсби и мисс Силвер - один из тех разговоров, которые люди Морриса, к вящему неудовольствию последнего, слушали уже раз сто.

- Просто здорово, что ты подал мне знак, - сказала мисс Силвер, наливая бренди. - Именно в тот момент мне ужасно хотелось немедленно выпить.

- Не знаю, - рассеянно отозвался Хигсби.

Он что-то делал с металлическим браслетом наручных часов. Потом поднес циферблат к уху. Мисс Силвер уселась со стаканчиком бренди в руке, следя за действиями Хигсби с живым интересом.

- Хорошо, - сказал Хигсби в часы. - Мы сделаем все, что сможем.

Он снова что-то сделал с браслетом.

- Лодермилк, - сообщил он мисс Силвер, и та удивленно подняла бровь.

- Вот его описание, - сказал Хигсби в часы. - Мужчина, 21 год, шесть футов один дюйм, сто пятьдесят фунтов, средней комплекции. Черные прямые волосы, опотровская стрижка младшего помощника продавца, карие выпуклые глаза, широкий лоб, орлиный нос, узкий прямой рот, овальный подбородок, впалые щеки. Находится где-то в Западном Дариене. Если он будет замечен, дайте мне знать немедленно. Конец связи.

- Иммунный? - спросила мисс Силвер.

Хигсби кивнул.

- Лодермилк его сегодня спугнул. Парень так здорово притворялся, что Лодермилк посчитал его агентом класса А и позволил уйти. Но тот оказался не агентом: влип в историю, пытаясь поцеловать свою девушку, и сбежал, когда она вызвала Охрану. Его так и не нашли. Лодермилк думает, что он перепрыгнул через Стену и сейчас в Дариене.

- Сколько у нас времени?

- Надо полагать, около часа - пока новость будет путешествовать по инстанциям.

- Плохо.

- Да уж. Если у парня хватит ума переодеться в здешнюю одежду и затеряться в толпе, у нас еще есть шанс. А если он станет прятаться или разгуливать по пригородам в своей опотровской...

Хигсби пожал плечами.

Артур все дальше уходил от Стены, и улица постепенно менялась. Древние обшитые досками дома уступили место домам поновее и побольше размерами. Те в свою очередь сменились огромными каменными зданиями - совсем новыми; должно быть, Магазиновой постройки. Артур не представлял, для чего они служат. Высоченные фасады без окон вызвали у него неуютное ощущение, и на следующем перекрестке Артур свернул на север в надежде выбраться из этого района.

Но здания становились все выше и выше. А тишина сделалась глубже, отрицая слабый отзвук его шагов. Артур поймал себя на том, что часто останавливается и прислушивается.

Интересно, подумал он, кто теперь займет его место на помосте под кафедрой Леджетта? С неожиданно острой тоской он представил себе воскресный вечер в Гленбруке: музыка; ароматы; раскатистое эхо голоса продавца в большом зале; сдержанный, но мощный отклик публики, как океанский прибой; разноцветные одежды; потные лица, обращенные вверх, чтобы услышать...

Артур внезапно понял - и, поняв, был потрясен, - что Гленбрук сейчас погружен в такую же всеобъемлющую, полную тишину. Вечер воскресенья, и все собрались в Магазины - все, кроме детей, больных и немощных старцев.

Он тщательно обдумывал эту мысль, глядя по сторонам в поисках ловушек. Ловушек, как будто, не было. Тротуар под ногами был прочным, тесный камень стен охлаждал пальцы, воздух пах землей и зеленью, вокруг уличных фонарей виляла мошкара. Если не считать некоторых зданий из числа самых новых, этот город мог быть продолжением Гленбрука. Особенно задворки, район старых домов вдоль Стены - такие же точно стены, двери, изъеденные непогодой крыши; заборы, продолжающие линии улиц Гленбрука... как будто эти дома и заборы были построены раньше, чем разделившая их Стена.

Как будто Другие были людьми.

Артур глубоко вдохнул и ощутил, как горячая кровь бежит по его жилам. Он покачался на носках, чтобы почувствовать, как совершенен внутренний механизм баланса, который позволяет человеку - в отличие от дерева или башни - находиться в живом, динамическом равновесии на грани тысячи падений. Он охватил взглядом противостоящие массы зданий - призыв и ответ; и ленту улицы между ними, и продолжающую ее тонкую полоску неба.

Артур улыбнулся и побежал. Он бежал легко и уверенно, и большая, близкая земля величаво вращалась под его ногами.

Сияние заката угасло до блеклой полосы. Полоса почему-то была неровной: она становилась шире и ярче к северу. Артур остановился и прислушался, задержав дыхание. Оттуда же, откуда и свет, шел слабый отзвук далекого шума, который то возрастал, то затихал.

Артур направился туда, и после долгого пути сияние простерлось на полнеба, а звук перерос в приглушенный рев. Но их источник все еще был скрыт за домами. Артур сворачивал то на запад, то на север; и снова - на запад и на север.

Еще один дом, еще одна дверь. Дверь открылась. Из темного проема появился мужчина в странной обтягивающей одежде, зеленой с золотом. Ткань блеснула в свете фонарей. За ним последовали другие - тощие фигуры, одетые в ярко-зеленое, такое же синее и красное.

Они остановились. Они увидели Артура. Они обратили к нему пятна лиц - белые, как мука, на фоне яркой одежды. Они закричали и бросились в разные стороны. Стаккато бегущих по тротуару ног; истерический вопль вдалеке. Улица была пуста.

Артур замер на месте, потрясенный до глубины души. Не привиделось ли ему?

Неужели это были Другие? И они бежали от него.

Он снова пошел вперед. В тишине, какая бывает только в ночных кошмарах, его шаги отдавались резким эхом, как тиканье старых часов. Артур ускорил шаг, ломая навязчивый ритм. Быстрее. Еще быстрее.

Он миновал три перекрестка. Перед четвертым Артур замер, услышав чьи-то шаги. Перед ним возникла фигура, одетая в оранжевое и ржаво-коричневое. Призрак пересек улицу и стал удаляться от Артура.

Несколько мгновений Артур глядел ему в спину. У Артура неожиданно громко и сильно застучало сердце. Затем сковавшее его оцепенение прошло. Артур вдохнул полную грудь прохладного воздуха и испустил громкий вопль, вопль без слов. Он побежал - так быстро, что призрак едва успел обернуть к нему бледное лицо.

Артур увидел цветные полосы вокруг глаз, темные распухшие губы, острый бледный нос. Голова запрокинулась, рот разошелся в щель для крика, но Артур уже набросился на существо. Оно ударило Артура локтем в губы; ослепленный болью, Артур нанес ответный удар.

Существо закачалось и рухнуло. Его тело скорчилось, свернулось в клубок, как гусеница, и замерло без движения.

Губы у Артура мгновенно распухли и онемели. Он осторожно подошел к существу и ткнул его ногой. Оно без сопротивления развернулось. Сжатый рот, закрытые глаза.

Это был человек. Он был худ, и его странная обтягивающая одежда заставляла его казаться еще худее, но ростом он был не выше Артура. Пестрые цветные полосы на его лице, судя по всему, были краской. Сотри ее, подумал Артур, и это будет самое обычное лицо.

Он снова ткнул лежащего ногой. Лицо мужчины внезапно исказилось, и он что-то хрипло прошептал.

- Что? - нагнулся к нему Артур.

- О Жизнь, я не могу этого вынести! Не позволяй жуткой твари прикасаться ко мне!

Артур наклонился ближе.

- Кто ты такой?

- Не позволяй, о Жизнь! Не надо...

- Отвечай, - сказал Артур. - Кто ты?

Длинная пауза.

- Эд Стровски, - прошептал мужчина.

- Чего ты боишься?

Лежащий изумленно открыл глаза, но тотчас зажмурился еще плотнее.

- Ты - демон, - слабым голосом произнес он.

Когда Артур снова дотронулся до него, мужчина стал корчиться и бормотать. На губах у него выступила пена. А когда Артур попытался просунуть руку ему под спину, тот стал брыкаться и лягаться, как сумасшедший.

Артур опустился на колени и старательно врезал мужчине кулаком по подбородку.

В темноте ближайшего подъезда Артур, стуча зубами, стащил с бесчувственного тела оранжевую со ржаво-коричневым одежду, и надел на него свою собственную. В сумке своей жертвы он нашел краски и зеркало, крем и вату. Артур раскрасил свое лицо, скопировав с лица лежащего маску смерти, а потом начисто стер краску с лица мужчины.

- Теперь не я, а ты - демон, - сказал Артур.

5. ЖИВИ!

Шум, крики, музыка, яркий свет - на улицах творилось сплошное безумие. Вдоль фасадов домов на уровне вторых и третьих этажей тянулись открытые торговые галереи, между которыми были перекинуты застекленные мостки. Куда ни падал взгляд, везде было то же самое: стремительный, ревущий поток тел, одетых в черное и оранжевое, бледно-лиловое и ярко-зеленое, алое и белое. Слепые маски лиц щерились гротескно-красными ртами.

Это было немного похоже на неорганизованную процессию в милю длиной, которая тянется за колонной на празднестве Дня Основателя в Гленбруке - все население, до последнего потребителя, все пьяные от причастного вина, поющие и танцующие на ходу, разыгрывающие шуточные драки и представления на сюжеты изгнания демонов.

Похоже на Гленбрук, да. Но увеличено во много раз, втиснуто в узкие улочки и вывернуто наизнанку. Музыка не была похожа ни на какую Магазинную музыку, она была хриплой и глухо отдавалась где-то внутри, она завывала, каркала и глумливо хохотала. Нигде не было видно ни одного торгового

лозунга. Артур напрасно искал глазами "Не скупись, да не судим будешь!" или "Потратишь кредиты - спасешь душу". Вместо них в пятидесяти футах над головой гигантская неоновая надпись призывала:

"ЖИВИ!"

Захваченный потоком, стиснутый телами со всех сторон, Артур не сопротивлялся и позволил толпе нести себя. Он был наполовину оглушен и совершенно обалдел от яркого света, какофонии резких запахов и прочего окружающего безумия.

Мягкое, но увесистое тело обрушилось на него сбоку. Это была пышнотелая женщина, которая целеустремленно пересекала людской поток, действуя своим телом, как тараном. Обе руки она подняла над головой, сжимая в одной бутылку, а в другой - связку металлических обручей. На ней было пурпурное платье в обтяжку с вырезом спереди до самой талии, и Артур поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от полоски тела между объемистых грудей женщины.

Артур почувствовал, что задыхается, и стал выбираться к краю потока. Поперечное течение подхватило его, и вскоре Артур оказался в одном из открытых залов, которые тянулись по обе стороны улицы. Толпа приглушенно шумела позади, а здесь была тишина, которую нарушали только негромкий шорох шагов, покашливание, да изредка - брошенные вполголоса фразы.

Что-то коснулось его руки. Артур вздрогнул и обернулся. Сначала он решил, что ему показалось, но потом опустил взгляд и увидел рядом крошечного старичка с невероятной зеленой бородкой. Существо что-то спросило у него на чудовищном диалекте Других.

Артуру понадобилось некоторое время, чтобы понять вопрос.

- Слышь, ты хворый?

- Нет, я в порядке, - ответил Артур и направился прочь.

Карлик задрал вверх зеленую бородку, при этом с него свалилась шляпа.

- Чей-то ты мелешь? Точно не хворый? - гортанно и врасляжку поинтересовался он.

- Точно.

Артур шагнул вперед, но карлик вцепился одной рукой ему в колено, а другой поманил Артура к себе. Артур нехотя нагнулся, и очутился в невидимом облаке удушающе-сладких запахов - от ладана до гнилых апельсиновых корок.

- Тады чей ты так болтаешь? - хриплым конфиденциальным шепотом поинтересовался старичок.

Артур с опозданием сообразил, что его собственная манера говорить должна казаться этим людям столь же странной, как их речь - ему. Он выпрямился, лихорадочно соображая.

- Зуб сдох, - сказал Артур наконец, энергично тыкая пальцем в нижнюю челюсть.

К счастью, настырного карлика это удовлетворило. Он радостно закивал, тряся бороденкой.

- Быват, быват, - сказал он, отступая. - Ну, живи!

- Я буду, - ответил Артур.

Карлик обалдело уставился на него, потом обнажил в широкой ухмылке бурые зубы и разразился хохотом. Он так и ушел, хохоча и хлопая себя по бедрам.

Весь дрожа от схлынувшего напряжения, Артур вернулся в зал и медленно двинулся вперед, прислушиваясь к обрывкам разговоров. Публика выстроилась в три ряда вдоль стен. К большой колонне в центре зала тянулась длинная очередь. Зачем это все, Артур пока не понимал. "...трудный круть", - донеслось до него. - "Приди, семь! Еще, еще... два!"

Так странно, как карлик, больше никто не говорил. Теперь Артур припомнил, что и тот, первый Другой, с которым он обменялся одеждой, тоже изъяснялся вполне понятно. Немного отличалось произношение гласных: ударные - гортанно и врасляжку, безударные - совсем неразборчиво, глухо и слитно. Незнакомые словечки и обороты: "круть", "приди, семь"... и что, интересно, нужно отвечать, когда тебе говорят "живи"?

Кто-то крикнул Артуру в самое ухо:

- Разобьешь золотой?

Артур снова подпрыгнул на месте и обернулся. Пухленькая девушка в алом протягивала ему что-то плоское, блестящее.

- Нет, - сказал Артур.

- Эх, шмяк! - фыркнула девушка.

Она одарила его широкой улыбкой и отправилась восвояси. Артур завороченно смотрел на ее полные ножки, которые неописуемо короткая юбка ничуть не прикрывала. Девушка остановила тем же вопросом другого мужчину, потом еще одного - "эй, разбей золотой, а?" - и наконец с видом сдержанной ярости встала в хвост длинной очереди. Люди в голове очереди отходили с полными пригоршнями плоских шукувин - какие-то продолговатые карточки из пластика или металла - и либо выходили из зала, либо присоединялись к стоящим у стен. Взгляд Артура упал на стройную женщину, которая только что покинула очередь. Женщина была одета в синее, металлически поблескивающее платье с большими белыми звездами. Когда она торопливо миновала Артура, он разглядел, что звезды - это вырезы в платье, сквозь которые видна ее бледная кожа.

Артур провожал ее взглядом, стиснув кулаки от волнения.

Женщину в синем заслонил здоровяк в зеленой с ржаво-коричневым одежде. Справа от них кто-то вынырнул из толпы, и во внешнем ряду появился просвет. Мгновенно вспотев от волнения, Артур быстро шагнул туда и занял свободное место. Он смотрел прямо перед собой, но ни на миг не забывал о женщине слева. Заметила ли она, что он за ней шел? И станет ли возражать?

Кто-то чувствительно толкнул его в спину. Артур напомнил себе, что он даже не знает, зачем все эти люди выстроились вдоль стен. Но он должен с чего-то начать. Сердце у него отчаянно колотилось. Он знал, что это лишь отчасти вызвано настоящей опасностью - гораздо большую роль играл шок. Артур так давно привык подавлять и скрывать плотские устремления, что не мог отказаться от этой привычки мгновенно. И хотя здесь, судя по всему, для женщин считалось вполне приличным обнажать свое тело, в его мозгу все равно звенел непрерывный сигнал тревоги: "Грех, грех!"

Артур бросил взгляд направо. У всех его соседей лежали на ладонях разноцветные пластиковые прямоугольнички. Некоторые люди терпеливо ожидали чего-то, другие приплясывали на месте от нетерпения. Женщина с рыжими кудряшками через два человека от Артура двигалась в странном медленном ритме: влево-вправо, влево-вправо. Артур не сразу понял, что она трется грудью о спину стоящего перед ней мужчины.

Артур запустил руку в сумку-пояс и перебрал содержимое: коробочки с пудрой и краской, помада, крем - и объемистый прямоугольный предмет непонятного назначения.

Артур вынул незнакомый предмет и принялся внимательно его разглядывать. Больше всего он напоминал толстый блокнот. Артур открыл блокнот, и вместо страниц обнаружил там семь гнезд, заполненных тонкими пластинками разных цветов. Если нажать пальцем на стопку пластинок, верхняя выскакивала из гнезда и оказывалась на ладони. В первом отделении было две золотых пластинки - надо полагать, это и есть те золотые, о которых говорила пухленькая девушка. Другие гнезда занимали серебряные, красные, синие, пепельно-серые, желтые и белые пластиковые карточки.

Артур набрал пригоршню карточек разных цветов, вернул блокнот в сумку и глубоко вздохнул.

Он напомнил себе, что хотя часть его тревоги вызвана внутренними причинами, реальная опасность ему тоже грозит. Не меньше, чем та, от которой он бежал из Гленбрука. Пока он не узнает, какого поведения ждут от него окружающие, он поминутно рискует выдать себя. Пора действовать. Риск? Конечно. Но бездействие сейчас - куда больший риск. Что же касается способа выяснения, то наилучшим будет (не говоря уж о том, что он жаждал этого каждой клеточкой) найти себе женщину.

Окружающие Артура люди пришли в движение. Из толпы перед ним, энергично работая локтями, вырвалась старуха с желтыми кудряшками на

голове. Развившийся локон полностью закрывал ей левый глаз. Теперь перед Артуром остались лишь зеленоволосый мужчина, да женщина у самой стены. Женщина проделывала какие-то странные манипуляции со вделанной в стену блестящей металлической рамой. Все это время Артур краем глаза наблюдал за женщиной в синем слева от него. Она продвинулась вперед одновременно с ним, так что он не мог ни видеть ее толком, оставшись сзади, ни позабыть о ней, уйдя вперед.

Зеленоволосый шагнул вбок, заглядывая через плечо женщины впереди. На ней было платье, открытое до половины спины. Пухлая веснушчатая спина в капельках пота вздрагивала, когда женщина делала резкое движение руками.

Толпа вновь пришла в движение. Полная женщина уступила свое место мужчине и протискивалась мимо Артура. Артур стал внимательно смотреть, как будет себя вести зеленоволосый. Тот что-то сделал с металлической рамой. Раздался негромкий щелчок. Пауза. Снова щелчок. Глянув через плечо мужчины, Артур увидел, что конструкция, которую он принял за металлическую раму - это на самом деле огромный ящик, разрисованный яркими полосами. На стене над машиной красовалась большая цифра "4" из того же металла. В верхней части ящика было прозрачное табло, в котором виднелись четыре цифры. Под ним располагались четыре горизонтальных прорези. Каждая была обведена широкой полосой одного из цветов - золотого, серебряного, красного и синего.

Мужчина взял красную пластиковую карточку и сунул ее в обведенную красным щель. Пластика исчезла, машина щелкнула, и число за прозрачным щитком изменилось цифра за цифрой, с "2134" на "3412".

- Круть, - сказал зеленоволосый, и сунул в щель новую красную пластинку.

На этот раз число поменялось на "1432".

Для Артура в этом не было никакого смысла. Машина была похожа на калькулятор, которым пользовались помощники продавца в Магазине Гленбрука - только невероятно упрощенный и гигантских размеров. Но Артур никак не мог понять, какие вычисления производит эта машина. Цифр больше четверки в окошке не появлялось, хотя числа все время менялись. Объединяло их только то, что все четыре цифры были разными.

- Круть!

Щелчок.

- Приди, три!

Щелчок.

- Два. Круть.

Щелчок...

Дважды машина сбивалась с ритма щелчков, и зеленоволосый вскрикивал:

- Эхой!

Но оба раза это кончалось тем, что он засовывал в прорезь еще одну красную пластинку.

Щелчок.

- Четыре-четыре, ко мне! Круть.

Наконец мужчина отошел от машины и протиснулся мимо Артура, пропуская его вперед. Слева место у машины заняла женщина в синем.

Артур тупо уставился на металлический ящик, только сейчас осознав, какие трудности его ждут. Что он ей скажет? Он взял наугад пластинку и просунул в щель. Скрытый механизм втянул пластинку. Машина щелкнула и неожиданно выплонула пластинку обратно. Артур опустился на четвереньки и поднял пластиковую полоску. Она оказалась белой. Неправильный цвет?

Мужчина за его спиной сказал что-то громко и нетерпеливо. Артур быстро выбрал из кучки пластинок красную и сунул ее в красную прорезь. Машина не возражала. Артур скормил ей еще одну.

Он мог бы сделать вид, что поднимает с пола одну из пластинок, и спросить: "Это не вы уронили?" Но что, если его кто-нибудь за этим застанет? И что, если здесь принято оставлять себе найденное, а не возвращать владельцу?

Артур слышал, как женщина вздыхает и что-то шепчет совсем рядом с

ним. Ее машина щелкнула еще раз, и еще. Нужно всего лишь встретиться с ней взглядом, подумал Артур, и сказать "Круть", или что угодно другое. Он несколько раз прорепетировал в уме. "Брошу еще две пластинки, и заговорю", - пообещал он себе.

"4312". Щелчок. "4213". Щелчок.

Артур заставил себя повернуть голову. Женщина, не отрывая взгляда, смотрела на машину. Артур отвел взгляд. Сердце билось так, что готово было проломить ребра и выскочить из груди. Абсурд; безумие; но он просто не мог заговорить с ней!

Спохватившись, Артур сунул в машину синюю полоску - красные кончились. Он выбрал синюю щель, и, похоже, угадал. Когда кончились синие, он стал пользоваться серебряными, но они тоже вскоре иссякли. У Артура остались только серые, белые и желтые пластинки, и одна золотая.

Просовывая в щель машины золотую пластинку, Артур краем глаза заметил движение слева. Женщина в синем покидала свое место. Мгновение Артур колебался, затем развернулся, чтобы последовать за ней. Мужчина, который стоял у него за спиной, схватил Артура за руку.

- Парень, а как же круть? Ты что, не хочешь?

Артур посмотрел на табло. За прозрачным щитком виднелись цифры "3332". Под его недоуменным взглядом последняя цифра сменилась тройкой, и машина произвела "щелк-щелк-бумп!"

В ее нижней части открылась ниша, в которой лежали четыре высоких стопки пластиковых карточек - золотых, серебряных, красных, синих. Артур неуклюже сгреб их в сложенную лодочкой ладонь.

- Четверная на золотом! - сказал остановивший его мужчина. Глаза у него сверкали.

Артур с трудом выбрался из толпы. Женщины в синем нигде не было видно. Он раздраженно повертел в пальцах пластиковые карточки. На каждой было что-то напечатано мелкими зелеными буквами. На золотой была надпись "десять долларов" и еще "12 июня 140" - дата прошлого понедельника. Серебряные пластинки были помечены "пять долларов", красные - "один доллар", синие - "пятьдесят центов". Дата на всех была одна и та же. Золотые. Доллары. Центы. Что все это значит?

- Плотно, парень! - сказал кто-то. - Ну теперь-то у тебя есть, чем разменять золотой?

Это была девушка в алом.

- Сколько выпало? - спросила она, придвигаясь ближе.

- Четвертная на золотом, - неуверенно вымолвил Артур.

Девушка присвистнула.

- Пятьсот двенадцать - ну ты и счастливчик! Слушай, а как ты собираешься все спустить до сирены?

- Не знаю, - честно ответил Артур.

Девушка придвинулась еще ближе. Артур не мог оторвать от нее взгляд, его словно парализовало.

- Может, тебе нужен помощник, чтобы это потратить? - спросила она.

- Хорошо, - прохрипел Артур, и тут вдруг до него дошло. Он уставился на девушку и, не успев подумать, брякнул:

- Потратить! Ты хочешь сказать, что это ДЕНЬГИ?!

Девушка расхохоталась так, что у нее слезы брызнули из глаз.

- Ну, ты приколист!

Она уцепилась пухлой ручкой за локоть Артура и потащила его на улицу:

- Ох, мы щас и оттянемся...

Высоко в башне Межобщественных палат, в апартаментах уполномоченного Опогра мисс Анна Силвер налила еще один стаканчик бренди и подтолкнула его через стол к Хигсби.

- Что ты извлек из комментариев Морриса по поводу этой книги? - спросила она, перелистывая страницы.

- Он пытался уколоть меня тем, что мы в Опогре не даем потребителям

ничего для чтения, кроме молитв и изречений, и скоро даже высшие классы забудут, что такое литература.

- Я не об этом, - фыркнула мисс Силвер.

- Я знаю. Думаю, что он всего лишь прощупывал почву, Анна. Как обычно. Я подбросил ему несколько намеков и в одном направлении, и в противоположном - для равновесия. Но, боюсь, мы тоже ничего не извлекли из Морриса, как и он из нас. Перетягивание каната.

- Мы знаем, что ему известны те же слухи, что и нам.

- Мы это знали и так. И он знал, что мы знали. Если слухи имеют под собой основание, если действительно одно из среднеконтинентальных обществ использует незаконные аналоговые программы для создания армии вторжения - а я должен сказать, что начинаю этому верить, - то эти люди поступили в высшей степени умно. Как только произошла утечка информации, они не стали ничего отрицать, а распустили точно такие же слухи об остальных. И теперь все мы топчемся по кругу - по крайней мере, двое из нас троих. Вот тебе и смысл поведения Морриса сегодня вечером. Либо Еторг невиновен и считает виновным Опотр, либо они хотят, чтобы мы так думали. Выбирай, что тебе больше нравится. Гамбит с книгой был разыгран Моррисом намеренно грубо, так что его можно трактовать одним из полудюжины способов в любом из двух упомянутых вариантов.

- И все-таки, что ты сам думаешь?

- Не скажу.

- Иногда я тебя ненавижу, - сказала мисс Силвер.

Хигсби принял самодовольный вид.

- Гордон, а что ты думаешь о самом Моррисе?

- Очень способный человек, особенно для нормала. А что?

- Да вот думаю, нормал ли он? Тебе не кажется, Гордон, что он иногда ведет себя, как иммунный? У него бывает такой взгляд...

Хигсби изобразил сатанинский оскал.

- Он тебе нравится?

- Готова броситься ему в объятия! Вот только похож он на ящера в губной помаде, и духами воняет. Нет, серьезно.

- Если говорить серьезно, то очень мало шансов на то, что Моррис - не тот, кем кажется. Не думай, Анна, что если у нас есть очевидные преимущества, то мы обладаем монополией на способности. Ты не только будешь видеть иммунного в каждом, кто не заплетается в собственных коленках, но и станешь недооценивать противника - а это смертельно опасно. Во вторых, если Моррис действительно иммунный, достигший зрелого возраста и высокого положения, не будучи обнаружен нашей организацией, это уже не имеет значения. Если даже он и иммунный, в этом случае он - не наш, и никогда не станет одним из нас. Он на стороне Еторга.

- Хм-м. Это не вполне то, что меня интересовало, ну да ладно. У нас есть что-нибудь почитать, кроме этих кровавых картинок?

Хигсби молча встал и вернулся с потрепанным томиком, хрупкие страницы которого давно пожелтели, а местами и побурели. Мисс Силвер бережно взяла книгу из его рук и уселась читать. Чтение шло нелегко - она морщила лоб, сводила к переносице брови и изредка шевелила губами. Хигсби неторопливо зажег сигарету и откинулся на спинку дивана, глядя в потолок.

- Не понимаю.

- Мм? - спросил Хигсби.

- Снова стихи. Что такое "Бехштейн"?

- Контекст, пожалуйста.

- "Как старый Бехштейн, проданный за бесценок".

- Знакомое место... Ага, вспомнил. Не знаю, Анна. Я бы предположил, что это старинная разновидность ортотайпера. Во всяком случае, можно сказать наверняка, что это инструмент, имеющий клавиатуру...

- Хорошо, но если это ортотайпер, то зачем несколько человек, чтобы его нести? И почему на них надеты фартуки?

- Поэтический образ...

- Знаю, знаю. Но образ чего? А потом эта белиберда в конце: "Да, сэр,

она моя милашка, да сэр, она моя милашка, да сэр, до самого Судного дня".
Это вообще значит хоть что-то?

- Одни строки кажутся нам осмысленными, другие - нет. Судя по обрывкам, которые попали нам в руки, в доэвпсихические времена писалось множество стихов, и большинство из них куда менее ясны, чем эти. Если хочешь знать мое мнение, часть их - просто ерунда, еще часть мы не можем понять из-за устаревших слов и понятий, а то, что кажется нам самым бредовым, на самом деле имеет наибольший смысл.

Мисс Силвер одарила его скептическим взглядом.

- Ладно. Скажи, верно ли следующее: "писать надо так, чтобы изложить смысл максимально ясно и точно".

- Конечно верно.

- А вот и нет. Один фактор пропущен - краткость. В литературе, к которой ты привыкла, ясность и точность стоят на первом месте. Но в поэзии порядок таков: краткость, точность, ясность. Стихотворение - это компактно упакованный смысл. Обычный декларативный синтаксис занимает слишком много места, так что поэтам пришлось создать фантастически сложную структуру из аллюзий, символов, метафор, и неведь чего еще. Другими словами, чтобы выяснить смысл этого произведения Хаксли, нам мало исследовать дизайн и производство ортотайперов семидесятого года до аналоговой эры, архитектуру первого века нашей эры, точные взаимоотношения...

Хигсби прервался на полуслове, покрутил браслет часов и поднес циферблат к уху. Мисс Силвер бесшумно встала и взглядом спросила Хигсби. Он кивнул.

Под окошком выдачи и панелью управления кухонного автомата находилось большое холодильное отделение. Мисс Силвер открыла его, выкатила поддон на роликах и принялась вынимать оттуда цилиндрики кофейного концентрата, плоские овощные брикеты, картонные упаковки с капсулами фруктового сока - все помеченное большими буквами "ОП".

- Хорошо, - сказал Хигсби. - Будь поблизости от него. Через десять минут.

Он обернулся и некоторое время наблюдал за мисс Силвер. Стоя на коленях на ковре, она открыла плоский чемоданчик с зеркалом внутри, распустила уложенные в два пучка волосы и принялась сноровисто соорудить из них сложную башню кудряшек при помощи лака и заколок.

- Ты полагаешь, что прочла мои мысли? - сказал Хигсби.

- Ты сам пойти не можешь. Льюис провалит дело. Коста занят, а, кроме того, он может тебе понадобиться потом для отвлечения внимания.

Ее пальцы двигались быстро, но без суеты. Мисс Силвер обсыпала свои темные волосы золотистой и кремовой пудрой, отчего пышная прическа стала похожа на сладкий торт. Она позолотила брови и ресницы, и осторожно приложила к лицу плотную маску. Лицо, которое увидел Хигсби, ничем не напоминало лицо мисс Силвер. Оно было гладким и блестящим, словно металлическое. Сверкающие глаза, оттененные синим и зеленым. Рот - как окровавленный клинок.

Мисс Силвер была одета в опотровский женский костюм администраторов. Это означало, что на ней в числе прочего надеты две блузки, четыре горжетки и семь кринолинов. Надеть все это можно было не быстрее, чем за двадцать минут, а снять - минимум за десять. Мисс Силвер раскрыла маленький складной нож, зацепила кривым лезвием ворот платья, и одним движением распорол одежду сверху донизу.

Хигсби задумчиво смотрел, как она делает шаг и выходит из своей куколки, оставляя ее лежать на полу бесформенной грудой.

- Ты красивая девушка, Анна. Когда ты уже сдашься и выйдешь замуж?

Мисс Силвер тремя точными движениями избавилась от всей бижутерии и уронила ее на пол. Звякнули браслеты.

- Никогда.

Она потянулась к чулкам.

- Этого я и боюсь, - отозвался Хигсби.

Мисс Силвер удивленно обернулась.

- Да ты всерьез!

Она снова нагнулась к поддону холодильника, вынула оттуда плоский пластиковый пакет и вытряхнула его содержимое.

- Абсолютно всерьез. Тебе не нравится мысль о замужестве, верно?

- А почему она должна мне нравиться?

- Из-за детей, конечно.

- Имплантация зародыша приемной матери, - сказала она.

- От имплантации зародышей отказались, Анна. И ты должна знать, почему.

Она закончила надевать на себя то, что достала из пакета: сандалии; коротенькая юбка, фиолетовая с золотым; черная трикотажная блузка в обтяжку, с ошеломляюще глубоким вырезом; пояс. Взяла сумку. Вложила пальцы в какой-то миниатюрный пресс, и через мгновение вытащила их, украшенные фиолетовыми накладными ногтями.

- Скажи мне одну вещь, Гордон. Только не говори, что не знаешь, потому что это не так. Кто моя мать? Не та женщина, которая присматривала за мной в Потребительских джунглях, пока мне не исполнилось пятнадцать. И не та, которая умерла, рожая меня. Моя настоящая мать.

- Ее звали Луиза Троччи.

- Звали. Значит, она умерла. Поэтому ты и открыл мне ее имя?

Хигсби словно не слышал последнего вопроса.

- Ладно, это несущественно. Так вот, я не была ей нужна, когда еще только должна была родиться. Ее не интересовало, как я жила пятнадцать лет в этой дыре. И когда меня нашли, она тоже не заинтересовалась мной.

Хигсби ничего не сказал.

- А мой отец? Я полагаю, он еще жив. Где мне его искать?

Хигсби спокойно встретил ее взгляд. Он выглядел задумчивым, но ничуть не встревоженным ее словами.

- Анна, - мягко сказал он, - неужели ты считаешь, что мы с тобой похожи?

- Да. Внутри.

Хигсби медленно моргнул, как будто вспомнил, что должен сделать что-то не слишком важное. Он покрутил браслет часов, и приложил их к уху. Через минуту он сказал:

- Где он сейчас?... Да, оставайся рядом. Конец связи.

Он перевел взгляд на мисс Силвер.

- Ты найдешь его на углу улиц Росс и Каско. Одет в оранжевое с ржаво-коричневым. Льюис еще сказал, что город прочесывает Охрана. Патрульная служба и лица в штатском.

- Новости из Гленбрука дошли так быстро?

- Не думаю. Еще не настолько плохо, хотя почти... Как сказал Льюис, ходят слухи, что в Дариене появился демон.

В дверях Анна замешкалась, вынула из сумки тяжелый аляповатый перстень и вопросительно поглядела на Хигсби. Это был типичный образчик дешевой бижутерии Еторга, если не считать того, что внутри скрывался смертоносный клык.

Хигсби серьезно кивнул.

- Будешь решать сама. Тебе было пятнадцать, когда мы обнаружили тебя. Этому парню двадцать один. Если он стабилен и зашел не слишком далеко, спаси его - если сможешь. А если что-то будет не так - убей.

6. ТИР

Ее звали Флоренс, и Артур обнаружил, что может болтать с ней без особой оглядки, потому что она считает его большим шутником.

Они сидели в маленькой загородке на сиденьях, которые разворачивались, если бросить деньги в автомат, пили что-то незнакомое Артуру под названием "коллинз" и ели мясные рулетики, купленные им в

автомате напротив. Здесь все получалось из машин. Весь район напоминал один гигантский Магазин без крыши, вот только продавцов не было.

Артур поминутно забывал жевать, так и застывал с набитым ртом - до того все вокруг было удивительно. Деньги в виде разноцветных пластинок, а не цифр на кредитной карточке. Деньги, плывущие вольной рекой. На них даже нет серийных номеров! Как можно определить, откуда они пришли, кто их потратил, сколько и на что? Но в том-то и дело, что здесь никто этого и знать не хотел. Люди покупали все, что хотели, и потому, что хотели, а не потому, что таков их долг.

А деньги, которые он получил из машины! Просовываешь деньги в щель, и в соответствии с совершенно непонятной системой можешь получить в сто раз больше. Деньги за просто так! В той стопке, которая досталась Артуру, было больше пяти сотен, а Флоренс сказала, что зарабатывает всего двести в неделю. Артур мог бы потратить сейчас сотни полторы, и у него бы осталось достаточно на жизнь, пока он не найдет способ заработать еще. Конечно, всегда можно попытаться счастья с денежными автоматами, но Артур полагал, что лучше найти стабильный заработок.

В этом невероятном мире должны найтись тысячи приятных занятий. А первое из них ждало его сегодня.

Флоренс.

Флоренс посмотрела на часы, сунула в рот остаток мяса и сказала что-то неразборчивое.

- Что?

Флоренс проглотила кусок и повторила:

- Потрапливайся, птенчик. До полуночи остался час.

Артур откусил кусочек рулета.

- А что случится в полночь? Мы отправимся домой? - храбро спросил он.

Флоренс хихикнула.

- Ох, ты и приколист! Куда же еще?

Сердце Артура подпрыгнуло в груди.

- Где ты живешь?

Флоренс махнула пухлой рукой:

- Там, рядом с аэропортом. Моему мужу это не нравится - говорит, шум его...

Артур не расслышал конец фразы, потому что поперхнулся и долго кашлял. Когда он снова смог говорить, то спросил:

- Где... где твой муж?

Флоренс встала. Мгновением позже Артур волей-неволей сделал то же самое, потому что сиденья стали складываться и уходить обратно в тротуар.

- Он отправился во двор с одной из моих сводных сестер, - ответила Флоренс, когда они пересекали пассаж. - Он только об этом и думает. Любит это дело больше всего на свете.

- А ты, что ли, не любишь? - механически спросил Артур.

Они вышли на улицу.

- Да кто ж этого не любит, птенчик! - крикнула Флоренс ему в самое ухо и крепко стиснула локоть Артура. - Не трепыхайся, пойдем туда попозже, если хочешь. Всем нравится время от времени побывать во дворе с новым знакомым. Но этот шакал хочет бывать там каждый вечер - со мной, со своей женой! Просто жуть!

Внезапно Флоренс резко сменила направление.

- Ой, смотри - тир! Пойдем туда, птенчик!

Раздраженный и ничего не понимающий Артур позволил ей подтащить его к турникету, прорезь для денег которого была обведена золотой полосой. Он бросил туда два золотых, и турникет повернулся, пропуская их с Флоренс в большую пустую комнату, в дальней стене которой было шесть дверей. Между двумя средними стоял стенд. Флоренс взяла с него какую-то длинную трубку с утолщением и рукоятью на конце и протянула Артуру, потом взяла точно такую же трубку себе.

Судя по всему, лицо Артура даже под слоем краски выразило часть его чувств. Флоренс озабоченно поглядела на него.

- Тебя что, такие штучки не прикалывают?
- Прикалывают, прикалывают, - неубедительно возразил Артур.
- Круто. - Она похлопала его по руке. - Встретимся у выхода через

двадцать минут. Дошло?

- Дошло.

Флоренс хихикнула.

- Ты в эту дверь, я - в ту. И берегись, птенчик!

Дверь за ней закрылась. Артур перевел взгляд с двери на странный механизм, который держал в руке. "Прикалывают", "дворад", "тир"... Муж!!! Единственное, чего он сейчас хотел, это избавиться от Флоренс. Уже пробило одиннадцать; в полночь все отправляются по домам; и куда деться ему?

Артур подергал турникет, но тот не поддавался. Значит, оставалось только идти вперед и добраться до выхода быстрее Флоренс.

Он толкнул дверь, на которую ему показала Флоренс, и оказался в коротком узком коридоре. Не успел Артур сделать и пары шагов, как дверь позади захлопнулась, и он оказался в кромешной тьме. Артур остановился и нервно выругался. Через минуту он продолжил путь, придерживаясь за стену свободной рукой.

Коридор закончился очередной дверью. Она распахнулась перед Артуром, но за ней была все та же темнота.

Эта комната была больше размерами. Артур попытался нашарить стены, но с обеих сторон его окружала пустота, и он больше не слышал эха собственного дыхания. Взамен до него доносились другие звуки - такие слабые, что ему пришлось напрячь слух до предела, чтобы их расслышать. Это были странные и неприятные звуки, похожие на шорох крадущихся шагов.

Впереди и вверху вспыхнул бледный, призрачный свет - вспыхнул и погас. Мгновением позже Артур увидел слева еще одну вспышку, только на этот раз он заметил в пятне света человеческий силуэт с поднятой рукой. Прежде чем он исчез, Артур услышал серию приглушенных хлопков, но так и не понял, что это за звуки. Кто-то вытаскивает пробки из бутылок? Или у кого-то лопаются капсулы под ногами?

Артур стал осторожно продвигаться в направлении последней вспышки света. Он сделал два шага, когда прямо над ним вспыхнул тусклый желтоватый свет, очертив на полу вокруг Артура десятифутовый круг.

Что-то ударило Артура в грудь, и он услышал злое "шмяк". Пока он остоленело стоял на месте, его ударило еще дважды - в руку и в низ живота. А когда Артур рванулся прочь от предательски освещенного места, позади него по стене простучал настоящий град ударов - как будто тот, кто бросал непонятные предметы, швырнул целую пригоршню.

Свет погас.

Скорчившись в темноте, Артур ощупал свою грудь - наполовину испуганно, наполовину недоверчиво. Пальцы его нащупали что-то мокрое. Холодная липкая влага стекала у него по груди, по правой руке - в двух местах - и по левому бедру...

Кровь?!!

Вдалеке, на противоположной стороне комнаты, вспыхнул свет. Тут же раздались отчетливый "шмяк" и вскрик.

Артур пополз на четвереньках назад, к стене, и вскоре добрался до нее. Он сел и прислонился к стене спиной, чувствуя, как дрожат коленки. О всевышняя Бесконечность, куда он попал?

Непривычный холодок металла в руке что-то смутно напомнил ему. "Тир", "тир" - место где... архаическое слово, как оно там... место, где "стреляют". А это имеет отношение к...

Артур ощупывал предмет, который все это время был у него в руках. Металлическая трубка небольшого диаметра с резиновой подушечкой на одном конце, утолщающаяся до толстого цилиндра на другом. От цилиндра под тупым углом отходила рукоять, и внутри этого угла имелось небольшое кольцо, а в кольце - рычаг.

Двухнедельный ознакомительный курс "Доторговые цивилизации" на первом году учебы Артура, картинка в учебнике... Теперь он вспомнил.

Пистолет.

Но разве люди не умирают, если в них выстрелить? Артур снова ощупал свои раны. Он не обнаружил ничего, кроме липкой влаги; но он понятия не имел, что должен был обнаружить. Возможно, снаряды слишком малы и не оставляют заметных дырок? Флоренс не предполагала, что он может умереть, она сказала: "Встретимся через двадцать минут".

Но еще она сказала: "Берегись!"

Артур с преувеличенной осторожностью поднялся на ноги и ощупал стену, разыскивая дверь, через которую попал сюда. Он нашел только вертикальную щель, слишком узкую, чтобы просунуть туда даже кончики пальцев. Ни ручки, ни засова. Эта дверь открывалась только с одной стороны.

Возможно, снаряды не причиняют вреда, пока их в тебя не попадет определенное количество. Тогда главное - попадать в других чаще, чем они в тебя.

Артур сдержал дурацкое желание расхохотаться. На противоположной стороне комнаты снова вспыхнул свет, и человеческая фигура метнулась прочь под хлопками выстрелов.

Перехватив поудобнее пистолет, Артур шагнул вперед, в темноту.

Он научился двигаться быстро и бесшумно, замирать на мгновение с оружием наготове, и снова двигаться вперед. Он научился правильно держать пистолет: левой рукой за цилиндр, правой за рукоять, указательный палец правой руки - на спусковом рычаге. И еще он обнаружил, что помещение в промежутках между вспышками света погружается не в кромешный мрак. Глаза его привыкли, и Артур стал видеть бледные полосы света, обозначающие стены и другие преграды. Время от времени он даже улавливал смутное движение, когда другой охотник проходил мимо него.

В него по-прежнему попадали каждый раз, когда он оказывался в световом круге. Но теперь Артур тоже стал попадать в других.

Из первой комнаты через обведенную призрачным контуром дверь он попал в другую, полную колонн и барьеров высотой до пояса. Здесь Артур постиг концепцию засады.

Где предел? Сколько еще он выдержит?

В следующей комнате он набрел на пандус, и поднялся по нему на длинный и узкий балкон. Глядя вниз с высоты примерно десяти футов, Артур прекрасно видел тех, кого настигала вспышка света. Его позиция на балконе казалась идеальной, однако Артур колебался.

Что-то тут было не так. Если спрятаться за одним из барьеров - там, внизу, - то тебя могут подстрелить с верха соседнего барьера. Или же сбоку окажется кто-то, у кого вы оба будете, как на ладони. Ничего нельзя получить задаром.

Артур двинулся вперед, останавливаясь после каждого шага, чтобы прислушаться. Наконец он остановился.

Впереди на балконе кто-то был.

Артур слышал легкое равномерное дыхание этого человека. Через минуту он различил бесформенное пятно его тела, серое на сером. Артуру показалось, хоть он и не был вполне уверен, что человек этот перегнулся через перила и вглядывается в более плотную темноту зала под ним.

Бледный свет выплеснулся с потолка в середине комнаты. Артур увидел, как рука незнакомца с пистолетом дернулась вперед и вниз. Хлопок, мягкий звук удара, возглас жертвы. Свет погас.

Артур придвинулся ближе, почти не дыша. Он хотел действовать наверняка.

Время тянулось медленно. У Артура заболели ноги от напряжения - он устал сохранять неподвижность. А сердце стучало сильнее и сильнее. Ощущение близости другого охотника все крепло, и стало почти невыносимым. Но он ждал. Когда свет там в зале вспыхнет снова, то, если ему повезет, он увидит контуры своей мишени...

Вместо этого свет неожиданно вспыхнул прямо над головой артуровой

жертвы. Он разглядел пышную прическу, кремовую с золотом; гибкую фигурку в черной блузке и фиолетовой юбке; безупречные длинные ноги. Миг, в течение которого девушка поворачивалась к Артуру, показался ему бесконечным. Она смотрела куда-то мимо него. Лицо было скрыто маской грима, а глаза - глаза были прекрасны.

Артур выстрелил ей прямо между глаз.

Его второй и третий выстрелы прошли мимо, потому что девушка упала. Он видел, как пистолет выпал из ее руки, а потом она сама рухнула на пол, неловко подвернув ногу. Свет погас, а девушка не шевелилась.

Не шевелился и Артур - просто не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Наконец он заставил себя шагнуть во тьму, и недоверчиво опустил на колени рядом с девушкой.

Ее лицо под его рукой дрогнуло.

- Вы... - хрипло начал Артур.

- Стукнулась головой, - шепотом ответила девушка. - Ты меня круто подстрелил.

Она приподнялась и села, прошелестев одеждой.

- Стукнулась головой, - глупо повторил Артур. У него перехватило дыхание.

- Ну, когда грохнулась. Где моя пушка?

Артур размышлял над ее словами, казалось, целую вечность, пока до него дошел их смысл. Он протянул руку туда, где должен был лежать пистолет, наткнулся на лужицу холодной и липкой жидкости, и в ужасе отдернул руку. Кровь, это должна быть кровь. Что же еще? Но девушка...

- Что, не можешь найти?

Артур снова пошарил в темноте, и на этот раз ему попало кое-что похуже: холодный и влажный на ощупь обрывок непонятно чего, который выскользнул у него из-под руки. Стиснув зубы, Артур продолжал поиски, и наконец нащупал пистолет. Он резко повернулся к девушке.

- Ох, - сказала она. - Осторожнее!

Артур почувствовал, как пистолет забирают из его руки. Во тьме послышалось слабое шуршание.

- Извините, - пробормотал Артур непослушными губами.

Получилось громче, чем он хотел. Девушка вдруг впилась ногтями ему в руку.

- Слушай, - шепнула она Артуру в самое ухо.

Он прислушался, но ничего не услышал. Глупо, но он никак не мог отделаться от мысли о непонятном предмете, который попался ему на полу. Это явно не был окровавленный клочок человеческой кожи, как ему показалось вначале. Тогда что? Раздавленная виноградина? Маловероятно.

Артуру казалось, что он точно помнит, где это лежит, но пальцы его не нащупали ничего, кроме сухого и ровного коврового покрытия. Он повел рукой вокруг себя - по-прежнему ничего. Странно. Эта штука должна быть здесь! Чувствуя себя последним дураком, Артур вытянул руку как можно дальше. Не может быть, чтобы она была так далеко, у самой стены...

Но она была именно там.

Артур старательно ощупал загадочный предмет. Это была сферическая капсула с тоненькими стенками, размером поменьше виноградины. Она была разорвана, и внутри оставалась лишь пара капель жидкости.

Артур понюхал ее. Едкий незнакомый запах; но теперь Артур сообразил, что уже давно чувствует его, только гораздо слабее. Он потрогал влажное пятно на своей груди и поднес пальцы к носу. Запах был тот же.

- Там кто-то есть! - выдохнула девушка ему в ухо. - Врежь ему!

Артур почувствовал, что она отодвигается, и скорее угадал, чем увидел, как она поднимает пистолет. Артур остался один в потемках, глядя на серый силуэт своей руки и невидимую влагу на пальцах.

Пистолет незнакомки выстрелил. Артур услышал, как один из зарядов попал в цель - здесь же, на балконе, недалеко от них. Раздался возглас, а за ним - чей-то еще выстрел. Оцепенение Артура прошло. Он отбросил пустую оболочку, поднял пистолет и принялся стрелять по невидимому противнику. В

горле у него щекотало от сдерживаемого смеха.

Капсулы! Шарики с тонкой оболочкой, которая лопаются при ударе, выплескивая содержимое. Специальная жидкость... никакая не кровь!

Шаги противника прозвучали эхом в темноте, удаляясь. Девушка перестала стрелять. Артур тоже. Ее рука нашарила его плечо.

- Он будет ждать у второго пандуса, чтобы расправиться с нами, - прошептала она.

Проблема показалась Артуру несложной.

- Я пойду за ним, а ты спустишься по второму пандусу. Возьмем его с двух сторон.

Девушка тихо фыркнула и растворилась во тьме. Артур подождал минуту, глубоко дыша, затем пошел обратно тем путем, которым попал на балкон. Спустившись в зал, он свернул и стал осторожно красться вдоль стены - быстро, но по возможности бесшумно. Вскоре он различил смутный силуэт в нескольких ярдах перед собой. Охотник обернулся, и Артур замер, прижавшись к стене. Он двинулся вперед, и Артур - следом за ним. Он остановился, и Артур остановился тоже.

Охотник выбрал место рядом с едва заметной линией, которая отмечала начало пандуса, ведущего вверх. Артур сделал еще несколько осторожных шагов, опустился на колено, и открыл стрельбу.

Тут же откликнулся эхом второй пистолет. Серый силуэт повернулся, зашатался, потом быстро упал на четвереньки и побежал. Заряды градом колотили его по спине, пока он не исчез за пределами досягаемости.

- Мы ему врезали! - прошептал мягкий голос.

- Круто.

Вспышка света настигла их через несколько мгновений. Заряды летели отовсюду; оглушенный, Артур прыгнул за барьер, едва различимые контуры которого сулили убежище. Девушка последовала за ним. Они вместе отстреливались от невидимых охотников, которые насели на них со всех сторон. Артуру показалось, что он несколько раз попал. Но противник превосходил их числом, так что доставалось им теперь куда больше, чем они могли ответить.

- Их тут десяток, - шепнул он.

- Волчья стая. - Девушка сделала паузу. - У меня кончились заряды.

- У меня тоже, - с удивлением отозвался Артур.

Ее пальцы сомкнулись на его запястье.

- Тогда бежим!

Они рванулись вперед. На стене сверкнула надпись: "НА ВЫХОД". Призрачные контуры стен сомкнулись, и теперь Артур и девушка бежали по узкому коридору. С обеих сторон на них непрерывно сыпались заряды, словно какой-то безумный душ.

С разгона они влетели в совсем узенький коридорчик со множеством дверей, как в горлышко бутылки - хватаясь друг за друга, чтобы удержать равновесие, и задыхаясь от быстрого бега. Девушка воскликнула, наполовину смеясь, наполовину негодуя:

- Мерзкие волки! Нужно было поберечь пули, и врезать им. Забыла! Ну, ладно - живи!

- Живи, - ответил Артур.

Девушка повернулась и шагнула к ближайшей двери. Артур в последний момент сумел выдать из себя:

- Ээ... послушай, ты здесь с кем-нибудь?

Девушка повернула голову.

- Была, - усмехнулась она, - но кто знает, где сейчас этот шакал?

Хочешь составить мне компанию, дружок?

- Да, - сказал Артур. - Как тебя зовут?

Он хотел спросить "Замужем ли ты?"... Но не могло же ему так не повезти два раза подряд!

- Анна. Есть у тебя пара плоских на одежду?

Она протянула руку с блестящими ногтями.

Деньги, подумал Артур. "Разбить золотой". "Пара плоских на одежду".

- Сколько? - спросил он.

- Ну, не меньше четырех золотых, дружок, - шепнула девушка с упреком.

- Все равно до сирены три четверти часа!

Артур покопался в деньгодержателе, и выложил четыре золотых пластинки ей на ладонь.

- Спасибо, друг. До встречи!

Дверь захлопнулась за ней. Сияние по контуру двери погасло.

Артур направился к соседней двери. Позади раздался град шлепков - это кто-то прорывался к выходу. Артур открыл дверь, шагнул, снова провалился в темноту, и стукнулся лбом о следующую дверь, как только первая закрылась у него за спиной. Артур распахнул ее, и был ослеплен ярким светом. Он оказался в крошечной комнатке, перед машиной, всю переднюю панель которой занимало зеркало.

Из зеркала на Артура глянул взъерошенный незнакомец. Даже вспомнив, что его лицо покрыто краской, Артур не смог узнать в нем себя. Оранжевый и ржаво-коричневый цвета проступали на его одежде лишь отдельными пятнами. Преимущественно одежда Артура была отвратительно бурой, а местами черной.

По щеке у него ползли две капли бесцветной жидкости. Неужели это она натворила? Артур подцепил пальцем прозрачную каплю и аккуратно перенес ее на нетронутое оранжевое пятно. Яркий цвет тотчас побурел. Артур с восторгом наблюдал превращение. Какая потрясающая торговая идея! Если бы только старина Леджетт это видел!

Артур повернулся к машине. Это явно была торговая машина, но куда более сложная, чем все, которые он видел до сих пор. Взгляд Артура упал на указатель с двумя буквами: "М" и "Ж". Мужчины и женщины? Он перевел стрелку на "М".

Рядом с указателем располагались друг над другом пары, состоящие из кнопки и шкалы с бегунком. Рядом с ними светились надписи: "Шляпа", "Туника", "Брюки" - и так далее, до надписи "Туфли". Артур для пробы нажал на "Тунику". Ничего не случилось. Он потрогал бегунок. Тот двигался вправо, при этом цифры на шкале подсвечивались. 28, 30, 32, 34... Они, судя по всему, означали размер, но система размеров отличалась от привычной Артуру. Он наугад оставил бегунок на цифре "34". Когда по-прежнему ничего не произошло, Артур снова нажал на кнопку.

Зеркало внезапно потеряло прозрачность. На нем, как на экране, возникла туника в черные и перламутровые полосы. Через мгновение она исчезла, и появилась такая же, но другой расцветки - разрисованная сотами кроваво-красного и бледно-коричневого цветов. Артур ждал, но эту тунику сменила снова черно-белая, только с более неряшливым рисунком. Снова красно-коричневые соты; снова черно-белая...

Профессиональное восхищение Артура росло. Чтобы выйти из тира, посетитель должен купить одежду - но выбора у него, по существу, нет. Артур был почти уверен, что с узором тоже что-то не так. Это наверняка особая одежда, в которой можно дойти из тира домой - но, чтобы выйти на улицу завтра, придется покупать другую.

Он выбрал самую подходящую из черно-белых туник и такие же брюки, темно-зеленую шляпу и высокие ботинки белого цвета. Когда Артур нажал на кнопку в третий раз, на экране появилась цена, и он опустил деньги в щель. Он не угадал размер; брюки оказались на три размера больше, чем нужно, а все остальное - на два. Артур нашел за машиной люк утилизатора, запихал туда все новую одежду вместе с негодной старой, и повторил всю процедуру заново.

Одевшись, он толкнул дверь, ведущую наружу, и оказался в сумасшедшем доме улицы.

Сначала он подумал, что девушка его не дождалась. Потом он увидел ее стройную фигуру, затянутую в голубой с золотом костюм. Девушка улыбнулась ему.

Артур шагнул к ней, и налетел на Флоренс.

- Ой, птенчик! - вскричала она. - Я уж думала, ты от меня свалил, или потерялся. Пришлось мне самой купить одежду, птенчик. У меня оставался-то

всего четвертной! Пошли, птенчик, купим мне подходящую шмотку для...

Она оборвала фразу, проследив беспомощный взгляд Артура, обращенный на Анну в немом призыве.

Высокая девушка плавно двинулась вперед и встала рядом с Артуром. Она смотрела на толстушку сверху вниз и молчала.

- Кто эта шкидла, птенчик? - визгливо спросила Флоренс.

- Анна, - сказал Артур. - Флоренс. Флоренс, Анна.

- Что ты хочешь? - грудью двинулась на Анну Флоренс. - Пойди утрись.

Он со мной.

- Был с тобой, - усмехнулась Анна, делая ударение на первом слове.

Флоренс бросила гневный взгляд на Артура, и перестала его замечать.

- Вали отсюда, - сказала она Анне. - Уматывай.

Анна не шелохнулась.

- Нужен мужчина? - ласково спросила она. - Вон там за углом в канаве валяется, пойди подбери. Похож на тебя, только вдвое чище.

Алые губы Флоренс сжались в прямую линию, вены на шее набухли, глаза выпучились.

- Ах ты дрянь! - завопила она. - Да как ты смеешь говорить мне такие вещи, сучка драная! Вали отсюда! Вали, не то крупно пожалеешь...

Анна холодно улыбнулась и положила изящную ладонь левой руки с фиолетовым маникюром ребром на сгиб локтя правой.

Лицо толстушки под слоем грима запылало, глаза стали совсем безумными. Она протянула к Анне руки со скрюченными пальцами, но остановилась на полдороги и замерла в типичном оцепенении человека, которого посетил ангел-хранитель. Взгляд ее был обращен куда-то внутрь себя. "Ангельский ступор".

- Ладно, - пробормотала Флоренс и медленно расслабилась.

Взгляд ее прояснился, она посмотрела на Анну и злорадно усмехнулась.

Набрав в грудь побольше воздуха, Флоренс завопила:

- Ворчу-ун!!!

Прохожие вокруг образовали водоворот тел и остановились. Артур почувствовал на себе множество любопытных взглядов. К воплям Флоренс присоединились другие голоса.

- Ворчун! Ворчун!

Анна медленно сменила позицию, став к Артуру спиной. Поверх ее плеча он увидел, как сквозь толпу к ним движется высокий мужчина в черном с зеленым атласном костюме.

- Иду. Что за шум?

- Ты - ворчун? - подозрительно спросила Флоренс.

- В штатском, - нетерпеливо бросил мужчина. - Так я спросил, что за шум?

- Она, - ткнула пальцем в Анну Флоренс. - Хочет забрать у меня мужчину.

Ворчун ("Охранник?" - подумал Артур, отступая и смешиваясь с толпой) небрежно оглядел Анну.

- Дуэль? - спросил он.

- Да, да, дуэль! - подхватила Флоренс, злорадно улыбаясь. - Я покажу этой костлявой сучке...

- Хорошо. Эй, вы там, - повернулся к толпе ворчун, - отойдите, дайте им место!

Толпа подалась назад. Вокруг ворчуна и девушек постепенно расчистилась овальная площадка. Артур оказался во втором ряду зрителей. Его стиснули так, что он и шевельнуться не мог. Напряженное молчание повисло над толпой. Зрители все прибывали и прибывали, охватывая место происшествия молчаливыми кольцами.

Ворчун открыл свою сумку-пояс, надел перчатки и вынул из сумки прозрачный пакет. Из пакета он извлек четыре длинных полосы, свернутые рулонами. Он осторожно развернул их, и оказалось, что один конец каждой полосы на воздухе набух и затвердел, превратившись в рукоять. Ворчун жестом велел Анне и Флоренс стать подальше друг от друга, смерил

расстояние взглядом и удовлетворенно кивнул.

Девушки стояли друг напротив друга выпрямившись, ноги на ширине плеч. Ворчун протянул каждой два хлыста рукоятями вперед. Рукоять каждого хлыста была темной и жесткой, затем полоса становилась все светлее и делалась гибкой, как резиновая, а к концу сужалась и превращалась в тонкую белую веревку. Капли прозрачной жидкости скатились с хлыстов на мостовую. Ворчун сделал шаг назад.

- Хорошо. Приготовьтесь...

Девушки подняли руки с зажатыми в них хлыстами на уровень плеч и замерли в напряженном ожидании.

- ...пошли!

Четыре хлыста свистнули и сплелись в воздухе, но тут же расплелись и вернулись на прежнее место. И еще раз. И еще. Артур наблюдал за поединком, восхищенный и ошеломленный. Суровые и напряженные лица девушек говорили о том, что происходящее - не шутка и не инсценировка. Каждая по-настоящему хотела причинить сопернице вред. Вот только какой? Хлысты у них в руках казались до смешного неподходящим оружием. Да любой камешек, подобранный на улице, способен нанести больше вреда - если бы, конечно, вообще разрешалось причинять вред другому человеку.

Артур потряс головой. Ничего такого девушки сделать не могли, их ангелы тотчас бы вмешались. Всего пару минут назад он наблюдал ангела-хранителя Флоренс в действии. Тогда к чему это все затеяно? Гибкие хлысты, с которых капает прозрачная жидкость...

Что-то случилось - слишком быстро, чтобы Артур успел заметить, как именно это произошло. У него осталось смутное впечатление, что Анна одним хлыстом заблокировала оба хлыста Флоренс, а вторым успела хлестнуть толстушку по бедру. Артур пригляделся повнимательнее. Он не мог бы ручаться наверняка, но как будто на одежде Флоренс, в том месте, куда пришелся удар, появилась прореха.

Прием повторился дважды - один раз его проделала Флоренс, второй - снова Анна, а Артур все еще не был уверен. Соперницы сделали короткую передышку. Обе тяжело дышали. Флоренс притворилась, что наносит удар снизу вверх. Анна повторила ее маневр. Затем Флоренс взмахнула хлыстами, хлысты соперниц сплелись в воздухе - но один из хлыстов Анны остался свободен и широким взмахом прочертил горизонтальную полосу по бедрам толстушки.

На этот раз ошибки быть не могло. Артур увидел, как в прорехе оранжевой ткани мелькнуло тело.

Он в ужасе присмотрелся, ожидая увидеть кровь или вспухший рубец от удара, но кожа девушки была цела. И тут Артур понял. Сначала он подумал, что жидкость на хлыстах - это кислота, но, судя по всему, она была чем-то вроде того состава, с которым он столкнулся в тире. Безвредная для кожи, та жидкость меняла цвет одежды, а эта - разрушала ткань.

Движения девушек убыстрились. Артуру все труднее было следить за ними. Поединок был немного похож на шуточную драку, какие разыгрываются в День Основателя в Гленбруке. Ложный выпад; шаг в сторону; удар и контрудар... Но оружие было таким непривычным, что Артур ни разу не смог предсказать, какой удар достигнет цели, а какой - нет. Он понял, что обе девушки весьма опытные в подобного рода дуэлях. Они были почти равны в своем мастерстве, поэтому между успешными ударами тянулся долгий обмен выпадами и блоками.

Теперь уже одежда обеих девушек была отмечена прорехами. По правому бедру Анны два удара пришлось крест-накрест, и теперь ткань отставала от тела и свисала длинным языком. Короткий разрез образовался на животе. Живот Флоренс наискось пересекала длинная широкая прореха; другая шла горизонтально по бедрам.

Еще одно молниеносное движение - и когда оно завершилось, Артур увидел, что лиф платья Флоренс рассечен от самого плеча, через левую грудь до живота. Новая прореха почти сомкнулась с широкой горизонтальной на бедрах. Флоренс отступила на шаг и дотронулась рукой до разреза. Артуру показалось, что она обеспокоена. И тут соперницы рванулись в схватку еще

яростнее, чем прежде. Хлысты свистели в воздухе и сплетались с резким щелчком. Флоренс сделала шаг назад, затем еще один. Анна наступала; ее хлысты слились в один свистящий вихрь. Артур вытянул шею, чтобы лучше видеть, и в этот момент произошел очередной стремительный обмен ударами. Флоренс скрючилась в странной позе, придерживая левой рукой платье на груди.

Она снова отступила, яростно отмахиваясь одним хлыстом от двух хлыстов Анны, и Артур увидел, что случилось. Удар Анны превратил перевернутую "Г" предыдущих прорех на платье Флоренс в перевернутую "П", очертив весь живот толстушки. Лоскут едва держался, грозя вот-вот оторваться совсем. Флоренс отчаянно пыталась прижать его рукой, не выпуская хлыста.

Анна не упустила момент. Хладнокровно и умело она сплела один из своих хлыстов с единственным хлыстом соперницы, а вторым хлестнула ее раз, и еще раз, и еще - нарисовав на животе соперницы четкое "Z". Лохмотья ткани отстали от тела и повисли издевательски высунутыми языками, обнажив пухленький животик Флоренс, который вздрагивал в такт ее движениям.

Диагональные удары по бедрам соперницы - и платье Флоренс украсилось двумя дырами. Затем хлыст свистнул еще дважды, выхватывая клочья ткани ниже живота.

Флоренс издала приглушенный вскрик, уронила хлыст и обхватила себя обеими руками. Она пожирала соперницу взглядом, полным бессильной ярости. Анна спокойно шагнула вбок и хлестнула Флоренс по заднице - крест-накрест.

Толстушка бросила оставшийся хлыст и кинулась наутек. Зрители расступились, образуя узкий проход, и тотчас сомкнулись вновь, но Артур не сомневался в том, какое направление Флоренс выбрала для бегства - толпа отмечала ее траекторию радостным улюлюканьем.

Ворчун подобрал брошенные хлысты, забрал у Анны ее оружие, и двинулся прочь. Толпа начала понемногу расходиться.

Анна взяла Артура под руку. Она выглядела спокойной и веселой.

- Пошли, дружок. Всего полчаса до сирены!

7. ТРУБНЫЙ ГЛАС

В небольшой овальной комнате крошка уполномоченный Моррис полулежал в кресле, подпирая рукой голову. Его вторая рука замерла на клавишах переносной консоли. Изрытое оспинами лицо Морриса было спокойным и внимательным.

- Кей-би, - сказал голос из спикера. - Объекты на Клинтон-Аппер, между Мэйн и Поллак. Женщина совпадает в пределах погрешностей, мужчина одет в синее с белым, не совпадает по пунктам два и три.

- Объекты двадцать два, жэ и эм, - сказал Моррис. - Следуйте за ними, снимайте скрытой камерой. Докладывайте об изменениях. Конец связи.

Ассистент на противоположной стороне комнаты воткнул флажок в подсвеченную карту города. Низенький толстяк, возлежащий в соседнем с Моррисом кресле, беспокойно пошевелился и нервно похлопал себя по бедру тросточкой из черного дерева с нефритом.

- Моррис, - сказал он.

- Минутку, - вежливо отозвался Моррис, набирая код на клавиатуре.

- Кей-кью, кей-кью, - донеслось из спикера, и экран консоли осветился, показывая стереоизображение ресторана-автомата. - Скрытая камера, объекты семь жэ и эм. Вот и они.

На экране появились мужчина в горчично-желтом и женщина в алом. Они усаживались за столик. Камера сделала наезд и сфокусировалась на лицах. Моррис внимательно вгляделся в лица.

- Объекты семь - отмена, - сказал он. - Продолжайте поиск. Конец связи.

Ассистент убрал с карты флажок. Снова раздался сигнал вызова.

- Кей-ай. Объекты на углу Брайент и Пирл Лоуэр. Женщина совпадает кроме пятой позиции, мужчина одет в черное, в остальном совпадает.

- Объекты двадцать три, жэ и эм, - сказал Моррис. - Сопровождайте и докладывайте, конец связи.

- Кей-би. Объекты двадцать два направляются на восток по Клинтон Аппер. Предлагаю скрытую камеру в пассаже, северная сторона Клинтон на углу Поллак.

- Даю добро, - сказал Моррис. - Держите связь, подключитесь с камерой.

Он пробежался по клавишам и щелкнул выключателем.

- Ваше превосходительство? - Моррис повернул к толстяку уродливое лицо, на котором было написано величайшее почтение. Однако он не встал, и даже не убрал руку, которой подпирал голову.

- Вы, кажется, уютно устроились, Моррис, - раздраженно заметил толстяк.

- Мозг работает лучше всего, когда тело в покое, ваше превосходительство, - дружелюбно заметил Моррис. - Если вы предпочитаете, чтобы я сел ровно, обращаясь к вам, ваше превосходительство...

- А, сидите как угодно, - сказал толстяк. - Я только хочу знать, как долго вы еще будете заниматься этими глупостями?

- Только до полуночи. - Моррис коснулся клавиш, получил очередное сообщение и ответил на него. - Потом, разумеется, нужны будут другие методы.

- Полагаю, вы говорите о методах, которые посоветовал я. Вам уже сейчас следовало бы их задействовать! Но вы заняты ерундой, а дичь тем временем ускользнет.

- Риск оправдан, ваше превосходительство.

- Вы это уже говорили.

- Кей-би, - сказал голос из спикера. - Скрытая камера, объекты двадцать два, жэ и эм, на вашем экране.

Моррис бросил пристальный взгляд на экран.

- Объекты двадцать два - отмена. Продолжайте поиск.

- Кей-эр. Объекты восемнадцать входят в бар на северной стороне Арлен, предлагаю немедленно скрытую камеру здесь, если это возможно.

Моррис бросил взгляд на карту.

- Добро. Держите связь, подключитесь с камерой.

Он вновь повернулся к толстяку.

- До сих пор восемнадцать - это наилучший вариант, который мы имеем. Оба совпадают по всем пунктам, кроме одежды. Возможно, это они.

Толстяк фыркнул.

- В Уикэнде сейчас может быть тысяча пар, отвечающих такому описанию. Мужчина, скорее всего, уже покинул район. Может, они с женщиной даже не встретились.

- Я думаю, что они вместе, - извиняющимся тоном произнес Моррис. - Если вы позволите мне кратко повторить, что нам известно, ваше превосходительство... Первое: мужчина появляется в Дариене. Второе: у секретарши уполномоченного Хигсби тотчас начинает болеть голова. Третье: мы обнаруживаем, что камеры, следящие за выходами из его апартаментов, выведены из строя.

- Это случается нередко.

Моррис кивнул.

- Совершенно верно. Такое бывает и с нашими резидентами в других обществах, когда они хотят выпустить кого-то из своей квартиры незамеченным. А еще выведение камер из строя может быть обманным маневром. Вы это хотели сказать, ваше превосходительство? От души согласен с вами. Однако...

- Кей-эр. Скрытая камера, объекты восемнадцать. Мужчина на вашем экране, женщина только что вышла. Остаюсь на связи.

- ...стоит попробовать все варианты, - продолжил Моррис, - если они могут навести нас на доказательство того, что Опогр виновен в нарушении

конвенции.

- Если хотите знать мое мнение, этот парень - самый обычный одержимый. И вовсе не опотрошцы нарушают конвенцию, а эти чертовы бабы. Консинд - вот где зреют неприятности! Я уже давно твержу об этом.

Прошло несколько минут. Моррис терпеливо созерцал экран. Наконец...

- Вот она идет.

Бледные глаза Морриса чуть заметно сузились. Он пробормотал:

- Но одно другому не мешает, не так ли, ваше превосходительство?

Иначе зачем бы мисс Силвер из штата уполномоченного Хигсби лично отправилась на встречу с обычным одержимым?

Толстяк раздраженно моргнул.

- Это все ваши предположения, Моррис...

Он умолк, когда Моррис с торжествующей ухмылкой повернул консоль экраном к нему. Девушка на экране, вне всякого сомнения, была Анна Силвер.

- Вот мы и пришли, дружок, - сказала Анна.

Артур поглаживал рулончик книги, купленной в автомате около ресторана. Они шли мимо, Артур увидел название и был потрясен, хотя ничего особенного в нем на первый взгляд не было. Книга называлась "Безопасность и изобилие для всех".

Это было слово в слово название книги, которая продавалась в Гленбруке, и даже входила в обязательную программу чтения в начальных школах.

Артуру ужасно хотелось просмотреть текст - будет ли там хоть что-то знакомое? - но до сих пор у него не было случая это сделать. Придется сначала пройти через дворад, что бы это ни было. Артур поднял голову.

Хромированные буквы над входом складывались в надпись:

ДВОРЕЦ РАДОСТИ

Несколько шагов внутрь вестибюля, и звукозащитные стены отсекали уличный шум. Его место заняла тягучая, дурманящая музыка. Артур остановился, чтобы рассмотреть подсвеченное стереофото на стене, и испытал новое потрясение, которое заставило его забыть о книге.

- Первый раз во двораде, а? - раздался голос Анны за его плечом.

Артур проглотил комок в горле.

- Почему ты так думаешь? - слабо возразил он.

- Я сразу вижу, - рассудительно ответила девушка, склонив голову набок. - Ты не потрель, это точно. Скорее админ, только говоришь не так, как наши. С севера приехал? Олбени? Или Торонто?

- Торонто, - сказал Артур.

Она кивнула.

- Уж я-то знаю. Работала секретаршей у циона, всякого навидалась...

Она придвинулась к Артуру и прошептала ему в самое ухо с многозначительной усмешкой:

- ...в домах!

- Ты угадала, - сказал Артур. - Только никому не рассказывай.

"Что может делаться такого запретного в домах?" - удивился Артур про себя. Выражение лица девушки красноречиво говорило, что она считает его отличным парнем.

- Да уж, тебе волноваться не о чем, - вздохнула она. - У админов и ционов все в порядке, но что бы делали мы, несчастные потрели? Койка или пол, дружок, или снить все круче и круче, а зачем? Дрянное дело. Знаешь, я читала, что в старые времена даже детей растили в домах! Жуть, верно?

Она повернулась, не ожидая ответа. И хорошо, потому что Артур понял из ее слов меньше, чем ничего.

- Ну что, пойдем? - спросила Анна.

Честно говоря, Артур был совсем не уверен, хочет ли идти. Он чуял опасность и предвкушал наслаждение - в равной пропорции, и в таком

количестве, что боялся с ними не справиться.

- Конечно, если я недостаточно хороша... - протянула Анна, и вдруг резко сменила тон и прильнула к Артуру, так что у него закружилась голова.
- Пойдем, дружок, ну ты же знаешь, что дома такого не получишь, дома - это просто щенячья возня...

Она энергично увлекла его к турникету, мурлыкнув:

- За чем же ты еще сюда приехал, если не за этим?

И правда, за чем?

Артур опустил в турникет две серебряных полоски, пять долларов каждая.

Первое, что он увидел за турникетом, был фонтан. Во всяком случае, "фонтан" - это единственное подходящее определение, которое Артур нашел. Сооружение выросло из покрытого толстым ковром пола, как гротескный кубок чудовищных размеров. Из него выходили и устремлялись книзу прозрачные трубки, по которым, словно вода, стекали потоки света - глубокий фиолетовый, насыщенный синий, кроваво-красный.

Из других источников света, разбросанных по стенам, тоже падали под разными углами цветные лучи. С балкона, бесшумно ступая по толстому ковру, спускалась пара, окутанная красным туманом. У подножия лестницы их лица превратились в золоченые маски, а мгновением позже оба нырнули в темно-зеленые сумерки и растворились в них.

Музыка здесь была громче, особенно выделились басы. Она стонала и рокотала вокруг, как будто Артур и его спутница попали в глотку великана. Воздух был пропитан густым и тяжелым ароматом благовоний.

Руку Артура в том месте, где ее касалась рука девушки, жгло как огнем. Они миновали фонтан и подошли к невысокому барьеру с очередным турникетом.

- Снова платить?

- Чтоб я сдохла! Ты ведь хочешь самое лучшее, дружок?

- Чтоб я сдох! Конечно.

Артур расстался еще с двумя долларами, просунув пластинки в обведенную серебром щель.

- Тем более, что уже двадцать минут двенадцатого, а ты и близко не на нулях. Хотя, похоже, это тебя не волнует.

За углом, в стене под балконом открывался длинный коридор, ведущий вглубь здания. Они пошли вдоль по коридору. Анна бросала быстрый взгляд на все двери, мимо которых они проходили. Двери располагались на расстоянии десяти футов одна от другой, и на каждой на уровне глаз была табличка "занято".

На пятой или шестой двери оказалась табличка "свободно". Анна распахнула дверь и переступила порог.

Артур последовал за ней, почти не сознавая, что делает. Дверь за ним закрылась. Анна задвинула засов. Раздался негромкий металлический щелчок. Девушка шагнула вглубь комнаты, и Артур вновь сомнамбулически пошел за ней.

Комната освещалась тусклым красным светом, который исходил от прозрачной панели на потолке. Кожа Анны была цвета заката, ее губы - словно запекавшаяся кровь. Потолок, стены, ковер на полу, - вся комната будто тлела потаенным огненным жаром.

Анна села на широкой кровати и коснулась рукой панели на стене. Панель осветилась десятком шкал с надписями. С того места, где он стоял, Артур не мог их прочитать.

- Что ты предпочитаешь? - спросила девушка. - Лес, улица, офис?

- Все равно, - услышал Артур свой голос словно со стороны. - Выбирай сама.

Анна нажала кнопку. Стены комнаты дрогнули и исчезли.

Артур моргнул. На самом деле стены остались на месте, но они как будто стали прозрачными. Потолок, казалось, парил в воздухе без всякой поддержки, а вокруг возникла совершенно другая комната, куда больше размерами. Вдоль дальней стены тянулся ряд рабочих столов, перемежаемых

информационными стойками странного вида и другими офисными машинами. С призрачного потолка лился холодный голубовато-белый свет, в котором настоящая комната будто плыла красным островком.

Артур перевел взгляд на Анну, которая теперь стояла возле кровати. Девушка сделала что-то со своей обтягивающей блузкой, и та упала на пол. Юбка последовала за ней. Анна ободряюще улыбнулась Артуру.

Все оказалось настолько непохоже на то, как Артур себе это представлял, что дальше некуда. Анна вовсе не выглядела обнаженной. Похоже было, что она сняла костюм только для того, чтобы предстать перед Артуром в другом костюме, куда более странном - фантастическом костюме из разбухшей плоти, безумной пародии на мужское тело. Ибо единственное тело, которое Артур видел нагим со времени самого раннего детства, было его собственным. И до сего дня он не встречал женщины, которая бы не была закутана в одежду от горла до щиколоток. Он просто понятия не имел, как должна выглядеть нагая женщина!

Анна шагнула к нему. Ее плоть раскачивалась и вздрагивала при каждом движении. Она выглядит просто смешно, в отчаянии подумал Артур, ужасно смешно... (Смутные тени за плохо прикрытыми окнами, обрывки смеха...) Как он ни старался, смешно ему не было.

Он должен был предвидеть, что все так обернется! Когда он в начале этого безумного вечера попытался заговорить - только заговорить! - с незнакомой женщиной, его губы отказались вымолвить хотя бы слово. Что же теперь?

Внутри Артура бушевал ураган страстей, которые уже трудно было определить, как страх или желание - слишком высок был накал, все чувства слились воедино, образовав сплав столь же взрывоопасный и смертоносный, как нитроглицерин. Артур не мог сделать ни шага вперед - но отступить назад означало предать самого себя, зачеркнуть собственную личность.

Девушка протянула к нему руку. Артур в оцепенении смотрел, как напрягается округлость груди... Неуместно и странно блеснуло кольцо на пальце.

Артур отбросил руку девушки в сторону. Он увидел свое собственное движение словно со стороны, увидел изумление в глазах Анны. И только тогда осознал, что ураган смешанных чувств в его душе обрел доминанту. И ей была ярость. Артур взревел и снова ударил девушку. У него заломило виски. Анна отшатнулась, неловко заслоняя лицо. Артур ударил ее еще раз, и еще.

Последний удар пришелся в пустоту. Девушка лежала на полу, скорчившись в комок. Артур пнул ее ногой. Все это было не то. Мало! Он хотел сломать что-нибудь, разбить вдребезги, разорвать на куски, уничтожить. Убить! Артур диким взглядом обвел комнату, плавающую посреди фантомного офиса, двумя прыжками подскочил к кровати и сдернул с нее покрывало. Он с треском разорвал его пополам и принялся терзать, разбрасывая клочья. Больше на кровати ничего не было. Артур поднял ее за один угол и с грохотом перевернул. Снова поднял и изо всех сил грохнул об пол, и продолжал так делать, пока не затрещали стыки, и кровать не развалилась на куски. Деревянная ножка осталась у Артура в руке. Все еще пылая яростью, он с разбега бросился всем телом на дверь и вывалился из комнаты. Дверь осталась болтаться на одной петле.

В коридоре двое мужчин и женщина обернулись на треск ломаемой двери, и при виде Артура бросились наутек, испуганно вопя. Он с криком бросился за ними. Когда он пробежал мимо одной из дверей, оттуда высунулась голова. Артур, не задумываясь, врезал по ней кулаком. Вслед за бегущими он выбежал в фойе. Посетители в панике пытались укрыться от него за фонтаном. Артур промчался сквозь напуганную толпу, нанося удары направо и налево, и оказался возле турникета.

Ему преградил путь мужчина, который лихорадочно пытался что-то достать из сумки-пояса. Артур двинул его в челюсть, прорвался через турникет и оказался на улице. Вечерняя прохлада мгновенно остудила его тело. Мысли тоже стали постепенно проясняться. Артур затерялся в толпе и двинулся, куда глаза глядят, медленно приходя в себя.

Пройдя два квартала, Артур увидел одежный автомат и остановился, чтобы переодеться. Он не спешил. Он понимал, что находится сейчас еще в большей опасности, чем раньше - однако это его почему-то не тревожило. Артур чувствовал приятную усталость и совершенный душевный покой. Наконец-то он был в мире сам с собой! Так вот на что это похоже: дать себе волю, выплеснуть наружу поток ярости, накопившейся за долгие годы самоограничения. Бить и крушить, позабыв страх быть уличенным в отсутствии ангела! Ну кто бы не рискнул жизнью ради этого очищающего наслаждения, если только он на него способен?

Когда Артур переоделся и вышел из кабинки, он обнаружил, что происходит нечто непонятное. Поток прохожих уменьшился, зато вокруг каждого автомата толпились люди. Шум толпы стал даже громче, чем раньше, и в нем появились какие-то истерические нотки. Куда бы ни глянул Артур, лица людей были угрюмо-сосредоточенными. Он миновал мужчину в коричневом с зеленым, который, весь вспотев и тяжело дыша, бросал пластмассовые шары в корзину; покупал еще и еще бросал, даже не глядя - попал или нет. В соседнюю корзину один за другим бросала шары девушка в сиреновом. У нее был такой вид, словно от количества брошенных шаров зависит ее жизнь. Дальше огромный поток людей пер сквозь турникет на карусель. Люди запрыгивали на карусель, проезжали один круг и спрыгивали, возбужденно вопя. Но они не были пьяными; возбуждение, которое владело толпой, имело другой источник.

Артур притаился на выходе из пассажа, пытаясь решить, куда идти, чтобы поскорее выбраться из района развлечений. Вдруг чудовищный звук сотряс воздух, заглушив и музыку, и шум толпы, и щелчки автоматов. Артур никогда в жизни не слышал ничего подобного. Это был хриплый продолжительный вой, похожий на звук чудовищно огромной трубы.

Когда он умолк, тишина показалась Артуру почти невыносимой. И в тишине раздался другой невероятный звук - одновременный вздох тысяч людей, долгое "Э-эээxxx" печали и сожаления. И это было все.

Музыка смолкла. Подсветка на всех автоматах погасла. Людской поток тек по улицам, сопровождаемый тихим шорохом ног и приглушенным бормотанием. Изредка кто-то разражался смехом или громким восклицанием, но голос его звучал одиноко, как вой собаки в ночи.

Артур двинулся вперед вместе с потоком, не переставая удивляться. Тут и там в толпе кто-то подбрасывал вверх горсть маленьких черных предметов, которые падали на окружающих. Один из таких предметов пролетел мимо лица Артура и упал на плечо идущего впереди мужчины. Артур успел рассмотреть черную пластинку, прежде чем она соскользнула с плеча мужчины. За исключением цвета, она во всем была похожа на пластиковые деньги.

Артур вынул из сумки пригоршню денег. Они все были совершенно черными, кроме одной. Но, пока он смотрел, эта одна сменила красный цвет на темно-рубиновый, затем на тускло-багровый, и наконец почернела. Надпись по-прежнему были видна. Серые, как пепел на углях, буквы складывались в слова "Один доллар. 12 июля 140".

Артур посмотрел на часы. Была одна минута после полуночи.

И без того медленное движение толпы замедлилось еще. Люди осматривались по сторонам. Возник недовольный ропот. Артур почувствовал мимолетную тревогу, но он был слишком занят размышлениями о чудовищной судьбе этих людей, которые поначалу показались ему такими счастливыми. Оставаться без единого кредита в конце каждой недели! Жажда развлечений держала их связанными по рукам и ногам куда прочнее, чем жителей Гленбрука - их гражданский и нравственный долг.

Артур полез в сумку за книгой, которую купил в автомате, и неловко развернул ее в крошечном промежутке, отделявшем его от соседа. Его взгляд упал на знакомый рисунок: улыбающийся потребитель в окружении радостной семьи, а над ними покровительственно распростер крылья ангел-хранитель. Под рисунком помещались вопросы и ответы.

"Почему я счастлив быть потребителем?"

"Потому что все мои потребности удовлетворяются, а мне остается только работать и развлекаться".

"Почему не все могут быть потребителями?"

"Жизнь приготовила для нас разные занятия. Потребителям - работать и быть счастливыми; акционерам и администраторам - заботиться и планировать. Жизнь, несомненно, любит потребителей, иначе она не рождала бы их так много".

Артур свернул рулон. Костюмы на рисунке были другими, и несколько слов в тексте заменены - например, "Бесконечность" на "Жизнь". В остальном же это была та самая книга, по которой он учился в школе.

Он все еще продолжал размышлять над этим фактом и вытекающими из него следствиями, когда осознал, что движение людского потока замедлилось еще сильнее. Артура сдавили со всех сторон. Толпа двигалась вперед рывками. Шаг, остановка. Шаг, остановка. Наконец она остановилась совсем. Раздался нестройный хор негодующих голосов.

- Внимание! - прогремел над толпой усиленный громкоговорителем голос.

Артур посмотрел вверх. Многие из окружающих его людей тоже подняли головы.

- Среди вас находится человек, который неосторожно превысил свою способность потреблять алкоголь. Он временно вышел из под контроля ангела-хранителя и не отвечает за свои действия. Повторяю, его состояние временное! Этот человек - не одержимый, но сейчас он опасен для себя и окружающих.

Толпа ответила приглушенным ревом. Кто-то недалеко от Артура истерически вскрикнул. Крик резанул его по напряженным нервам. Громкоговоритель взревел снова:

- На каждом выходе из Уикэнда установлены посты проверки. Вы будете проходить через них по одному. Эта задержка вызвана заботой о вашей собственной безопасности. Живите!

Через минуту людской поток возобновил движение вперед - сначала рывками, затем равномерно. Под ногами шуршали денежные пластинки. Мостовая была усыпана ими, как траурным конфетти. На перекрестке поток, в котором двигался Артур, слился с другим, вытекающим из соседней улицы. Артур с ужасом увидел, что колыхающаяся река шляп заканчивается всего лишь в трех кварталах впереди.

Времени на долгие размышления не было. Артур повернулся к соседу - унылому мужчине с опухшим лицом, тусклыми глазами и большим носом.

- Они не говорят всю правду, чтобы не было паники! - прокричал Артур ему в лицо. - В Уикэнде демон!

Мужчина уставился на него с глупой улыбкой. За шумом толпы Артур едва разобрал его ответ.

- Ты пьян, друг. Не мели ерунды.

Артур попытался заговорить с толстой нервной женщиной, потом с худосочным парнишкой со следами угрей на щеках. Все без толку. Толпа продвигалась вперед. Артур снова повернулся к унылому соседу и схватил его за рукав.

- Ты пьян, - сказал мужчина и неуверенно хихикнул.

- Эй, слушай! - рявкнул Артур. - Товары Е/Т - сплошная дрянь. У циюнов воняет изо рта. Админы едят грязь. Продавцы...

Унылый мужчина попятился, выпучив глаза. Артур не успел договорить. Мужчина вырвал руку, и с воплем ринулся прочь от Артура, расталкивая окружающих.

Артур схватил за руку нервную женщину, повторил ей кошунственную речь, и был вознагражден истерическими криками. Женщина рванулась в сторону, не разбирая дороги. Пока Артур обрабатывал очередного соседа, весть уже разнеслась по толпе. Со всех сторон доносились визгливые крики: "Демон! Демон!" Толпу стало раскачивать в разные стороны, словно мощным прибоем.

Артур понял, что в поднявшемся реве его голоса больше никто не

услышит. Тогда он скорчил зверскую рожу и стал щипать всех, до кого мог дотянуться. Люди рванулись в стороны и вперед. Толпа устремилась вперед, на преграду.

Людской поток сокрушил неуклюжую баррикаду на перекрестке; прорвал цепь охранников, бессильно размахивающих руками, и увлек их с собой.

Но, пробежав еще полмили, Артур увидел, что люди впереди поворачивают и сломя голову бегут обратно - как будто их встретил там не один демон, а по меньшей мере десяток. Увернувшись от нескольких столкновений, Артур вытянул шею и увидел причину обратного бегства.

Впереди на гребне холма возвышалась еще одна баррикада - на этот раз прочная, основательная. Лучи прожекторов выхватывали из толпы отдельные лица, а позади баррикады сгрудились кары, коптеры и охранники, вооруженные незнакомым Артуру громоздким оружием.

8. ИЗ ОГНЯ...

Артур стоял, прислонившись плечом к шершавой стене дома, стоящего на вершухе холма, и смотрел вниз, на городские огни. Позади него, во тьме, ветер завывал в пещере заброшенного дома и свистел, проникая сквозь дырки в заборе. Воздух стал по-ночному холодным.

Артур восемь кварталов шел параллельно баррикаде, и добрался почти до самой Стены. Здесь тоже были ворчуны - по крайней мере по одному охраннику в каждом дворе. А подступы к Стене освещались прожекторами.

С того места, где он стоял, Артуру была видна часть цепочки прожекторов, опоясывающей участок города, где он оказался заперт. По внешнюю сторону баррикады ровными линиями огней светились улицы жилых районов Дариена. Внутри - мерцали отраженным светом окна и витрины домов района развлечений, который назывался Уикэнд.

С противоположной стороны холма, где находился сейчас Артур, тоже спускались улицы, маркированные стройными рядами фонарей. Дальше прожектора охраны выхватывали из мрака неровную поверхность Стены. И, наконец, еще дальше - за Стеной - мерцало в небе призрачное сияние Гленбрука. Артур находился от родного города на расстоянии мили - и целой вселенной.

И еще со стороны города к Артуру медленно, но верно двигалась цепочка огней, которые были фонарями в руках охранников. Сейчас они были ближе, чем полчаса назад.

Охранники продвигались на запад, прочесывая отгороженный участок города улица за улицей, дом за домом. Оцепление двигалось вслед за ними, не оставляя ни малейшей щелки, в которую можно было бы проскользнуть. Охрана действовало неторопливо и тщательно. У Артура было еще полтора или даже два часа в запасе, прежде чем они снова загонят его вниз, в Уикэнд.

И тогда все будет кончено. До Артура снова донеслось отдаленное эхо голоса из громкоговорителя, призывающего всех граждан внутри оцепления возвращаться в Уикэнд. Теперь больше не было толпы, в которой можно устроить панику. Рано или поздно, что бы он ни делал, охранники загонят его в угол, схватят, свяжут и отправят в Ссылку.

Артур был готов безропотно встретить свою участь. Он чувствовал странное равнодушие к собственной судьбе. Путешествие в Ссылку, откуда никто не возвращается, казалось ему всего лишь неизбежной неприятностью, которую нужно перетерпеть, как визит к зубному. Единственное, что мучило Артура - это то, что ему больше ничего не оставалось делать, кроме как ждать встречи с охранниками. Эх, если бы он только мог на прощание отвесить им всем хор-рошенький пинок под зад!

Артур не мог толком сказать, кого он подразумевает под словом "они". Где-то на самой вершухе этого мира были и есть люди, которые видят его весь целиком. Они спутали ноги и надели темные очки на манекены по обе стороны Стены, и делают все, чтобы такое положение вещей не нарушилось.

Как бы устроить им неприятности?

Артур ясно видел, где они наиболее уязвимы. Стена! Овеществленный символ, разделяющий два мира. Хотя на самом деле Стена была не так уж нужна, она всего лишь скрывала то, что не рекомендовалось видеть и слышать. На самом деле людей удерживали от того, чтобы пересечь Стену, их ангелы-хранители.

Оставался один вопрос. Если Стена - всего лишь декорация, а это именно, так, тогда почему она каменная, а не фанерная?

Пожары всегда были проблемой в Гленбруке, особенно в старой части города, рядом со Стеной. Так что каменный символ исполнял сугубо утилитарную функцию - в случае пожара мешал огню перекинуться из одного города в другой.

Ветер, поднявшийся к ночи, становился все сильнее. Он ерошил волосы на голове Артура, играл полой его туники; мягкой, но плотной холодной лапой толкал в спину.

"Если человек окажется рядом со Стеной лицом к лицу с ангелом-хранителем и с полыхающим костром пожара за спиной, куда он бросится?" - спросил себя Артур.

В холодной темноте заправочной станции Артур ощупью нашел то, что ему было нужно, - пустую пятигаллонную канистру. Он вынес ее наружу и через шланг наполнил бензином. Ветер еще усилился, и встретил Артура торжествующим ревом на верхушке холма. Резкий порыв ветра сорвал с него шляпу и унес во тьму.

На востоке огни смыкающегося кольца охранников скрылись из вида в ложбине между двумя холмами. Артур свернул в ближайший двор, сгибаясь под весом канистры. Он взобрался на крыльцо, открыл дверь чужого дома и вошел.

Сначала Артур заблудился в гостиной среди громоздких столов и стульев из металлических трубок, похожих на мышеловки. Он с трудом нашел дверь, и на этот раз ему повезло. Он попал в гардеробную, так плотно набитую туниками, рубашками, брюками, что они спрессовались в единую массу. Артур вынес охапку одежды в гостиную, свалил кучей у внутренней стены и щедро полил бензином из канистры. Прежде чем покинуть дом, Артур распахнул окна в передней и в кухне, и оставил открытыми все внутренние двери.

Он пропустил соседний дом, и проделал то же самое в следующем. Артур продвигался таким образом на юг по пустой улице, пока в канистре не кончился бензин. Раскрасневшийся и запыхавшийся, он бросил канистру на груды одежды в последнем из домов. Выпрямился, постоял минуту, отдыхая, и бросил туда же зажженную спичку.

Огонь радостно взвился кверху. Артур выбежал из дома и побежал к следующему подготовленному костру. Еще одна спичка; новый всплеск пламени в темноте.

Покидая восьмой по счету дом, Артур увидел красноватое свечение над крышами в той стороне, откуда он бежал.

Он стал действовать еще быстрее. Время работало против него, но ему нужно было закончить ряд...

Когда он был уже в трех четвертях пути до того дома, с которого начал, Артур вдруг обнаружил, что у него кончились спички. Он попытался найти коробок спичек в потемках кухни, освещаемой красными отблесками очередного костра, плюнул, вернулся к костру и выхватил из него пылающую рубашку. Держа ее подальше от себя, Артур добежал до следующего дома и бросил рубашку на груды политой бензином одежды.

Новый метод был неплох, но требовал больше времени. Когда Артур выбежал из последнего дома, он услышал где-то в западной стороне вой сирены. А на середине улицы как раз приземлялся коптер. Двое мужчин в красных масках выскочили из машины, как только она коснулась мостовой, и бросились к Артуру.

Артур рванулся назад, мимо костра, пламя которого жадно лизало стену, через освещенную красным заревом кухню. За спиной раздавался топот преследователей.

Артур выскочил через черный ход, четырьмя прыжками пересек двор, сиганул через забор во двор соседнего дома и услышал, как хлопнула кухонная дверь. Он метнулся направо, потом налево - в глубокую тень между домами. Улица была слишком широкой, нечего было и думать ее пересечь... Артур стремительно взлетел на крыльцо и бесшумно закрыл за собой дверь. Сердце у него колотилось так, как будто действительно имело какое-то значение, что он сделает. Его рука нащупала перила, и Артур крадучись поднялся по темной лестнице. Наверху он замер, прислушался, и не услышал ничего, кроме оглушительного стука собственного сердца.

Он шагнул вглубь комнаты, и в тот же миг в комнате нижнего этажа вспыхнул свет.

Они знали, что он находится в доме. Они, наверное, обошли дом с разных сторон...

На первом этаже прозвучали негромкие шаги.

Артур снял туфли. Держа их в руках, он осторожно перебрался в спальню, выходящую окнами на улицу, и закрыл за собой дверь. Туфли он спрятал под узкую кровать. Одно из окон было заклеено, и Артур не рискнул за него браться. Он принялся осторожно и постепенно открывать другое. Наконец щель оказалась достаточной, чтобы он мог пролезть в нее.

Он глянул вниз на пустой двор, сел на подоконник и перебросил ноги через карниз.

Внизу хлопнула дверь и на крыльце появился охранник в красной маске. Он посмотрел вверх, кивнул и произнес в аппарат, который держал в руке:

- Он здесь. На втором этаже со стороны улицы.

Артур рванулся было обратно в комнату, но на лестнице послышались быстрые шаги.

- Сиди и не рыпайся, - дружески сказал человек под окном.

Артур глянул вверх. Край крыши был прямо над ним, на расстоянии вытянутой руки от верхней планки оконной рамы. Он извернулся, и выпрямился во весь рост на подоконнике, спиной к улице. Всеми десятью пальцами Артур вцепился в распахнутую створку окна.

Он потянулся правой рукой, и ощутил под пальцами грубую старую черепицу. Артур ухватился за край крыши, разжал левую руку, и вцепился ей в черепицу рядом с правой. Ноги его соскользнули с подоконника, и Артур повис в воздухе.

- Быстрее, - сказал охранник в аппарат.

Артур услышал, как с треском распахнулась дверь спальни. Качнувшись, и чуть не разжав при этом пальцы, Артур забросил ногу в носке на край крыши. Чуть позже ему удалось подтянуть колено.

- Дрянь, - выругался человек внизу.

Раздался хлопок, и что-то разбилось о стену рядом с головой Артура. На мгновение его лицо окружил белый дымок, мешая видеть. Потом ветер унес его прочь. У Артура вдруг закружилась голова. Он с огромным трудом втащил тело на крышу.

Он лежал на пологом краю крыши, тяжело дыша. Дом раскачивался под ним. Артур почувствовал, что его вот-вот стошнит.

Снизу донесся голос:

- Слишком сильный ветер, Гарри. Лучше влезть за ним на крышу.

На краю крыши появилась рука, за ней вторая. Артур с трудом протянул собственную руку, и разжал пальцы преследователя.

- Берегись внизу, - только и успел крикнуть тот, и Артур услышал глухой звук падения.

Он осторожно поднялся на ноги, согнув колени, чтобы удержать равновесие. Ветер трепал его волосы. Небо за коньком крыши было сплошным алым заревом.

Крышу соседнего дома отделяло от той, на которой стоял Артур, всего фута четыре, не больше.

- Басс! - послышался голос.

Один из охранников вышел во двор, чтобы видеть Артура.

- Спускайся, друг. Мы тебя не тронем.

Артур подошел к краю крыши. Еще одна газовая капсула разорвалась у его ног, но ветер мгновенно развеял газ. Артур напрягся и прыгнул. Он приземлился на соседнюю крышу на четвереньки, и изо всех сил вцепился пальцами в черепицу, чтобы не скатиться вниз. На четвереньках же он вскарабкался до конька крыши, насажив в ладони полно заноз.

Один из охранников, хромая, обходил вокруг первый дом. Второй по-прежнему стоял во дворе. Артур пополз по коньку крыши, и только скрывшись с глаз обоих, стал спускаться по другому скату.

Между домами стоял еще один охранник, глядя вверх, прямо на Артура.

- Будь разумен! - сказал он.

Артур перепрыгнул на следующую крышу. На этот раз ему было труднее не скатиться вниз, и труднее влезть наверх, но он сумел это сделать. Артур устал, и в голове у него шумело, но он знал, что охранники не смогут его схватить. Если понадобится, он будет перебираться с крыши на крышу вечно, а тем временем весь город сгорит дотла. Тогда им придется убраться прочь и оставить его в покое.

Он снова был на самом верху крыши. Огненные искры кружились в воздухе вокруг, и обжигали его лицо и руки. Перекрывая рев огня, снова раздался голос:

- Басс! Ты меня слышишь? Мы предлагаем сделку. Если ты спустишься, мы не тронем твою семью! Ты понял?

Его семью... На мгновение в мозгу у Артура прояснилось. Что они могут знать про его семью? Да - и откуда им известна его фамилия? Непонятно... Артур повернулся и сделал несколько шагов по крыше в сторону улицы.

Это всего лишь игра, напомнил он себе. Пожар или Ссылка, особой разницы нет. Но если это - охранники из Гленбрука, то что они делают здесь, одетые в красное вместо черного? А если нет...

Он слишком поздно услышал рев за спиной. Внезапно поток воздуха обрушился Артуру прямо на голову. Потеряв равновесие и беспорядочно размахивая руками, он глянул вверх и увидел, что прямо над ним повисло металлическое чудовище.

В проеме открытой дверцы мелькнуло искаженное усилием лицо в ореоле растрепанных седых волос, окрашенных отблесками пожара в красный цвет. Артур с изумлением узнал его превосходительство архидепутата Лодермилка.

- Хватай! - крикнул Лодермилк.

Что-то сильно ударило Артура в грудь. Падая, он вцепился в этот предмет, и обнаружил, что держится за канат, свисающий из коптера. Крыша качнулась и уплыла из-под него. Уличная мостовая медленно приблизилась и мягко ударила его по ногам.

Тотчас Артура схватили за руки охранники, и втокнули в коптер. Он не сопротивлялся. Клейкий комок, который соединил канат с его туникой на груди, отцепили. Канат втянули внутрь коптера. Кто-то закрыл дверцу, подтолкнул Артура к сиденью, и коптер взмыл в воздух.

- Теперь, - серьезно сказал Лодермилк, - ты видишь, сколько вреда натворил?

Артур смотрел вниз через большое окно коптера. Они летели высоко над районом развлечений, и он видел целиком всю объятую пожаром область. Она охватывала холм пылающим полукругом на половине его высоты. Языки огня вздымались к небесам вдвое выше зданий, и искры снопами выстреливали в ночь, как грандиозный фейерверк. Но ни один из концов огненной полосы не дошел до Стены.

Они как раз пролетали над западной оконечностью пожара, и Артур разглядел, что улицы здесь заблокированы автобусами, и людей выводят из опасной зоны. Тут и там крошечные пожарные машины поливали струями воды дома, стоящие на пути распространения пожара.

Артур не мог рассмотреть, что творилось в центре опасной области, там было слишком много дыма. Но он увидел, как из багрового зарева вырвалось белое облако, за ним еще одно. Пожарники взрывали дома, чтобы расчистить мертвую полосу и не дать огню перекинуться дальше.

И это, понял Артур, само по себе свидетельствовало о том, что люди оттуда эвакуированы.

- Меньше, чем мне бы хотелось, - отозвался Артур. - Люди в Гленбруке увидят клубы дыма и красное зарево, услышат взрывы - и будут говорить, что у Других вечеринка.

- Да, - согласился Лодермилк. - А жители Дариена будут думать, что это демоны из Гленбрука устроили пожар. И в чем-то они будут правы, кстати сказать... Чего еще ты ожидал?

Артур с любопытством посмотрел на него. Широкоплечий молодой человек, занимающий кресло рядом с пилотом, перегнулся через спинку и протягивал архидепутату толстую стальную трубку. Но Лодермилк вовсе не вел себя как человек, захвативший опасного врага. Он напомнил Артуру курицу-наседку, которая жила у них, когда он был ребенком. Перья торчком, воплощенная заботливость и огорчение.

Артуру нравился Лодермилк, что было совершенно абсурдно.

- Можешь не отвечать, если не хочешь, - сказал старик. - Но мне действительно интересно знать, зачем ты устроил пожар. Это может оказаться важным.

- Я надеялся, что он распространится до самой Стены, зажав людей в кольцо, - медленно сказал Артур. - Тогда им пришлось бы перебраться через Стену. Охранники бы их не остановили.

Лодермилк кивнул.

- И тогда?

- И тогда, - терпеливо сказал Артур, - они бы увидели, что все то, что им говорили про другую сторону, это ложь.

- Да, я понял. Боюсь, твой план не бы сработал, но тебе он должен был казаться вполне логичным. Теперь скажи...

- Почему вы говорите, что он бы не сработал?

- Как по-твоему, - сказал Лодермилк, - неужели до сих пор в мире не случалось катастроф? Случались, да еще какие! Не маленькие пожары, а целые стихийные бедствия. Миллионы людей попадали в непривычные места. Например, великое наводнение на Миссури в пятьдесят втором. Опотровцы и еторговцы тогда так перемешались, что ушло пять месяцев на то, чтобы их рассортировать. Или взрыв электростанции на Урале в семьдесят седьмом, смешавший совпромников и капиталейцев. Тогда обе стороны выслали огромное число своих граждан, из-за чего потом была жуткая склока во Всемирном суде. Хотя на самом деле это было вовсе не нужно.

Артур непонимающе уставился на него.

- Но почему?

- Потому что люди смотрели друг на друга, а видели то, что должны были видеть. А в пересказе истории обрастали подробностями. На Миссури, например, не рассказывали обычные байки, что у Других, дескать, когти как крючья, а крылья как у летучей мыши. Ничего подобного! Там говорили, что Другие - пятидесяти футов ростом, и что на голове у них вовсе нет плоти, один только зубастый череп, в глазницах которого копошатся черви...

Артур вздрогнул.

- Пора улетать отсюда, Дэйви, - сказал Лодермилк пилоту. - Мы и так опаздываем.

- Хорошо.

Артур почувствовал, как коптер затрясся, втягивая винты. Заработали реактивные моторы, и величественная панорама внизу поплыла назад. Пожар, Дариен, и все крошечные суесящиеся люди вскоре потерялись из вида.

- Теперь подумай хорошенько, Артур. Это была единственная причина?

- Нет, - равнодушно ответил Артур. - Куда вы меня везете?

- Этот вопрос может подождать. Так какая была еще причина?

- Разве не ясно? Я хотел выбраться оттуда. Если бы вы меня не поймали,

я бы спустился на землю впереди пожара и, может быть, выбрался бы из оцепления.

- Да, - одобрительно сказал Лодермилк. - Хорошо. Так получилось, Артур, что здесь ты преуспел. Если бы не пожар, мы бы никогда не нашли тебя. А знаешь, ведь ты доставил мне худшие полчаса за последние тридцать лет моей жизни! Тебе повезло, что настолько ценен для нас, чтобы гоняться за тобой в такой суматохе. Я имею в виду ценность твоих генов, разумеется. Да. Весьма ценная генетическая линия. Мы уже считали ее потерянной. А теперь ответ на твой вопрос, Артур. Мы летим в Пасадену.

Артур совершенно перестал понимать, что происходит.

- Зачем? - спросил он.

- Чтобы ты начал учиться в колледже. Да. Разумеется, не как Артур Басс - боюсь, ты лишил себя возможности пользоваться этим именем. Как тебе понравится фамилия Барбур? Старая и уважаемая фамилия. Артур Барбур. Да. Звучит монотонно, но если ты не особенно возражаешь...

- Погодите! - яростно перебил его Артур. - Я ничего не понимаю.

- Артур, - мягко сказал старик. - Все люди в колледже такие же, как я и ты. Все "одержимые". И преподаватели, и студенты. Среди них нет никого, кто бы имел ангела-хранителя.

Артур подавил приступ недоверчивого смеха.

- Вы хотите сказать, что если бы я остался в Гленбруке... и не влез в неприятности...

- Да. Конечно, сейчас я жалею, что тебя отпустил. Но тогда мне показалось, что задерживать тебя ни к чему... Если хочешь, можешь включить всю эту историю в список наших долгов перед тобой. Мы и так много тебе должны. Но если бы не мы, ты бы вовсе не появился на свет.

Артур вытаращился на него, открыв рот.

- Правда. Я не могу этого доказать, поскольку записи пропали пятнадцать лет назад, но я не сомневаюсь, что ты - наше дитя. Видишь ли, тридцать лет назад мы были маленькой, плохо организованной группой. А нынешняя прекрасная маскировка нам тогда и не снилась! Мы ужасно нуждались в том, чтобы повысить свою численность. Чтобы сделать это побыстрее, мы ухватились за рискованный вариант, как утопающий за соломинку. Гм... Будет непросто тебе объяснить. Ты ведь понятия не имеешь, откуда берутся дети, верно? Ну, упрощая весь процесс до невозможности, в общих чертах это выглядит так: клетка отца и клетка матери соединяются в теле матери, из объединенной клетки вырастает ребенок, и потом рождается. Мы использовали древнюю технику, брали свои объединенные клетки и помещали их в тело других женщин без их ведома... Так сложилось, что многие из нас работали в больницах для потребителей. Однако эксперимент оказался ошибкой по нескольким причинам. Во первых, слишком много приемных матерей умерло при родах. Во вторых... гм... очень редко иммунный способен прожить пятнадцать-двадцать лет как потребитель, администратор или акционер, и не стать изуродованным настолько, что от него уже нет прока ни нам, ни ему самому. В общем, мы этим экспериментом не гордимся. Однако по-прежнему пытаемся найти и собрать у себя всех, кто "здоров рассудком", как мы это называем. На жаргоне торговцев это называется "наследственно стабильный тип".

Помнишь тот тест, который я тебе предложил? Если кандидат в студенты проходит его, он отправляется в колледж, и там подвергается более серьезным тестам. Если испытуемый выдерживает все аналоговые тесты, то он тем или иным образом проваливается на экзаменах, и мы отсылаем его домой. На самом деле нас интересуют те, кто не пройдет тест. Если кандидат провалился на самом первом тесте с ящиком, мы больше не выпускаем его в город, чтобы он не выдал себя. Эти молодые люди тоже направляются в колледж - и остаются учиться.

- Минутку, - сказал Артур чуть погодя. - Я пытаюсь уложить все это в голову. - Колледж священных наук находится под вашим контролем; значит, все дьяконы - это ваши люди?..

- О нет, - сказал архидепутат. - Наших среди них всего лишь процентов

тридцать. И даже этого нам удалось добиться очень не сразу. Еще через пятьдесят лет мы захватим контроль над аналоговыми машинами - таково их настоящее название, кстати сказать, - и среди администраторов будет около двадцати процентов наших, а еще процентов десять-пятнадцать среди охранников... вроде тех двух джентльменов, которые помогли мне сманить тебя с крыши.

- Пятьдесят лет! - потрясенно повторил Артур.

- Ах, время проходит незаметно. Ты сам это когда-нибудь поймешь. -
Архидепутат зевнул. - Сейчас я, пожалуй, посплю немного. У меня был трудный день.

9. ...ДА НА СКОВОРОДКУ

Артур неуклюже выбрался из коптера и вслед за Лодермилком прошел через арку в покрытой мхом стене. Все тело у него затекло от долгого полета. Они совершили только две посадки - одну в Равнинах, чтобы заправиться горючим, а вторую где-то в горах перед самым рассветом, чтобы сменить дариенскую одежду Артура на обычный костюм младшего помощника продавца. Верхняя рубашка сидела на нем отвратительно, а туфли жали.

Длинноногий Артур никак не мог приспособиться к шагу Лодермилка. Пока архидепутат сидел, Артур не отдавал себе отчета, насколько тот мал ростом и хрупок. Однако в его манере двигаться не было ничего немощного. Старик бодро трусил впереди, подпрыгивая как воробышек.

На проходной их ожидал рыжий молодой человек в горчичного цвета балахоне с капюшоном. Он вертел в руках полоску пластика, складывая ее в замысловатые геометрические фигуры. Когда они появились, он встал со стула и просиял при виде Лодермилка.

- Артур, это... гм... Маркс, если я правильно помню?

- Уэсли Маркс, сэр.

- Хорошо. Артур - новичок, Уэсли. Отведи его в здание администрации, пожалуйста, и расскажи все, что нужно знать новичку.

- Сделаю, сэр. Вы удачно слетали?

- Вполне.

Лодермилк пожал Артуру руку на прощание, уселся на скутер и покатил по улице тряской рысью. Одежды его развевались на ветру.

Артур последовал за рыжим студентом в противоположном направлении, озираясь вокруг с искренним любопытством. Он увидел пять каменных зданий очень древнего вида, длинную приземистую постройку и крошечную часовню Магазина. И это было все, если не считать нескольких акров травы и деревьев. Высокая стена отделяла городок Торгового колледжа от внешнего мира. Даже показанный Артуру Лодермилком колледж гуманитарных искусств, здания которого располагались на расстоянии нескольких сотен ярдов, не был отсюда виден.

Они миновали мужчину средних лет в алых одеждах, который вышагивал, опустив подбородок на грудь и заложив руки за спину. Мимо проехали на скутерах две девушки, грациозно держась на сиденьях по-дамски, боком. Юноша в черном вышел из приземистой постройки, когда они проходили рядом, глянул на них без любопытства, присел на газон и стал жевать сорванную травинку.

- Сколько...

- На улице не разговаривать, - вполголоса отрезал Маркс.

Над входом в самое дальнее из каменных зданий полустершийся от времени каменный рельеф гласил: "Администрация". Артур вслед за своим проводником поднялся по широким ступеням в прохладный вестибюль, где каждое движение отдавалось гулким эхом. Вестибюль был совершенно пуст, если не считать двух молодых людей и девушки за столом. Старомодные электрические часы на стене громко щелкнули, когда Артур и рыжий студент вошли.

- Новичок, - сказал Маркс троим присутствующим.

Он обошел стол, оперся на него локтями, и все четверо студентов с одинаковым сонным равнодушием уставились на Артура.

В наступившей тишине раздавалось только равномерное гудение часов.

Девушка вынула достала карточку и вложила ее в стоящий перед ней ортотайпер.

- Имя?

- Артур Ба... Артур Барбур.

- Точно? - спросила девушка с легкой улыбкой.

- Точно.

Застрекотал ортотайпер.

- Возраст? Предыдущее место жительства? Образование? Предыдущий род деятельности?

Артур ответил на все вопросы. Девушка выхватила карточку из машины, оторвала от нее часть и отдала Артуру. Это была стандартная кредитная карточка Опотра. Рыжий студент взял Артура за руку и увлек в один из боковых коридоров.

На половине пути Артур остановился.

- В чем дело?

- Она ошиблась. Здесь написано "Себастьян Ридлер".

- Это твоё имя. Пойдем.

Артур снова двинулся за ним. Они спустились по пандусу в комнату с голыми серыми стенами, разделенную на две части длинным прилавком. За прилавком стоял еще один сонный молодой человек в горчичном балахоне, а за ним виднелись длинные ряды полок. Эмалированная табличка над его головой сообщала, что это "Магазин продуктов общего потребления Пасадены, отраслевая лицензия 9". Часы, точно такие же, как в приемной, шелкнули, когда минутная стрелка перескочила на одно деление.

Артур положил свою карточку на прилавок. Клерк смерил его взглядом, направился к одной из полок, вернулся со стопкой одежды и положил ее на прилавок.

- Это все, что тебе сейчас нужно. Если понадобится что-то еще, приходи в Магазин.

Он опустил карточку Артура в аппарат на прилавке, умело пробежался пальцами по клавишам и вернул карточку.

Артур повернулся, чтобы идти.

- Подожди минуту.

Клерк достал штемпельную подушку и большую круглую печать.

- Наклонись, - велел он Артуру.

- Зачем?

- Делай, как он говорит, - сказал Маркс.

Клерк прижал печать к подушечке, а затем приложил ее по очереди ко лбу и обеим щекам Артура.

- Не прикасайся, пока не высохнет. Давай сюда руки.

Он снова увлажнил печать и приложил ее к тыльной стороне ладоней Артура. "Чернила" были совершенно бесцветными, как вода.

Артур перевел взгляд с клерка на рыжеволосого. Оба студента наблюдали за ним с мягкой усмешкой.

- Ладно, куда теперь? - спросил Артур.

- Ты что, не хочешь узнать, зачем это все?

- А ты бы ответил, если бы я спросил?

- Нет, - ухмыльнулся рыжий. - Тебе придется догадаться самому.

Артур повернулся к двери, и замер на месте. Что-то в комнате изменилось. Что именно? Звук...

Он бросил быстрый взгляд на часы.

- Правильно, - одобрительно сказал Маркс.

Белокурая секретарша Лодермилка встретила его радостным возгласом:

- Привет, Френсис! Хорошая была поездка?

- Отвратительная, - ответил Лодермилк, улыбаясь ей. - Столько волнений - я до сих пор дрожу, как в лихорадке. Сегодня я не принимаю никаких посетителей с проблемами, Бетти. Пропускай ко мне только спокойных и положительных людей, я намерен расслабиться...

У секретарши вытянулось лицо.

- О нет! - воскликнул Лодермилк. - Меня уже кто-то ждет? Кто же?

- Посол от Фабитала. Он в вашем кабинете. Прибыл полчаса назад. Его зовут Эзиус Мильоцциус.

- Да, да, я помню. - Лодермилк вздохнул. - Ну, по крайней мере, у него нет проблем, я надеюсь.

- Зато он сам может оказаться проблемой.

- Хм. - Лодермилк внимательно посмотрел на секретаршу. - Он тебе не нравится?

- Не слишком. Хотя это не предчувствие.

- Ладно. Спасибо, Бетти.

Он шагнул к двери.

- Френсис!

Лодермилк обернулся с видом легкого недовольства.

- Ты принимал пилюли?

- Да, да, - нетерпеливо сказал Лодермилк. - Н-ну... честно говоря, нет.

Он достал коробочку с пилюлями, вытряхнул на ладонь две капсулы, красную и зеленую, и проглотил их с ужасной гримасой.

Девушка усмехнулась ему. Лодермилк переступил порог кабинета, и тотчас хмурая гримаса на его лице сменилась выражением безупречной вежливости. Гость архидепутата сидел в кресле у окна и курил сигарету в длинном красном мундштуке. Это был смуглый, темноволосый, худощавый джентльмен.

- Domine Migliozzie, salve, salve. Maereo guod te salutare non hic eras, sed, verum... (Приветствую вас, господин Мильоцциус. Прошу простить, что не смог встретить вас, но, правду сказать...)

- Я вас умоляю, архипрокуратор, - сказал Мильоцциус, пожимая руку Лодермилка. - Пусть мое ожидание послужит знаком того глубокого уважения, которое я к вам питаю. Мне было приятно вас ждать.

Мильоцциус улыбнулся, и его коротко подстриженные черные усы встопорщились, как у кошки. Он поклонился Лодермилку, и в ответ на жест архидепутата опустил обратно в кресло, изящно поддернув брюки и расправив тогу, чтобы не помялись.

Они с Лодермилком обменялись еще несколькими любезностями, каждый на языке другого. Потом Мильоцциус запутался в какой-то особенно заковыристой фразе и сдался. Они перешли на новую латынь.

- С тех пор, как моя группа имела счастье встретиться с группой вашей милости, мы всегда стремились отправить к вам кого-то из нас, дабы он мог скромно постигать ваш опыт. Это было весьма непросто осуществить, даже при вашей драгоценной поддержке. А потом мы долго не могли решить, кто же из нас поедет. Поэтому я должен извиниться за свое скверное знание английского, ваша милость; как вам известно, в Фабитале не поощряется изучение иностранных языков. А ваши познания в латыни весьма совершенны. Могу я узнать, как вы?... Возможно, вам случалось бывать с межобщественной комиссией в Италии?

- Нет, я никогда не имел такой чести, - смущенно ответил Лодермилк. - Видите ли, честно говоря, меня частенько мучает бессонница, и я должен чем-то занять время. Так случилось, что у нас в библиотеке есть несколько книг на латыни, а перевода к ним нет. "Сумма теологии" Фомы Аквинского, например. Обидно, видите ли, терять любое знание.

- Ах, - сказал Мильоцциус, энергично кивая. - Прекрасно. Восхитительно! И какого вы мнения о "Сумме"?

- Шедевр. Вне всякого сомнения, творение мастера. Очень поучительная книга, вы не находите?

- Увы, я ее не читал. Я полагаю, у нас существуют экземпляры этой

книги, однако нам недостает вашей американской скрупулезности. Древние дискуссии о божестве и ангелах сейчас в высшей степени неактуальны. Достаточно нам ангелов в повседневной жизни!

- Именно так, - согласился Лодермилк. - Однако ваше время дорого, а я тут развлекаю вас пустой болтовней. Я полагаю, сейчас мы с вами пройдемся по колледжу, и вы глянете вкратце, как у нас поставлено дело. А после обеда, если вы не будете слишком утомлены, вы начнете осматривать колледж более детально.

- Вы чрезвычайно добры, ваша милость.

- Достопочтенный сэр, - запротестовал Лодермилк, - среди нас не приняты такие обращения. Мы - друзья, и прошу вас называть меня Френсисом.

- С величайшим удовольствием, - любезно ответил Мильоцциус. После недолгого колебания он добавил:

- И вы тоже зовите меня Эзиус.

Лодермилк отошел к столику в углу и налил два стакана кьянти, себе и гостю.

- Bene tibi!

Архидепутат отпил глоток вина, умело скрыл гримасу, поставил стакан на стол и произнес:

- Я так понимаю, Эзиус, что ваша группа не располагает колледжем для обучения молодежи. Только обычные учебные заведения Фабитала и Унимеркса.

- Да, мы весьма отстали от вас в этом направлении, - ответил Мильоцциус, сверкнув белыми зубами. - Нам всегда казалось, что это слишком опасно. Мы обучаем своих детей дома, сами. Именно поэтому нас так интересует...

- Но вы совершенно правы! - вежливо воскликнул Лодермилк. - Разумеется, в Фабитале можно обучать детей дома. Мы бы тоже поступали так в большинстве случаев, но большинство обществ Северной Америки отрицает частную жизнь. Во многих случаях можно сказать, что дома практически не существует.

- И все-таки мы знаем, что вы преодолели большие трудности, Френсис. Собрать такой кулак под носом у стандартных! Ведь вас в любой день могут разоблачить и уничтожить...

Лодермилк хлопнул в ладоши.

- Вы мне напомнили... Нужно вас пометить, прежде чем мы начнем обход колледжа.

- Пометить? - У Мильоцциуса отвисла челюсть.

- Да. Это одна из предосторожностей... Впрочем, нет, мы сделаем по-другому. Сначала я проведу вас по колледжу непомеченным и покажу вам то, что увидит обычный сторонний посетитель, прибывший сюда без предупреждения. Университетский чиновник, например, или инспектор из департамента священных наук.

Мильоцциус беспомощно пожал плечами.

Артур смотрел на часы. Они монотонно гудели на одной ноте. Минутная стрелка бесшумно миновала деление и поползла к следующему.

- Раньше они тикали, - сказал Артур.

- И что?

- Погодите, - сказал Артур, лихорадочно размышляя.

Он сообразил, что один раз это уже произошло. В приемной. Когда Артур с провожатым вошли, часы шелкнули, а потом загудели. Но какое это имеет отношение к веществу, которое только что нанесли на его лицо и руки?

- Почему я запретил тебе разговаривать на улице? - задал наводящий вопрос Маркс.

У Артура чуть не сорвался с языка ядовитый ответ. Но он вдруг вспомнил, что рассказывал ему о колледже Лодермилк прошлой ночью, и прикусил язык.

- Ой.

- Что-что? - поинтересовался Маркс.

- Здесь есть люди, которые не останутся учиться. Не иммунные.

- Верно, - сказал клерк. - И дальше?

Артур посмотрел на свои руки. Чернила высохли, не оставив ни малейшего следа. Он понюхал кожу. Ничего.

Но какая-то разница должна быть, иначе зачем... И тут в голове Артура все встало на свои места. Так просто! В Магазине для некоторых эффектов использовали священный свет. На праздничных службах потребители играли в "спрячь-кредит", и Артуру не раз случалось наблюдать за залом через специальные очки. Обычный свет при этом выключали, но Артур видел, как "кредит" (большую пластиковую букву "К") передают из рук в руки. Потом он подсказывал другому младшему помощнику продавца, у кого из потребителей спрятан "кредит". Все было очень просто - если знать секрет. Но на потребителей всегда производило хорошее впечатление.

- Ну? - спросил клерк.

Артур очнулся. Оказывается, он успел погрузиться в размышления и силе источника света и оттенке стекол в очках, необходимых для того, чтобы чернила были ясно видны оснащенному специальными очками наблюдателю, но незаметны невооруженным глазом.

- Единственное, чего я не могу понять, - сказал Артур, обводя взглядом помещение, - это где вы прячете проектор и наблюдателя.

Маркс сверкнул глазами.

- Тебе известно достаточно, - сказал он, и увлек Артура прочь из комнаты. - Пойдем.

Артур шел за ним, погруженный в глубокие размышления. Минуту спустя он сказал:

- Что, если я догадался, почему на моей карточке стоит не то имя, которое я назвал?

- Рассказывай.

- "Барбур" - это кодовое слово. Оно значит, что я не могу воспользоваться собственным именем, поэтому мне дали первое из списка имеющихся.

Рыжий студент одобрительно фыркнул.

- Я прав?

- Частично. Как тебя зовут?

- Ээ... Себастьян Ридлер.

- Хм.

Они вернулись в вестибюль. За столом сидели все те же трое. Девушка перегнулась через стол и обратилась к Артуру, жестикулируя карандашом в такт словам.

- Ну вот, теперь ты понимаешь, верно? На улице не говори вообще. В помещении можешь говорить только тогда, когда часы гудят. Если ты услышишь, как они тикают, и увидишь, что стрелка идет рывками, что ты будешь делать?

- Я замолчу, - сказал Артур.

- Правильно. Если кто-то - неважно, кто, - заговорит с тобой в тот момент, когда ты должен молчать, сделай знак, что твой рот на замке. - Она провела двумя пальцами по губам. - Если кто-то попросит тебя рассказать о себе что-нибудь, кроме имени - откуда ты приехал, как зовут родителей, ну и так далее, - ты должен отвечать "ниоткуда", "никто", "ничего". Понятно? Все это написано в правилах для новичков, которые тебе придется выучить. Ты поймешь, что запомнить правила и строго их придерживаться - в твоих интересах. В колледже используется система взысканий. Новички отработывают по часу на хозяйственных работах за каждое полученное взыскание.

Она кивнула Марксу.

- Отведи его в спальный корпус "Б", Уэс.

Когда они вышли на улицу, она неожиданно оказалась полна народа. Молодые люди двигались потоком откуда-то из одного места.

- Возвращаются из столовой, - заметил Маркс. - Может, ты тоже хочешь перекусить?

- Нет, спасибо.

Маркс равнодушно кивнул и повел Артура через толпу. Артур жадно искал глазами в лицах студентов какое-то особое качество - он сам толком не знал, какое. Но ничего необычного он не высмотрел. Пару раз, когда он смотрел на трех-четырех студентов одновременно, ему казалось, что он вот-вот краем глаза поймает это неуловимое "нечто"... и всякий раз оно ускользало, как только Артур переводил взгляд с нескольких лиц на одно.

Студенты негромко переговаривались на ходу. Пытаясь как-то их отличить друг от друга, Артур заметил, что чаще всех разговаривают студенты в серых балахонах, студенты в горчичных - реже, а студенты в черных почти не открывают рот. Новички, одетые в коричневые балахоны вроде того, который выдали ему, шли молча. Очевидно, запрет на разговоры на улице относился только к ним. Серая одежда, должно быть, отличает второкурсников, которые гордятся своей новой привилегией и норовят воспользоваться ей почаще. В горчичное одеты студенты третьего курса, а в черное - выпускного.

Маркс свернул к ближайшему входу в длинный приземистый дом. Внутри они первым делом столкнулись с двумя потными первокурсниками, которые тащили стол по коридору, загроможденному кроватями, чемоданами, пустыми коробками и неприкаянными новичками. Где-то за пределами видимости разговаривали два мужских голоса. Слова слышны не были, только интонация: вопрос-ответ, вопрос-ответ.

Все двери в комнаты по обе стороны коридора были распахнуты. На дверях были приколоты карточки с номерами. Артур мимоходом увидел ряды незастеленных кроватей со спинками. В каждой комнате на стене висели такие же самые старомодные часы. Артур удивился, как можно услышать их звук в той какофонии шумов, которая здесь творилась, и вдруг понял, что он его слышит. Часы тикали хотя и тихо, но резко и отчетливо.

Они завернули за угол и миновали закрытую дверь с карточкой "женская спальня". За следующим поворотом коридор заканчивался тупиком. В тупике сидел за крошечной конторкой молодой человек в горчичном балахоне. Перед ним лежала толстая бухгалтерская книга.

- Найдется место для еще одного? - спросил его Маркс.

Студент утвердительно проворчал и обратил взор на Артура.

- Имя?

Он занес ручку над книгой.

Артур открыл было рот, вовремя услышал негромкий щелчок, и закрыл рот. Он провел пальцами по губам, как ему показали.

Студент за конторкой улыбнулся и посмотрел на Маркса.

- Себастьян Ридлер из Ошкоша. Двадцать один год.

Третьекурсник записал данные в книгу.

- Взыскания?

- Восемь, - сказал Маркс.

У Артура отвисла челюсть.

- Два - за разговоры на улице, - продолжал Маркс. - Три - за то, что первым обратился к старшекурснику. И одно, - он глянул на Артура, - за то "ээ...", когда я спросил твое имя.

Он ухмыльнулся Артуру на прощание и отправился восвояси.

Студент за конторкой глянул на карточку, что-то на ней написал, затем взял брошюру из стопки на краю конторки и протянул Артуру.

- Комната двенадцать. Это туда.

Артур нашел свою комнату и зашел внутрь. В комнате были два письменных стола, стеллаж, две кровати - одна незастеленная, - и куча багажа. Артур мрачно уселся на незастеленную кровать и открыл брошюру, озаглавленную "Правила для новичков". В ней было двенадцать страниц убористого печатного текста. После каждого правила стояла пометка, какое взыскание назначается за его невыполнение.

"Новичок должен посещать все занятия и факультативы согласно расписанию. Новичок должен приходить на занятия и факультативы вовремя... Когда к новичку обращается преподаватель или старшекурсник, он должен добавлять к своему ответу "сэр" или "мадам".

Артур сообразил, что взысканий за невыполнение этого правила Маркс ему не назначил. Он попытался вспомнить, сколько раз говорил со старшекурсником по дороге от входа сюда, но потерял счет. Раз двадцать, не меньше. Его злость на рыжего старшекурсника стала постепенно проходить.

Артур перечитывал брошюру по второму разу, когда кто-то вошел в комнату. Артур поднял взгляд.

- Похоже, мы соседи, - сказал жизнерадостный румяный парень. - Моя фамилия Флинн, а твоя?

Часы над дверью равномерно гудели.

- Ридлер, - сказал Артур, пожимая руку парня. - Как тебе тут?

- Ужасно, - ответил Флинн и со стоном повалился на кровать. Пробегал до самого полудня. Но сейчас, по-моему, про меня забыли. Ты откуда?

- Ниоткуда.

- Тьфу ты, совсем забыл, - скривился Флинн. - Дурацкие правила, верно? У меня из-за них куча неприятностей. Запомнить я их могу, только смысла в них нет.

Он испустил несколько протяжных стонов.

- Ну ладно, они не запрещают рассказывать о себе, если сам захочешь.

Я приехал из Оленьего парка, это на севере Севена. Мой отец - администратор второго класса. Он заведует электростанцией на озере Каско. Он ужасно умный, а я - нет. Моя мать и сестра тоже не гении, но я хуже всех. Сколько у тебя взысканий?

- Восемь.

Флинн присвистнул.

- Восемь! У меня - двадцать три, не считая тех, которые я уже отработал вчера вечером и сегодня утром.

Он глубоко вздохнул.

- Хотел бы я сейчас оказаться дома, в Севене!

- Ты жалеешь, что приехал сюда?

- Еще как! Я никогда сюда не хотел. Я знал, что это не для меня. Я такой простофиля, что меня с семи лет держали дома, никуда не выпускали. Я слишком много болтаю, а если взволнован, то совсем за собой не слежу. Ну и что в этом плохого, если бы я оставался в Оленьем парке? - Он перекатился на живот. - У нас там пять сотен акров земли, обнесенных стеной. В основном лес. Моя мать происходит из семьи Вильямсов, она получила Олений парк в наследство. Другого такого места просто на свете нет. В озере водятся окуни и форель, а в лесу - сурки, белки и, само собой, олени. Но мы на них не охотимся. Они ручные.

- Ты охотился?! - поразился Артур.

- А как же! А ты - нет? Из какой семьи ты производишь, я забыл?

- Моя фамилия Ридлер. Я... я был потребителем, пока не пошел работать в Магазин.

- А, тогда понятно. Я до сих пор никогда не встречал потребителей. У нас в Оленьем парке даже слуг нет - из-за меня. Только семья и мой учитель. Да еще каждое лето приезжает толпа иммунных ребят. - Он потряс головой, словно отгоняя воспоминания. - Хотел бы я быть там! Я говорил отцу, что это не для меня, но он чудной. Все повторял, что я могу сделать все, если хорошенько сосредоточусь. Дядя Зиг пытался с ним спорить, но отец только вышел из себя и накричал на него.

Флинн снова застонал и уселся на кровати.

- Все тело болит. Я до сих пор никогда не таскал мебель.

- Так здесь отработывают взыскания?

- Ты делаешь все, что тебе велят. В основном таскаешь мебель, это точно. Все третьекурсники переселяются в комнаты четвертого курса, и на это уходит уйма взысканий.

- А кто ведет счет взысканиям?

- Ты сам. Но если соврешь... Гром и молния! - у Флинна был подавленный вид. - Сегодня утром один старшекурсник меня спросили, сколько у меня взысканий. У меня было шестнадцать, но я решил приврать, и сказал "два". По-моему, он мне не поверил. Он отвел меня к проктору, и - шарах! -

десятью взысканиями больше.

Артур смотрел на него и не знал, сочувствовать или смеяться.

- Ну, если ты провалишься, они отошлют тебя домой. Ты ведь этого и хочешь?

- Нет. - Флинн покачал головой. - Мой отец сказал, что это очень серьезно. Как в воду бросают - выплывешь или утонешь. Сделают из меня дворника, или что-нибудь еще...

Он посмотрел на Артура и вздрогнул.

- Слушай, забыл тебе сказать! Лучше застели кровать - это одно из правил...

Артур вскочил с места. Его взгляд упал на раскрытую страницу брошюры, где черным по белому значилось: "Кровати новичков должны быть аккуратно застелены от 7:00 до отбоя".

- А где взять постельное белье?

Прежде чем Флинн успел ответить, в коридоре появился какой-то студент в горчичном балахоне. Он прошел мимо двери, потом вернулся и вошел в комнату. Флинн дернулся, как будто хотел спрятаться, потом опомнился и встал с кровати, неестественно выпрямившись.

Артур тоже подтянулся. ("Новички должны стоять по стойке "смирно" в присутствии преподавателей или старшекурсников, пока им не разрешат сесть".)

- Сколько взысканий, новички?

- Двадцать три, сэр.

- Восемь, сэр.

Старшекурсник кивнул в сторону Артура.

- Девять. Незастеленная кровать. Ладно, пойдете оба со мной.

10. ТИК-ТАК

Молодой мужчина за кафедрой был одет в черный балахон с узенькой алой полоской по край капюшона. Он спокойно ждал, пока не затихли кашель и шарканье ног, и единственным звуком осталось равномерное гудение часов над ним.

- Добро пожаловать в колледж священных наук Торгового университета Пасадены, - сказал он и сделал паузу.

Артур напряженно подался вперед, и чуть не забыл, что надо еще и слушать, что говорят. Он наконец увидел то неуловимое "нечто", которое ускользало от него весь день. Оно было в выражении лица преподавателя; в том, как он стоял, расправив плечи и высоко подняв голову. Лучшее, что придумал Артур при попытке описать его манеру держаться, было выражение "на его плечи не давит груз".

- Я сейчас объясню вам, как организован колледж, и как вы должны будете себя вести во время своего пребывания здесь. Первое, и самое важное: колледж, как учебное заведение Опотра, имеет свои традиции, правила и регламентированные учебные курсы, и все они неукоснительно соблюдаются. Вы на самом деле должны будете выучить все, что обязан знать кандидат на степень бакалавра священных наук. Однако это займет у вас всего одну двенадцатую общего времени обучения. Все остальное время, на лекциях и самостоятельно, вы будете изучать множество других вещей, ни одной из которых нет в расписании учебных заведений Опотра. Второе, и не менее важное: на лекциях, которые проводятся в открытых аудиториях, вы должны будете соблюдать некоторую процедуру, которую мы называем "процедурой тик-так". Поясняю. Откройте розданные вам книги на второй странице.

Он терпеливо дождался, пока утихнет шелест страниц.

- До конца этой лекции вы должны будете держать эти книги открытыми, и каждые две минуты переворачивать страницу. Если вдруг раздастся щелчок часов, вы немедленно начинаете читать вслух с начала правой страницы

разворота, на котором открыта книга. Теперь предположим, что прошло четыре минуты.

Гудение часов прекратилось. Артур торопливо перелистнул две страницы и неуверенно начал читать вслух: "Какова природа веществ, используемых в священных машинах? Их природа земная, ибо они происходят из земли". Нестройный хор голосов заполнил аудиторию. Некоторые студенты рядом с Артуром читали что-то совсем другое. "Какова природа частей священных машин? Их природа человеческая, ибо они созданы человеком". Хор приобрел некоторую согласованность. Теперь все читали одну и ту же страницу. "Какова природа священных машин? Они происходят от Бесконечности, ибо не земля и не человек произвели их, а они были открыты Каско во сне".

Часы вновь загудели. Артур перестал читать. Несколько голосов еще прочли пару фраз в тишине, потом сконфуженно замолкли.

- Хорошо, - сказал преподаватель. - Вернитесь снова ко второй странице. Теперь предположим, что прошло две минуты.

Щелчок. "Какова природа природы? Природа не есть ни добро, ни зло. Какова природа человека? Человек есть зло. Какова природа Бесконечности? Бесконечность есть добро."

На этот раз у студентов получилось лучше. Как только часы перестали тикать и загудели, все голоса смолкли.

- Хорошо. Больше тренировок у вас не будет. Запомните: по одной странице каждые две минуты, начиная с этого момента. И запомните еще: с этого момента, если часы щелкнут, это будет значить, что в аудиторию сейчас войдет нормал. - Преподаватель окинул студентов ироническим взглядом. - Когда это произойдет, сделайте все, как надо.

Он оперся локтями на кафедру и продолжал, почти не сделав паузы:

- Некоторым из вас будет трудно в это поверить, но все, что от вас здесь требовали и будут требовать сделать, в высшей степени осмысленно. Колледж был организован со следующими целями: научить вас тому, что необходимо для выживания; научить вас быть полезными себе и своей группе; и научить вас думать. Вам придется затвердить наизусть опотровские учебные тексты и не вспоминать их, кроме как в случае необходимости. Ни для чего другого в нашем колледже метод механической зубрежки не применяется. Вас уже протестировали, и очень тщательно...

Артур неожиданно осознал, что это так и есть. После обеда Артура и Флинна, с руками, ноющими от переноски мебели и полудюжины разных укулов, загнали в совершенно темный коридор вместе с пятнадцатью другими первокурсниками. Артур медленно продвигался вперед вместе с группой, как вдруг чья-то рука схватила его за локоть, и незнакомый голос сказал: "Спускайся вниз". Артур стал спускаться по ступенькам - двадцать в темноте, три на свету - и очутился в комнате без окон, где его подвергли тестам. Он должен был давать ответы на вопросы из брошюры, один за другим. И каждый следующий вопрос был сложнее предыдущего. Потом он рассматривал картинки и сочинял по ним рассказы. Потом его проверяли на машинах, напоминающих упрощенные варианты священных машин - шлем для головы, мигающие огоньки и прыгающие стрелки на циферблатах. А в самом конце Артура ждали тихие разговоры, на первый взгляд не преследующие определенной цели, со спокойными людьми, которые не сводили глаз с его лица.

Артур не слишком понял, зачем нужны картинки, и какие показания с него снимают машины, но цель вопросов была ему в общих чертах ясна. Однако сейчас он задумался над тем, что произошло еще до тестирования в комнате без окон.

Артура, Флинна и нескольких других новичков третьекурсник в горчичном балахоне завел в раздевалку и раздал им листочки бумаги с карандашными записями.

- всю одежду из этих шкафов нужно переместить, - объяснил студент, - в соответствии с номерами на ваших записках. Например, если на листке написано "23-51", то вы должны перенести всю одежду из шкафчика с номером двадцать три в пятьдесят первый шкафчик. Карточки с фамилиями, приколотые

к шкафчикам, тоже надо перенести с одного на другой. Когда я вернусь, все должно быть сделано.

На листке бумаги, который получил Артур, было пять строк цифр, в каждой строке по три пары номеров. Всего пятнадцать перемещений. Однако, когда он прочел записку внимательно, то обнаружил, что некоторые номера встречаются по нескольку раз. Как оказалось, речь шла только о пяти шкафчиках. Вот первая строка, например. Он должен был перенести вещи из шкафчика номер шестьдесят в шкафчик номер пятнадцать, а из пятнадцатого - в двадцать восьмой. Но согласно следующей строке нужно было перенести в пятнадцатый одежду из сорок четвертого, пустив насмарку всю предыдущую работу. На первый взгляд, Флинн был прав. Какой в этом смысл?

Артур оторвался от бумажки и посмотрел вокруг. Одни новички были заняты лихорадочной деятельностью. Они опустошали шкафы и тащили охапки одежды через всю комнату. А другие, подобно самому Артуру, изучали списки номеров...

Артур в задумчивости побарабанил пальцами по крышке стола, почти не слушая преподавателя. Конечно, это был тест! Но вот кто из них его прошел? Те, кто буквально последовал инструкциям, даже если это означало, что придется проделать уйму напрасной работы? Или те, кто поступил как Флинн?..

(Флинн подошел к Артуру с карточкой, на которой была написана фамилия.

- Просто перенеси карточки, - прошептал он Артуру. - Один из наших мне показал - здесь во всех шкафчиках одинаковая одежда! Как они смогут отличить?)

...Или те, кто поступил, как он сам? Артур проследил каждый номер по всему списку, и сделал пять перемещений вместо пятнадцати.

До сих пор ему как-то не приходило в голову, что колледж может отвергнуть его. Что они могут сделать из него "дворника или что-нибудь еще", как сказал Флинн. "Да я лучше умру!" - подумал Артур, и удивился, почему от старого оборота речи, дословное значение которого давно уже стерлось, у него по спине пробежал неприятный холодок.

Шелест пластика предупредил Артура, и он перевернул две страницы. Мгновением позже гудение часов вдруг прекратилось. Артур встрепенулся и начал читать вслух с открытой страницы, присоединившись к хору голосов.

В паузе между абзацами, случайно подняв взгляд, Артур увидел, что с преподавателем произошло удивительное превращение. Он даже не переменил позы - и все-таки весь его облик стал другим. Сломалась четкая линия плеч, взгляд обрел чрезмерную жесткость, в уголках рта появилась едва заметная неприятная улыбочка. Перемены, которые произошли с преподавателем, были почти неуловимы, на них нельзя было указать пальцем и воскликнуть: "вот где главная разница!" Но теперь при виде его каждый мог поклясться, что этот человек подвержен буйным приступам плохого настроения и ему приходится общаться со своим ангелом-хранителем по нескольку раз на день.

Аудитория монотонно твердила вслух свой урок. Примерно через минуту Артур услышал, как открывается дверь, и, вытянув шею, разглядел, что в проходе между рядами появились двое. Одним из вошедших был Лодермилк. Второй, высокий, смуглокожий и темноволосый незнакомец, был до подбородка закутан в дорожный плащ. Они некоторое время молча оглядывали аудиторию, затем повернулись и вышли. Дверь за ними закрылась. Часы загудели.

Через пару минут, без всякого предупреждения, Лодермилк и незнакомец появились вновь. Часы продолжали гудеть. Преподаватель продолжал лекцию, не обратив на вошедших никакого внимания. Они стояли в проходе, смотрели и слушали, пока преподаватель не сказал "Лекция окончена", и студенты не стали двигаться к выходу. Проходя мимо, Артур услышал, как незнакомец что-то воскликнул высоким голосом. Его слова прозвучали примерно так: "Meerrum est!"

И что все это значило?!

К концу дня Артур сгорал от нетерпения обсудить с Флинном тысячу всевозможных проблем. Парень из Северна не был идеальным источником информации, но другого у Артура под рукой не было. Флинн прожил всю жизнь среди иммунных, впитывая знания о них легко и естественно, как губка.

Но когда Артур вернулся в комнату номер двенадцать, Флинна там не было. Не было в комнате и его вещей. Вообще никаких свидетельств того, что такой человек существовал.

Была уже поздняя ночь, а Френсис Лодермилк все еще не спал. Он полулежал на постели с древней печатной книгой в руках, подложив под свою старую спину три подушки.

Лодермилк поднял голову от книги, бережно закрыл ее и отложил в сторону. Он взял со столика толстую тетрадь в переплете, которая казалась почти такой же древней, как и книга. Страницы стали серыми от времени, а переплет залоснился. Лодермилк открыл тетрадь и прочел последнюю запись, сделанную шифром, который стал для него таким же привычным, как английский текст. Он потянулся за ручкой, и стал писать стремительным и четким почерком.

10413. Г. передал мне несколько страниц из старой книги, спасенных из руин публичной библиотеки в Регине. Я люблю читать отрывки из старых книг, хотя иногда это доставляет мне невыносимое огорчение. Так многое из мировой литературы для нас потеряно, что каждый отрывок бесценен! Это бумажные страницы с печатным текстом, обгоревшие по краям. Г. считает, что книга была издана около 1940 года по старому летоисчислению. Но по внутренним ссылкам в тексте я сужу, что первое издание должно было выйти гораздо раньше. Левые страницы сверху помечены "Записная книжка революционера", правые - "Человек и сверхчеловек". Г. не нашел ссылок на эти названия в библиографии, которой мы располагаем. Текст состоит из кратких высказываний и афоризмов, объединенных под такими заголовками, как "Демократия", "Империализм", "Образование". Эти страницы будут настоящим потрясением для Р. и О., которые считают, что мы - первые из людей, здраво рассуждающие о политике. Одни изречения непонятны, другие кажутся пустой игрой слов, но некоторые - это просто жемчужины! Как, например, вот это высказывание из раздела "Демократия": "Все проблемы с правительством решаются очень просто. Надо лишь изобрести достоверный антропометрический метод". Или вот еще, из "Образования": "Наилучшее воспитание получают дети, которые видят родителей такими, какие они есть. Лицемерие для воспитующего не есть добродетель". "Тот, кто подгоняет характер ребенка под шаблон, совершает убийство". Какие мудрые слова! Если бы мы только знали имя автора...

10414. Во мне все крепнет убеждение, что мы должны решить целый комплекс сложных этических проблем, правила решения которых никогда и никем не определялись. И я с каждым годом все меньше склонен считать, что основная причина бедственного положения нашего общества - в воспитании. Я нахожу подтверждения этой мысли повсюду; под слоем патины неверия и догмы в основе всего лежит одна и та же истина. Человек есть животное, способное решать проблемы. Но по существу все проблемы сводятся к проблемам морали.

10415. Много перспективных студентов в этом году. Один из них устроил мне третий из наихудших переполохов в моей жизни. Б., рожденный приемной матерью-потребительницей. Надеюсь, это последний из наших затерянных детей. Юноша подает большие надежды. Мне в самом деле кажется, что наша нынешняя молодежь умнее, выносливее и лучше старших. Если я прав, мы должны подготовиться к тому, что через четыре года у нас будет необычно много выпускников. Сегодня днем выдержал совершенно изматывающую беседу с М. по этому поводу. Как я ненавижу лгать! Это поднимает со дна моей души самое худшее, что там есть. Разумеется, он проглотил мою сказочку о тайном острове, куда мы отправляем тех студентов, которые не выдержали испытания. Если я правильно понимаю, для М. сошла бы любая байка. Итальянские иммунные, судя по всему, представляют собой наихудшую разновидность

оголтелых патриотов и сторонников крайних мер. Если они выживут, то начнут истреблять своих соотечественников, пока не захватят власть - слишком поздно, с ненужной жестокостью и с неверными целями. Заметка: немедленно организовать курс латыни для перспективных студентов средиземноморского происхождения! Как чудовищно болен наш мир, и как трудно его вылечить... Психопаты, демагоги, недоумки, фанатики разных мастей. Я всегда повторял, что истинный лик вселенной видишь только тогда, когда смотришь на нее краем глаза. Мир слышал призывы убить неверного, еврея, коммуниста, негра, фашиста, белого, роялиста... Но никто не предлагал убить идиота или маньяка, прежде чем он успел наплодить детей. Мне вспоминается одна из максим Публия Сируса: "Цель оправдывает средства". Да, но только не в том случае, когда цель глупа или безумна, а средства чудовищно несоответствующи. А до сих пор они бывали только такими. Я бы хотел поговорить с этим человеком, который умер задолго до моего рождения, и сказать ему правду. "Может ли общество располагать здравым рассудком и мудростью, если его члены лишены и того, и другого?" - спросил бы я его. - "Нас больше занимает селекция овощей, чем селекция человека. Так, может, мы заслуживаем того, что получили?"

11. КАКАЯ ГАДОСТЬ ВАС ВИДЕТЬ!

Расписание занятий Артура на понедельник гласило:

9:00 Священная физика	I Физика	I (ПП)
10:00 Торговая философия	I Мнемоника	(ПП)
11:00 Физкультура	Физкультура	
13:00 Торговая история	I Современная история I	
14:00 Священная математика	I Алгебра	I
15:00 Психология потребителя	I Психология	I

Правой половины расписания в письменном виде не существовало, ее нужно было помнить. Зато левая половина существовала исключительно на бумаге. Артур должен был вызубрить на память все материалы официального курса в свободное время, и при необходимости уметь прочитать их наизусть. (Спасибо Бесконечности за мнемонику!)

Лекции по физике и мнемонике проходили подпольно. Артур уже знал, что в колледже работает и учится по крайней мере вдвое больше людей, чем значилось официально. Практически все по-настоящему важные события жизни колледжа происходили в потайных подземных помещениях со звукоизолирующими стенами. Все занятия, которые требовали нестандартного оборудования, обозначались "ПП". Подпольно проводились и те занятия, которые делали невозможными для открытого проведения опотровские ограничения для женщин, как то - упражнения в наготe (среда), святотатство I (четверг) и сексуальная гигиена (пятница).

Сотни студентов жили тоже под землей, в подземных спальнях и "пещерах". Тайная часть колледжа располагала собственной электростанцией, системой воздухообеспечения, складами, гимнастическими залами, офисами и комнатами для отдыха. Наверху всегда находилось достаточно людей, чтобы заполнять аудитории и создавать видимость стандартного учебного заведения Опотра. Однако настоящий колледж был все-таки внизу, под землей.

После обеда в четвертый понедельник своего пребывания в колледже Артур торопливо пересек двор, вошел в спальный корпус и через потайную дверь спустился по лестнице вниз. Теоретически сейчас было его свободное время - до отбоя, когда погаснет свет и голоса в наушниках станут накачивать информацией его спящий мозг. Практически, как обнаружил Артур, его "свободное" время было занято и расписано до последней минутки.

Под землей все было иначе. Несообразно строгая дисциплина для первокурсников соблюдалась совсем не так дотошно. Старшекурсники были

внизу просто студентами, и можно было обращаться к ним по именам. Даже с преподавателями нужно было себя вести вежливо, но и только, без малейшего подобострастия. Отличалось все - кроме системы взысканий.

Теперь, когда мебель старшекурсников была перетащена три раза подряд, заработанные наверху взыскания следовало отрабатывать под землей. Существовали взыскания за неряшливую комнату и за неряшливую мысль. Время, которое ты тратил на мытье полов и уход за механизмами, не могло быть использовано на подготовку к завтрашним занятиям. А если ты оказывался плохо готов к занятиям, это влекло за собой очередные взыскания.

Артур обратил внимание, что новички, которые попались в этот порочный круг, очень быстро куда-то исчезали. Он не позволял себе над этим задумываться, но когда все-таки задумывался, ему почему-то становилось страшно. Так что Артур не давал себе ни минутки отдыха. Он все время что-то делал, куда-то спешил.

У входа в библиотеку он разминулся с Родом Кимброу, беседующим с хорошенькой второкурсницей. Кимброу стал его соседом по комнате вместо исчезнувшего Флинна. Как и Флинн, он происходил из семьи иммунных, принадлежащих к классу администраторов. На этом сходство заканчивалось. Флинн, если бы он продержался до сих пор, несомненно оказался бы одним из худших студентов курса. Кимброу был одним из лучших, на несколько порядков лучше Артура.

Он мимоходом глянул на Артура и приветственно взмахнул рукой.

- Увидимся в клубе?

Артур кивнул и продолжал свой путь, перебирая в уме все, что ему надлежало еще сделать сегодня. Подготовиться к утреннему занятию по биологии, тема - тиксотропия. Лабораторная по физике - фотографирование напряжений. Выучить по одной главе из учебников истории, древней литературы и психологии. Отработка взысканий, два часа мытья коридоров... или что там еще приберег для него распорядитель работ. Вполне возможно, что сегодня будет учебная тревога. А, может, и пронесет. И еще клуб.

Посещение общественных клубов было совершенно добровольным. Собственно говоря, стать членом клуба было не так-то просто. Но один час безупречного поведения в клубе заменял трехчасовую отработку взысканий. Новички могли вступать в шесть из существующих клубов: опотровский, еторговский, консиндский, икс-один, икс-два и икс-три. Кимброу состоял во всех шести, и, начиная со второй недели своего пребывания в колледже, ни одного часа не драил коридоры.

Артур хорошо справлялся в опотровском клубе, чуть похуже - в еторговском, и терпимо в консиндском. Но этого было мало. За ошибки в клубе тоже назначались взыскания, и он никак не мог выйти на нули. Артур подал заявление в икс-один и сдал экзамен. Сегодня его ждал первый вечер в этом клубе.

Артур нырнул в комнатушку, которую они в этом месяце делили в Кимброу. Он принял душ, натянул чистый джемпер, причесался, бросил взгляд на часы и побежал дальше.

Клуб икс-один проводил заседания в нескольких смежных комнатах в конце коридора L. Артур нашел в раздевалке шкафчик, на котором была карточка с его фамилией, и переоделся в обтягивающие синие рейтузы и прилегающую тунику с пышными рукавами. Поверх он накинул грязную, драную дерюгу, которая свисала до щиколоток, закрывая и рейтузы, и тунику. Часы, бумажник и другие причиндалы Артур распахнул по карманам. Он перебрал в уме все пункты инструкции, чтобы удостовериться, что все сделал правильно, сгорбил плечи и открыл дверь.

Хозяйка клуба, девушка крепкого телосложения в апельсиновом парике, двинулась навстречу, чтобы приветствовать Артура.

- Какая гадость вас видеть! - воскликнула она, и плюнула ему под ноги.

Артур вздохнул с облегчением. Такое приветствие означало, что сегодня - обычный вечер, и церемонии будут попроще. Он произвел ответный плевок, и хозяйка, зажав пальцами нос, повела его на середину просторной комнаты.

Члены клуба светски рыгали, когда они проходили мимо.

- Сопля, - представила хозяйка Артура. Это будет его именем до конца вечера. - Никчемный человек, и может в любой момент помереть. Не обращайтесь на него ни малейшего внимания. Сопля, вот сэр Грязища, избегайте его... (серьезный второкурсник огромного роста, которого Артур встречал наверху) ...леди Неряха... (высокая брюнетка) ...сэр Жабья морда... сэр Болячка... леди Гниль... патер Гнойник... сквайр Вонючка... мисс Выгребная яма и ее матушка мадам Грязный зад...

Каждый раз, когда ему кого-то представляли, Артур кашлял или отхаркивался, как того требовали правила этикета. Наконец его усадили рядом с двумя второкурсницами в апельсиновых париках, которых звали леди Плесень и мадам Понос. Кимброу на противоположной стороне комнаты беседовал с той же самой девушкой, с которой Артур его видел в коридоре.

- Я слыхала, ваше здоровье все ухудшается? - вежливо поинтересовалась мадам Понос.

- Могу умереть прямо сегодня, - симпровизировал Артур. - Я даже не хотел приходить сюда...

- Ах ты здоровый поросенок! - возмутилась мадам Понос и бросила в Артура оранжевый кружок, который приклеился к его дерюге. Это означало одно взыскание. - Попробуй еще раз.

Артур слишком поздно понял, что его ответ был неприлично хвастливым. Правила вежливости допускают говорить такие вещи только о других.

- Ээ... мое здоровье ничуть не изменилось. - Артуру показалось, что леди Плесень тоже потянулась за оранжевым кружком, и он торопливо добавил:

- С вашей стороны просто отвратительно об этом спрашивать.

Леди Плесень расслабилась.

- А как ваша семья? Кто-нибудь еще держится на ногах?

Интересно, что надо говорить о родственниках? Какой из ответов будет хвастовством? Нужный раздел правил поведения упрямо не желал вспоминаться.

- У дяди хандра, а у сестры выпали все зубы. В остальном все прекрасно.

Шлеп! Еще один оранжевый знак. Два взыскания - а за час, проведенный в клубе, с Артура снималось всего пять.

- То есть я хотел сказать, что мы все сравнительно здоровы...

После этого у Артура стало получаться лучше.

- Чем вы занимаетесь, Сопля?

Ответ на этот вопрос был приведен в инструкции в качестве примера, и Артур знал его наизусть.

- Играю в теннис, езжу верхом, хожу на танцы.

Девушки вежливо захрюкали.

- Неужели вы никогда не отдыхаете?

- Конечно, отдыхаю. Десять часов в день. Я чищу канализацию.

- Ка-акая прелесть!

Артур прошел через вступительную беседу, не заработав больше ни одного взыскания, и теперь мог свободно слушать, как леди Плесень, мадам Понос, сэр Раскоряка и сквайр Вонючка ведут беседу. Разговор был ему на три четверти непонятен. В нем упоминалось множество вещей и мест, о которых в инструкции и речи не было. Беседующие вежливо обращались к Артуру время от времени, но, как правило, он должен был только сказать "Да, разумеется", или кашлянуть, или рыгнуть.

Потом хозяйка клуба и ее помощники, церемонно бранясь, обнесли присутствующих угощением. Крошечное хрупкое печенье было покрыто черной глазурью, чтобы выглядеть сгоревшим. Прохладительный напиток в высоких стаканах имел превосходный вкус, но с виду был похож на зеленовато-черные помои с омерзительной грязной пеной. Артур ел и пил вместе со всеми, вежливо стелая и плюясь. Потом тарелки были разбиты, а члены клуба расселись по-другому и продолжали светские беседы. Откуда-то возник Кимброу и сел рядом с Артуром.

- Который час, Сопля?

Артур и сам хотел бы знать, который час. Он машинально бросил взгляд

на часы на стене, но они были занавешены. Гудение часов можно было слышать и через ткань, а вот циферблата видно не было. Артур вспомнил, что у него есть часы в кармане, и вынул их.

- Семнадцать двадцать.

Он убрал часы в карман, и тут прикусил губу, потому что вспомнил. Поздно! "...любую личную собственность, которая была продемонстрирована при всех, надлежит уничтожить или изуродовать". Хозяйка и ее заместители наблюдали за всем, что происходит. Артур и моргнуть не успел, а в него уже летел очередной оранжевый кружок. Шлеп!

Артур яростно выхватил часы, бросил на пол и принялся прыгать на них, приговаривая: "Грязные часы! Дрянные часы! Вонючие часы! Дебильные часы!", пока тонкая скорлупка не треснула, стекло не вывалилось наружу, и весь механизм не превратился в бесформенную лепешку. Кимброу тем временем ушел. Артур проводил его мрачным взглядом, но тот только ухмыльнулся, прикрывая рот ладонью.

Ну не везло Артуру сегодня вечером. Позже, когда патер Гнойник завел молитву ("Благодарим Тебя, о Наинижайший, за все Твои проклятия. Не отвращай от нас Твой злобный взор. Пусть Твоя чернота окутает наши следы..."), Артур случайно заметил, как Кимброу вместе со своей девушкой выбирается из комнаты. Незамеченные бдительной хозяйкой, они скрылись в одной из потайных комнат. Артур ощутил такую ревность, что позабыл думать обо всем, и рассеянно рыгнул в тот момент, когда все остальные плевали. Шлеп! Еще одно взыскание.

Он покинул клуб с четырьмя оранжевыми кружками на дерюге. Четыре взыскания из пяти. Это означало, что он потратил час, чтобы освободиться от отработки на тридцать шесть минут.

Не так плохо для начала. Могло быть хуже. Но почему у Кимброу всегда все выходит лучше?

- Мой дорогой Френсис! - экспансивно воскликнул Мильоциус, беря обе руки Лодермилка в свои. - Я так счастлив вашему возвращению! Была ли поездка трудной? Вы выглядите усталым. Давайте присядем.

- О нет, нет, - запротестовал Лодермилк. - Это большая любезность с вашей стороны. Я ничуть не устал. Я был в отчаянии, что приходится покинуть вас, Эзиус. Но вы же понимаете, что моя поездка была вызвана соображениями чрезвычайной необходимости.

- Ну конечно же! Я все прекрасно понимаю, вам нет нужды извиняться. Вы крайне добры ко мне. Ваш сотрудник мистер Хови прекрасно помогал мне в ваше отсутствие.

Лодермилк нахмурился.

- Хови? Мой дорогой Эзиус, неужели декан Флинт не показал вам колледж?

- О нет. Декан объяснил мне, что он необычайно занят в этом месяце. Однако мистер Хови - очень обаятельный молодой человек.

- Да, я его знаю. Но он даже не сотрудник колледжа, он студент. Признаться, я очень недоволен, Эзиус. Я определенно распорядился, чтобы в мое отсутствие о вас заботился декан Флинт.

У Мильоциуса был покаянный вид.

- О, Френсис, я вас умоляю. Разумеется, в своих внутренних делах вы должны поступать, как считаете должным. Но я никоим образом не желаю, чтобы из-за меня у декана Флинта были неприятности.

- Да, да, Эзиус. Хорошо, оставим эту тему. Как бы то ни было, я считаю, что вы были весьма терпеливы, удовлетворившись в качестве гида мистером Хови. Должно быть, у вас осталось много вопросов, на которые он не смог ответить?

- Да! - воскликнул Мильоциус, моментально забыв мистера Хови. - Есть одна вещь, которая в высшей степени интересует меня, Френсис. Я пребываю в полном недоумении. Вот уже месяц, как я знакомлюсь с вашим колледжем, и до сих пор не понял, чему вы учите студентов?

- Чему мы их учим? - переспросил Лодермилк, наморщив лоб.

- Какой философии? Другими словами - во что вы верите?

Лодермилк досадливо поцокал языком.

- Хотя вы и просите меня не принимать такие вопросы близко к сердцу,

Эзиус, это становится все хуже и хуже. Разве Хови не водил вас на философские семинары?

Мильоцциус невольно скривился.

- Да, водил. Семинары, дискуссионные группы... Болтовня за чаем.

Каждый говорит что-то свое, и зачастую совершеннейшую дичь. Не понимаю, почему вы разрешаете... - Он оборвал себя на полуслове. - Впрочем, прошу меня простить - вероятно, я не понял... Как?! Неужели вы хотите сказать, что это все?!

Лодермилк утвердительно кивнул.

- Но все же, - сказал Мильоцциус, - должна быть какая-то центральная точка зрения, официальная доктрина...

- Нет-нет, - быстро сказал Лодермилк. - Теперь я понял, куда вы клоните. Боюсь, что вы сочтете наши взгляды очень примитивными, и все же... В мире существует так много различных взглядов, так много теорий человеческого поведения, что мы никогда не считали себя вправе решить, что одна из них верна, а остальные лгут. Возможно, одна из тех теорий, которые нам известны, соответствует действительности. Пока мы не уверены, было бы серьезной ошибкой отсечь...

- Очень хорошо, очень благоразумно, - пробормотал Мильоцциус. - И все же поддерживать этого профессора Бамбургера с его...

- Говорю вам по секрету, - честно сказал Лодермилк, - тут я с вами согласен. Но теперь вы видите, какая проблема перед нами стоит. Когда появится та самая, единственно верная система, все остальные исчезнут под ее натиском. Но до тех пор мы должны предоставить равные возможности всем точкам зрения... Кстати сказать, Эзиус, я не вправе настаивать - но, возможно, итальянские иммунные располагают какими-то теориями, которые не представлены в нашем колледже...

- О да, разумеется, - сказал Мильоцциус с некоторым сомнением. - Я не упоминал об этом до сих пор - уверяю вас! - только потому, что это казалось мне неуместным. Я полагал, что вам может не понравиться...

- Я вас понимаю. Нам всем приходится быть осторожными. Но я хотел спросить, Эзиус, не могли бы вы провести для наших студентов небольшой семинар? Или несколько неформальных собраний?

- И вы мне позволите?!

- Дорогой мой Эзиус, вы окажете нам честь! Кто знает, возможно, ваша система и есть та самая единственно верная, которую мы ищем.

Лицо Мильоцциуса стало серьезным.

- Так оно и есть, - торжественно произнес он.

10441. Давно хочу осуществить один дерзкий эксперимент, вот только храбрости не хватает. Я хотел бы, когда в следующий раз поеду официальным представителем на Летнюю ярмарку или другое столь же серьезное мероприятие, подняться на помост и на виду у всех потребителей показать язык Торговой марке. Я почти убежден, что никто из них не поверит собственным глазам. А если кто-то и поверит, то остальные решат, что он - демон. Он, а не я. О забавнейший из человеческих талантов: умение обманывать самого себя! (И как долго и трудно нужно напрягать ум, чтобы научиться видеть вещи такими, какие они есть). Я думаю, что невозможно лишить человека свойства обманываться, не уничтожив при этом соседнего таланта - творческого воображения. Человек гораздо яростнее борется за нечто невиданное, неслыханное, неосязаемое и вовсе абсурдное, чем за видимое, слышимое, осязаемое и имеющее конкретный смысл. Человеку всегда хочется подарить молодому поколению Нечто, во что можно верить. Что угодно. Хотя что-нибудь. Вот только подарок этот - наживка, под которой неизменно скрывается крючок.

10442. По-прежнему нет подтверждения слухам о незаконном использовании аналоговых машин. А слухи странно устойчивы. Нельзя отмахиваться от них, принимая за фантазии о желаемом. Но я спрашиваю себя: как просочился самый первый слух, если он соответствует действительности? Нужно проследить все ниточки, ведущие ко всем случаям "одержимости" в высших классах за последний год.

10443. Никак не соберусь с духом, чтобы это записать. Наконец стало понятным отсутствие А.С. Мы серьезно опасались, что она была схвачена еторговской охраной во время моего последнего визита в Дариен. Вчера рано утром ее тело было найдено в обломках коптера в Уолтхемском заповеднике к северу от Бетлехема. Судя по всему, она пыталась добраться до Гринфилда. Разумеется, мы не могли потребовать ее тело. Г. ужасно подавлен. Держится неестественно спокойно. Меня очень волнует его состояние.

10444. Сегодня М. три часа объяснял мне доктрину итальянских иммунных. Теперь у меня проблема с тем, чтобы заставить его говорить о чем-то другом. По-моему, его подозрения по поводу нас окончательно развеялись. Общество, у которого нет собственной официальной идеологии, и которое добродушно позволяет кому угодно излагать свою, не может быть опасным. Как неудачно все обернулось в Италии! У итальянских иммунных был шанс пойти по нашему пути, но тут некстати объявился этот их пророк Фабрициус - и теперь они все натуралисты. Поворотные пункты, когда общество может избрать другой путь развития, так редки и ценны... Неудивительно, что до сих пор в мире не существовало рационального общества. Будет настоящим чудом, если нам удастся такое общество создать!

Философия итальянских иммунных совершенно типична, и представляется мне очень опасной. Христианство: все люди равны, потому что бог создал их равными. Коммунизм: все люди равны, потому что они одинаково трудятся на благо общества. Натурализм: все люди равны, потому что они все - части единого функционального организма. По спирали вокруг истины - всегда в виду истины, и всегда на некотором расстоянии от нее. Очень легко бросить первый камень, почти невозможно остановить лавину. В стране кривых зрячий должен щуриться... М. начинает лекции по своей доктрине завтра. Он наверняка надеется, что к тому времени, как он уедет, у него будет один-два человека обращенных. Увы! Думаю, что его надежды оправдаются.

Кимброу стоял перед зеркалом и втирал депилирующий крем в синеватую щетину на щеках. В свои восемнадцать лет ему приходилось проделывать это дважды в день, утром и вечером. Артур сидел с открытой книгой на коленях, и наблюдал за товарищем по комнате. Он пребывал в состоянии легкого недоумения, которое часто посещало его в последние дни. Артур завидовал Кимброу, и восхищался им. Но не испытывал к нему симпатии, что казалось невероятным. Кимброу любили все. А вот у Артура как-то не складывалось.

- На свидание идешь? - спросил Артур.

Кимброу обернулся, продолжая втирать крем в подбородок. Он был одет в светлый рабочий комбинезон - но на Артуре точно такой комбинезон всегда мялся и обвисал бессформенным мешком, а на Кимброу он сидел, как униформа, сшитая хорошим портным по фигуре.

- Нет, сегодня нет, - ухмыльнулся он. - А ты? Или ты до сих пор влюблен в мамочку Джонс?

Артур раздраженно передернул плечами. "Мамочка" Джонс была очаровательной женщиной лет сорока. Она входила в число тех преподавателей - обоего пола - которые вели неформальный практический курс, известный среди студентов под названием "Матрас I". Артур влюбился в нее, и был немедленно, безжалостно и эффективно излечен мамочкой Джонс от этой любви. Его уважение к ней только возросло, когда Артур осознал, что каждый год в нее влюбляется не меньше половины студентов.

- Я же рассказывал тебе про Салли... - начал он.

- Ах да, блондиночка-первокурсница. Я и забыл.

- ...но на этой неделе у нее десять часов отработки. У меня просто

нет шансов развить наши отношения.

Кимброу сел на кровать и зажег сигарету.

- А тебе не нужно ничего отрабатывать? Да, верно, ты ведь делаешь успехи в клубах. Тогда почему бы тебе не пойти со мной?

- Куда?

- В кружок Мильо. Он собирается каждый вечер в корпусе "Г".

- Философия за чаем?

Кимброу слегка нахмурился и кивнул.

- Нет, спасибо, - ответил Артур.

Кимброу был задет.

- Ты говоришь "нет", даже не спросив, зачем это все? Такой подход тебя ни к чему не приведет, Ридлер.

- Я уже побывал на двух таких кружках. У Вогта и Дарбдата. Мне даже чай не понравился.

- Не увиливай. Ты знаешь, о чем я говорю. Хорошо, тебе не понравились Вогт и Дарбдат. Почему?

- В основном потому, что они оба чересчур уверены в себе. А все постоянные члены их кружков на одно лицо. Что бы ты им не сказал, даже если ты процитировал одного из них кому-нибудь другому, они смотрят на тебя сверху вниз с сочувственной улыбкой и начинают нести какую-то чушь. Но не могут же оба, и Вогт и Дарбдат, быть правы!

Кимброу вздохнул.

- Что ж, инстинкты у тебя, во всяком случае, здоровые. Хотя в рассуждениях ты запутался. А теперь послушай. Ты когда-нибудь думал о том, что станет с тобой после окончания колледжа?

- Думал, - ответил Артур. - Все выпускники не могут стать дьяконами и докторами священных наук. Нас слишком много.

Кимброу фыркнул.

- Если ты будешь и дальше так лениво шевелить мозгами, тебе еще повезет, если попадешь в дьяконы! А кем бы ты хотел стать, если бы мог выбрать?

- Я хотел бы приносить пользу движению. Насколько я могу судить, дьяконы просто будут сидеть на местах, пока мы не победим...

- ...что может случиться еще через поколение, или через два. Отлично. Ты не безнадежен. Ты хочешь быть агентом.

- Кем-кем?

- Об этом я тебе и толкую. Иммунные тоже бывают разными. Одни просто сидят в своем углу и ждут. А другие делают всю работу. На их долю выпадает весь риск, но им же достаются и все приключения! Это и есть агенты. В моей семье их сейчас трое, так что я знаю, о чем говорю. Это единственное стоящее занятие в жизни, Ридлер! Но стать агентом не так-то просто. Нужно много работать. Как по-твоему, зачем нужны общественные клубы?

- Чтобы подготовить нас к работе в Еторге и Консинде, я полагаю. А вот для чего экспериментальные?

- К этому я и веду. А для чего философские кружки? Скажи мне вот что, Ридлер: кто управляет иммунными? И кто будет править континентом, если переворот произойдет при нашей жизни? Агенты! Ну вот, теперь ты сам можешь ответить на эти вопросы. Среди множества всех культурных и политических систем есть одна истинная, которую мы и примем за основу. Итак, кто будет нужен у власти, когда придет время воплощать эту программу? Люди, которые выберут ее по своей воле, Ридлер, и делом докажут свое умение действовать. Нужно, чтобы тебя отметили уже сейчас!

- Ты думаешь, что именно система Мильо верна? - спросил Артур спустя некоторое время.

Кимброу сильно затянулся сигаретой и отбросил окурочек.

- Я не думаю. Я знаю, - сказал он.

10462. Вскоре после того, как я вернулся в колледж сегодня утром, П. принес мне текст, написанный Ф.Ж., лучшим студентом его

политико-философского семинара. "Мы считаем следующие истины самоочевидными. Каждый человек уникален. Каждый имеет потребности, которые могут быть наилучшим или единственным образом удовлетворены только при наличии закона, и другие потребности, которые нельзя удовлетворить иначе, кроме как уничтожив закон. Закон существует для того, чтобы развивать первые и подавлять вторые. Создавая общества, управляемые законом, люди препятствуют действию естественного отбора и вынуждены, таким образом, практиковать искусственные ограничения, чтобы не выродиться и не исчезнуть. Существование сверхъестественных сущностей, абсолютных моральных принципов и "естественных" прав не доказано, и правительство, которое не может без них обойтись, нежизнеспособно". Прекрасно изложено. Даже слишком хорошо. Я обвинил П. в том, что он чересчур нагружает своих студентов. П. принял мой упрек наполовину всерьез и принялся яростно отрицать. Остальные рассуждения Ж. довольно туманны, но вот это начало - просто великолепно. П. просто счастлив. Он убедился, что я отметил аллюзию к американской Декларации Независимости, которую Ж., надо полагать, раскопал в архивах по собственной инициативе. Мы давно поклялись не возражать, если наши ученики придут к умозаключениям, отличным от наших собственных. Но все равно, когда такой студент, как Ж., проходит через эту стадию, это равносильно глобальному мировому кризису.

10463. Путем последовательной проверки и исключения вариантов мы убедились, что запрещенная аналоговая обработка в необходимых масштабах не может проводиться нигде на территории Опотра. Это оставляет нам для проверки еще пять миллионов квадратных миль: Консинд, Еторг, Каналм, Рейносуд, и, разумеется, нашу неразрешимую загадку, Белое пятно. В высшей степени прискорбно, что нам приходится тратить так много сил на угрозу, которая скорее всего окажется мнимой. Однако, если опасность реальна, мы - единственные, кто может ее предотвратить.

10464. Сегодня после обеда я снова грезил наяву. Утешение, которое я позволяю себе слишком часто. На этот раз я был в одном из их городов. Удивительное место, никогда еще не видел ничего подобного. Лет через сто пятьдесят-двести после нас, я полагаю. Меня самого уже давно похоронили и забыли, и трудный переходный период тоже позади. Мне там невероятно нравилось - пока я вдруг не понял, что вся красота у них функциональная, стерильная, психиатрически выверенная. Ни капли красоты интуитивной, выразительной, обращенной к чувствам... и я как-то сразу проникся убеждением, что мои пра-пра... и так далее внуки даже не поймут, чего мне здесь не хватает. У них и слов таких в словаре не будет. И это мне сразу все испортило.

Я не люблю часто размышлять на эту тему. Мне не по душе такое развитие событий, и все же оно неизбежно. Если мы победим, мы уничтожим культуру, а вместе с ней неизбежно уничтожим искусство. Искусство - продукт культуры, а культура есть злейший враг цивилизации. Культурный человек видит то, что его научили видеть, а внутри этих рамок - то, что ему хочется видеть. Цивилизованный человек видит то, на что смотрит, таким, какое оно есть.

10465. Задремал прямо сейчас и видел во сне Белое пятно. Неприятно. Белое пятно - это совершенно иррациональное место, крошечный участок территории к западу от Каскадных гор. Оно не сделало нам ничего плохого, если не считать того, что никто из попавших туда или даже пролетавших над ним, не вернулся обратно. Почему так происходит? Никто не знает. И, как нечто совершенно непонятное, Белое пятно ассоциируется со всеми страхами Незвестности. Глаза, сверкнувшие из тьмы. Ребенок прячет голову под подушку. Вспышка молнии.

10466. М. уезжает завтра. Он неохотно возвращается в Фабитал, оставляя здесь одного фальшивого обращенного, который будет продолжать вести дискуссионную группу, раз она оказалась плодотворной, - и пятерых настоящих. Когда я думаю о них, меня пронзает острое чувство горечи и вины. Против чувств такого рода нет лекарств - разве что перестать быть человеком.

Раскрасневшись после урока дзюдо, Артур довольно трусил в спальню. Все мышцы ныли, и он заранее предвкушал, как растянется на кровати. Инструктор задержал его сверхурочно. Подземные коридоры в это время были практически пусты. Каждая вторая лампа не горела. Полумрак был мягким, расслабляющим.

Артур добрался до перекрестка коридоров, и вдруг сообразил, что он уже в сотый раз пробегает мимо одного из тех немногих коридоров, по которому ему никогда не приходилось ходить. Артуру стало любопытно. Он остановился и посмотрел вглубь незнакомого коридора. Подземная часть колледжа была построена без какого-либо определенного плана. Коридоры ветвились и перекрещивались совершенно неожиданно. Артур знал, что многие периферийные коридоры тянутся на сотни ярдов без ветвлений и перекрестков.

Возможно, этот незнакомый коридор приведет Артура к цели так же быстро, как и прямой путь. А если нет... Что ж, дополнительная пробежка пойдет на пользу. Последние месяца два Артур стал быстро набирать вес, и его тренеры по физкультуре были весьма недовольны тем, как этот вес распределялся.

...Кроме того, это внесет небольшое разнообразие в ежедневную рутину. Прекрасное завершение удачного дня! Артур свернул и потрусил в новом направлении.

Коридор постепенно закруглялся, и столь же постепенно в нем становилось все темнее. В начале коридора горела каждая вторая лампа, затем - каждая третья, еще дальше - каждая четвертая. На мгновение Артур испугался, что уже гораздо позднее, чем ему казалось, и сейчас выключат свет. Но когда он оглянулся, то понял по более яркому свету за спиной, что коридор становится темнее в пространстве, а не во времени.

Наконец Артур добежал до такого участка, который освещала лишь каждая пятая лампа. Это было необычно. Он еще с таким не встречался. Артур перешел на шаг, обдумывая то, что увидел. Как раз в этот момент впереди снова показался ярко освещенный участок, а в нем мелькнули две фигуры.

Они на мгновение замерли рядом, а потом исчезли. Судя по всему, зашли в комнату. Одним из них был Кимброу. Его спутник был одет в черный балахон студента четвертого курса.

Артур замедлил шаг и остановился. Он прислонился к стене и нахмурился. Мог ли он ошибиться? Артур восстановил в памяти картинку. Она была яркой и четкой. Артур определенно видел в коридоре Кимброу. Но что, во имя здравого рассудка, делает Кимброу в дальнем коридоре перед самым отбоем?

С того места, куда он дошел, Артур уже ясно видел, что Кимброу и старшекурсник не свернули в другой коридор. На всем освещенном участке не было ни одного ответвления, а дверь была всего лишь одна. Сейчас она была закрыта, и невозможно было понять, что за ней находится. Однако в любом случае она не вела к спальням.

Артур перебирал в уме разные возможности, и ни одна из них ему не нравилась. Чем больше он тут стоял, тем больше рисковал получить нагоняй за отсутствие в спальне после отбоя. С другой стороны, если он будет проходить мимо двери как раз в тот момент, когда Кимброу и старшекурсник выйдут наружу, это тоже может повлечь за собой неприятности... Артур плохо себе представлял, какие неприятности могут его ждать в этом случае, и одно только это заставляло его медлить.

Что именно так тревожило его во всей этой ситуации?

Кимброу регулярно посещал философский кружок Мильо. В последнее время он перестал говорить о нем с Артуром, хотя...

Именно это уже давно заставляло Артура тревожиться по поводу Кимброу, хотя до сих пор он не осознавал своей тревоги. Вот в чем была суть проблемы. Почему Кимброу перестал рассказывать ему о натурализме? Потому что сам потерял к нему интерес? Нет. Из поведения Кимброу было ясно, что он увлекся этой доктриной еще сильнее. Потому что потерял надежду обратить в

свою веру Артура? Нет. Кимброу - не тот человек, чтобы оставить попытки убедить кого угодно в чем угодно. Более того, сосед по комнате лучше других подходил на роль морской свинки, на которой можно испытывать новые подходы и методы убеждения.

Потому что он участвовал в чем-то, что нужно было держать в тайне от Артура? И от всех студентов и преподавателей колледжа? Тайный заговор внутри тайной организации?

Артур прижался к погруженной во мрак стене. Впереди открылась дверь.

Из нее вышел один человек, и это был не Кимброу. Он замер на пороге, быстро глянул налево, потом направо, и быстрым шагом направился в сторону, противоположную той, где крылся Артур. Но Артур успел заметить на черном рукаве его балахона влажную красноватую полосу.

12. ТЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ

Каморка, в которой была заперта Анна Силвер, изначально представляла собой стеной шкаф. Так она до сих пор и выглядела. Стены были металлическими, выкрашенными краской. В каморке не было ни кровати, ни какой-либо другой мебели. Анна спала на полу - когда у нее получалось заснуть. Длина каморки почти позволяла вытянуться на полу во весь рост. Почти. В качестве физических упражнений Анна могла прогуливаться по своей тюрьме: три шага в длину, один в ширину.

Чтобы содержать в стенном шкафу Анну, его несколько переоборудовали. На двери появился замок, в углу - отхожая посудина, на потолке - слепящая лампа, которая не выключалась ни днем, ни ночью. Еще в двери было прорезано отверстие у самого пола, через которое Анна получала еду и воду.

В качестве одежды она располагала мужской нижней рубашкой, рваной и заскорузлой от грязи. Анна регулярно расчесывала волосы пальцами, но они все равно свалились неопрятными комками. Кожа на голове нестерпимо чесалась. Анна старалась не думать о том, как она выглядит. Она чувствовала себя невыносимо грязной. Тело покрылось плотной коркой грязи - Анна никогда такого не видела, и даже не представляла, что человека можно довести до такого состояния.

Хуже грязи было только одиночество. Было бы легче, если бы она могла говорить вслух сама с собой, но Анна была убеждена, что ее тюрьма снабжена "клопами". Она учитывала даже тот вариант, что здесь могут быть и потайные окошки, чтобы за ней подглядывать. Зная, как много может извлечь опытный агент из смены выражений на лице человека, Анна отказывала себе даже в роскоши задуматься над тем, что ожидает ее дальше.

И наяву, и в бредовом полусне под слепящим безжалостным светом, который никогда не гас, Анна заставляла свой мозг покачиваться на медленных океанских волнах бездумия. Когда не думать вообще не получалось, она вызывала в памяти старые, незначущие эпизоды из своего детства. Мысленно перебирала одну за другой бусинки давно потерянных бус или восстанавливала каждую черточку позабытого лица.

У нее ушло много времени на то, чтобы постигнуть искусство отстранения, искусство существовать одним только сознанием, в отрыве от тела. Сначала Анна мерила комнату шагами и ощупывала пальцами все неровности и стыки стен. Она решала в уме математические задачи, читала наизусть про себя тексты для потребителей, обрывки инструкций, фрагменты доаналоговой поэзии.

Много дней, даже после того, как она обнаружила, кто держит ее в плену, Анна надеялась на спасение... пока он не обронил, будто случайно, что организовал катастрофу коптера, в которой погибла девушка, одетая в ее одежду.

Если иммунные считали ее погибшей, это означало крах всех ее надежд на спасение. По-настоящему она существовала только для тайной организации иммунных. Девушка с именем "Анна Силвер" была не более чем набором

поддельных записей в архивах Опотра. А девочка, которая выросла в семье потребителей в одной из опотровских зон на Манхэттене, давно умерла и была забыта.

Забавно, думала Анна, сколь маленькая часть того, что человек считает своим "я", реальна и неизменна. Одежду могут отнять; лак с ногтей облезет; усталость и неудобства очень скоро докажут тебе, что тело - это лишь мучительное бремя; память о людях и местах, которые ты больше никогда не увидишь, постепенно выветрится. И что останется? Бесформенное, лишенное четких границ "я", пойманное между нигде и нигде.

Щелчок.

Анна напряглась всем телом. Она поднялась и села на полу лицом к двери. Она отдавала себе отчет, что, несмотря на все старания, реагирует именно так, как добивался ее тюремщик - ждет редких допросов, как праздника. Ибо любые события были лучше убийственной монотонности существования без событий.

Негромко клацнул замок. Дверь отворилась. За дверью, на безопасном расстоянии от Анны с оружием наготове и улыбкой на корявом лице стоял крошка Моррис.

Анне всегда нужно было несколько минут на то, чтобы глаза привыкли. Она нашла предназначенный для нее стул на ощупь. Комната тонула в зеленоватой колеблющейся тьме. Моррис отошел подальше, на противоположную сторону комнаты. Его голова казалась Анне мутным безглазым пятном, плавающим в море темноты. Ближе, по обе стороны от нее, поблескивали металлом пистолеты, стреляющие липкой опутывающей нитью. Они были нацелены на стул, намертво привинченный к полу. Анна знала по опыту, что, как только она сядет на стул, пистолеты будут автоматически стрелять в нее при попытке подняться с места до разрешения Морриса.

Она была не слишком удивлена, когда охранники, схватившие ее во двореде той ночью - сколько времени прошло с тех пор? - доставили ее к Моррису, а Моррис оставил ее у себя в качестве личной пленницы. Невозможная вещь для нормала...

Анна всегда чувствовала в Моррисе что-то такое... и говорила Хигсби о своих подозрениях, так что это ее не удивило. Но она испытала настоящее потрясение, когда узнала, чего Моррис хочет.

"Если даже он и иммунный, он - не наш, и никогда не станет одним из нас. Он на стороне Еторга". Хигсби был прав в том, что Моррис никак не подходит для их организации. Но вот насчет остального...

Моррис не был на стороне Еторга. Моррис был на стороне Морриса.

Анна расслабилась. Здесь, в темноте комнаты, она была еще большей пленницей, чем на безжалостном свету, но Анна не чувствовала стремления сопротивляться. Тепло, удобный стул и темнота убаюкивали ее.

- Сегодня, - сказал Моррис, - мы поговорим о том, что есть реальность.

Он придвинул массивное кресло поближе к пленнице. Теперь Анна отчетливо видела его лицо, театрально освещенное мягким золотистым светом. Свет падал на плечи Морриса, обрисовывая их контур. Стены комнаты терялись в зеленоватом мраке, а пол казался черной бездной.

Моррис продолжал:

- Вот например - ты уверена, что реально существуешь?

Анна поежилась. Вопрос выплыл из океана зеленоватой тьмы, как будто заданный призраком в ночном кошмаре.

- Определите, что есть "я", - слабым голосом отозвалась она.

Моррис сухо хихикнул. Глаза Анны наконец привыкли к темноте, и теперь она видела его целиком, небрежно развалившегося в кресле под золотистым светом. Правая рука, в которой Моррис по-прежнему держал пистолет, покоилась у него на колене.

- Это серьезный вопрос, я не пытаюсь тебя обмануть. Воспользуйся любым определением, какое тебе подходит. Ты веришь в собственную реальность? Ты существуешь?

- Да, - ответила Анна.

Она не могла понять, куда клонит Моррис.

- Откуда ты это знаешь?

- Я это ощущаю, - сказала она. - Если бы я не существовала, не было бы никакого "я", которое размышляет над своим существованием.

- Красиво сказано, - сардонически заметил Моррис. Он наклонился вперед, и его лицо оказалось в зеленоватой полутени. - А теперь скажи мне - существуют ли люди, которых в настоящий момент здесь нет? Например, Хигсби. Он реален?

Анна вздрогнула.

- Столь же реален, как и вы, - ответила она.

- Хорошо. Но ты видишь меня и слышишь мой голос, вот почему ты можешь утверждать, что я реален. Не так ли? Ты не видишь и не слышишь Хигсби прямо сейчас. Почему же ты говоришь, что он существует?

- Я его помню.

- И поэтому говоришь, что он существует.

- Да.

- А если я тебе скажу, что он умер?

Анна вцепилась пальцами в колени.

- Он умер?!

- Я оставлю тебя в неизвестности на этот счет, если будешь себя плохо вести... Но, видишь ли, на самом деле это не имеет значения. Ты только что была так уверена, что он существует, а мгновением позже поняла, что его может и не быть... Теперь сделаем следующий шаг. Когда ты видела и слышала Хигсби - если это действительно было - был ли он реален тогда?

- Да.

- Какая уверенность! Но разве в детстве ты никогда не видела и не слышала демона во плоти на празднике Ночи Всех Торгов? А потом ты узнала, что это всего лишь кукла из пластика и папье-маше с записью голоса, спрятанной внутри. Миллионы людей встречаются с ангелами-хранителями каждый раз, когда пытаются сделать что-нибудь неправильное. Люди говорят, что ангелы реальны, потому что видят и слышат их. Ты говоришь, что Хигсби реален, потому что ты видела и слышала его. И однако ты убеждена, что они ошибаются, а ты права. Почему?

Анна молчала. Моррис кивнул.

- Я знаю, ты не хочешь признаваться, что у тебя нет ангела-хранителя.

Но это тоже не имеет значения. Давай будем считать, что ты просто делаешь вид, что не веришь в реальность ангелов. Но ведь ты по-прежнему веришь в реальность Хигсби?

- Да.

- Хорошо. Почему?

Анна задумалась.

- Я просто знаю, когда что-то реально.

- В самом деле? А вот это - реально?

Моррис взмахнул рукой, и в лицо Анне полетел кипящий огненный шар. Анна подскочила от неожиданности, и быстро убрала голову.

Огненный шар пролетел над ее головой совершенно бесшумно. Анна не почувствовала ни жара, ни шевеления воздуха. Проследив глазами его траекторию, она увидела, как гаснет отблеск света в двух темных линзах на противоположных сторонах комнаты. Солиграфический проектор.

- Это не обманет меня во второй раз, - сказала она.

- Одного раза достаточно, - отрезал Моррис. - Ты только что убедилась, что можешь менять свое мнение о том, реальна ли некоторая вещь. Ты всегда это знала, но предпочла забыть, потому что так удобнее. Но я продемонстрировал это наглядно. А теперь ответь: возможно ли, что Гордон Хигсби - всего лишь фантом, иллюзия? Не чувствуешь ли ты в глубине душе, что все на свете иллюзорно, кроме тебя самой?

Одна, совсем одна - в каморке под ярким светом или здесь, в обволакивающей темноте...

- Возможно, - прошептала Анна.

- А готова ли ты умереть за Хигсби, если его не существует?

Анна прикрыла глаза.

- Я не понимаю, о чем вы говорите.

- Я объясню.

Анна знала, о чем пойдет речь. Она слышала это столько раз, что каждое слово отпечаталось у нее в мозгу.

- Ты состоишь в тайной организации людей, у которых нет ангелов-хранителей. Я убедился в этом, когда ты встретила с тем парнем, который перебрался через Стену. Хигсби, суды по всему, тоже в ней состоит. А, может, и кто-то еще из вашего штата. Но этого мало! Тебе известны сотни членов организации. И ты назовешь мне их имена.

Анна пошевелилась.

- Если бы такая организация существовала, - осторожно сказала она, - мне кажется, что вы бы захотели вступить в нее, а не уничтожить.

- Зачем?

- Вместе безопаснее.

Моррис фыркнул.

- Вместе куда опаснее! Каждый раз, когда вы принимаете нового члена, вы увеличиваете вероятность того, что кто-то из вас будет пойман и предан остальных. В конце концов вероятность становится неизбежностью. Приведи другую причину.

- Товарищество. Совместные достижения.

- О первом я вообще не хочу говорить, что же касается второго... Если ты полагаешь, что комитет способен добиться большего, чем способный одиночка, то ты видела очень мало комитетов.

От усталости у Анны кружилась голова. Или в воздухе был распылен какой-то наркотик?

- Моррис, - сказала она спустя некоторое время.

- Да, мисс Силвер?

- Чего вы добиваетесь? Я вас не понимаю. Я не вижу лица за вашей ледяной маской. Чего вы хотите?

- А я - я прекрасно понимаю вас, - мягко отозвался Моррис. - Вам нужно от жизни не так уж много. Вы просто хотите полностью реализовать свои таланты, а еще - получить свою пайку удовольствий от мира, который обходился с вами неласково. И я тоже хочу именно этого. Ничего больше.

Снова молчание.

- В чем ваш талант? - спросила Анна.

- Правильно, - кратко ответил Моррис.

Через минуту его голос зазвучал снова.

- Вы просто не знаете, каково это - быть единственным компетентным человеком в мире слабоумных идиотов, и постоянно сдерживать себя. Сдерживать... Я должен сказать вам, мисс Силвер, что меня родила жена администратора третьего ранга после ночи, проведенной во двореде. Мой отец, возможно, был потребителем. Меня классифицировали как администратора класса "С". После пятнадцати лет тяжких усилий я поднялся двумя рангами выше, и достиг предела своей карьеры. Номинально я должен выслушивать приказы от младшего сына акционера, который не сумеет даже ногти себе подстричь! Только чудо могло поднять меня еще выше. - Он глубоко вдохнул.

- Вы - мое чудо, мисс Силвер!

Моррис покинул кресло и сделал два шага к Анне.

- С таким делом, как твое, я могу обратиться через его голову непосредственно к самому председателю! Понимаешь? Я могу напугать этих придурков так, как они не пугались ни разу в своей жизни. Они дадут мне все, что я попрошу - а уж я сумею это удержать! Теперь понимаешь? Я стану тем человеком, который решает, кто нормальный, а кто демон. Как ты думаешь, сможет ли кто-то из моих обидчиков или тех, кто стоит у меня на пути, пройти тесты? Теперь ты наверняка понимаешь!

- Да, - выдохнула Анна.

Моррис сделал еще два шага вперед.

- Ты реальна, - сказал он. - У тебя есть твоя собственная жизнь, и больше ничего. Остальное - призраки и тьма. Назови мне имена. Я вознагражу

тебя. И защищу.

Анна подняла взгляд на Морриса, который стоял перед ней раскорячив ноги и вытянув вперед подбородок, как маленький, но очень хищный динозавр.

- Откуда вы это знаете? - спросила она. - А для вас я реальна?

Еще ближе.

- Очень реальна, - нежно прошептал Моррис. - Я так долго смотрел на вас и хотел вас, мисс Силвер. Подумайте. Назовите мне имена, и я сделаю вас королевой мира.

Еще ближе, совсем близко. Анна заглянула в его лицо, на котором лежали зеленоватые тени. Холодные глаза безжалостно наблюдали за ней. Моррис играл с ней день за днем, неделя за неделей, как кот с рыбкой. Он видел, как сопротивление Анны становилось все слабее. И наконец вот она - лежит на дне аквариума и покорно ждет его когтистую лапу.

- Если бы я могла вам поверить... - едва слышно пробормотала Анна.

Моррис сделал еще шаг. Он должен был отключить автоматические пистолеты, решила Анна, иначе бы он не подошел так близко к ней, где его могло задеть шальным выстрелом. Шагнет ли он еще ближе? Пожалуй, нет. Моррис слегка нахмурился. Да уж, дураком его не назовешь.

Комната поплыла у Анны перед глазами. Такой неверный свет... А ведь это - последний шанс. Если не выйдет, она вернется в стенной шкаф. Анна напрягла мускулы ног - медленно, чтобы Моррис не заметил. Сейчас! Она рванулась вперед.

Не успела. Пистолет Морриса выстрелил с громким хлопком сжатого воздуха, и длинные петли липкого вещества, застывающего на воздухе, взвились вверх, упали и опутали тело Анны от плеч до бедер.

Анна потеряла равновесие, споткнулась и рухнула на колени. Лишь жесточайшим усилием она удержалась от того, чтобы не растянуться на полу лицом вниз.

Моррис смотрел на нее сверху вниз, плотно сжав губы. Он с отвращением глянул на пистолет, который сжимал в руке, и швырнул его на пол. Липкие нити, протянувшиеся от ствола пистолета к телу Анны, легли на ковер и тотчас приклеились к нему, заякорив Анну еще надежнее.

Она никак не могла вернуть равновесие, и из всех сил старалась не упасть. Липкие нити лежали кольцами прямо перед ней. Клей, из которого они были сделаны, намертво прилипал к любой теплой поверхности. Его можно было резать ножом, однако было бессмысленно пытаться избавиться от него, пока он не затвердевал и не отпадал сам собой. Запутавшись в нитях клея, можно было оказаться в очень мучительном положении тела. Такое случилось неоднократно.

Моррис вернулся к креслу и открыл отделение для мелочей в подлокотнике. Он вернулся к Анне с большими ножницами и рулоном тонкой бумаги. Он бросил в Анну концом бумажной ленты и стал обходить ее по кругу, заворачивая в бумагу, чтобы закрыть липкие пути. Превратив Анну в бесформенный бумажный кокон, Моррис остановился и критическим взглядом окинул свою работу. Он протянул ногу и потыкал в бумагу носком сандалии, чтобы удостовериться, что клей не проступает наружу. Затем Моррис тщательно выбрал место, где стать, размахнулся и ударил Анну ногой в живот.

Анна согнулась вдвое, задыхаясь и мгновенно покрывшись потом. Она была спеленута, как мумия - коленопреклоненная мумия. Анна зашаталась. Липкие кольца на ковре перед ней Моррис бумагой не прикрыл. Если она упадет, то угодит в них лицом и волосами. Анна сражалась каждым мускулом за то, чтобы не упасть. И победила.

Некоторое время Моррис молча разглядывал ее. Анна не видела выражения его лица. Он был для нее размытой фигурой - как силуэты, на которые смотришь ночью сквозь залитое дождем окно.

Анна ждала. Моррис может ударить ее еще раз, и тогда она пропала. Второй раз она не сумеет удержаться. Но вместо этого он опустился рядом с ней на корточки и принялся орудовать тяжелыми ножницами, разрезая нити, которые крепили Анну к полу.

Струя холодного воздуха из баллончика охладила лезвия ножниц. Моррис перерезал одну прядь, снова охлаждал ножницы и перешел к следующей.

- Моррис... - прошептала Анна.

Ее зрение прояснилось. Она увидела, как он бросил на нее взгляд, но ничего не сказал и перерезал очередную нить.

Анна попыталась снова. У нее получался только хриплый, едва слышный шепот.

- Позже, - холодно сказал Моррис. - Сначала я хочу освободить вас от этого. Затем мы поговорим, мисс Силвер. Возможно, я приклею ваши волосы к стене, а колени - к локтям. Когда вы будете висеть на собственных волосах, наш разговор может сложиться удачнее. А, может быть, я приклею вас к полу и закреплю ваши веки, чтобы они оставались открытыми, и вы все время видели свет. Тогда наш разговор будет просто великолепным.

- Прошу вас, - хрипло прошептала Анна. - Я назову имена.

Моррис посмотрел на нее, прищурившись.

- Вот как? Тогда называйте.

- Джеймс Хан... ххх...

У нее пропал голос. С губ срывалось только неразборчивое шипение.

Моррис наклонился ближе.

- Ханниген? Джеймс Хан - что дальше?

Анна сделала еще одну попытку.

- Хан-нгххх...

- Так все-таки Ханниген?

Моррис глянул на ножницы, которые держал в руке. Увидел, что они нагрелись и прилипли к клейкой нити, и раздраженно отбросил их в сторону. Какой-то миг он колебался, но Анна была связанной, беззащитной и безоружной. Он придвинулся еще ближе, и наклонился к самому ее лицу, чтобы расслышать.

Но у нее оставалось одно оружие, о котором Моррис, цивилизованный человек, не подумал. Анна дернула головой с молниеносностью змеи, и впилась зубами ему в горло.

Она долго лежала рядом с телом Морриса, чувствуя странное оцепенение и полную неспособность пошевелиться. Потом она как-то сумела подняться, нашарила ножницы и баллончик с охлажденным воздухом, и начала долгую утомительную работу высвобождения.

Когда Анна обрезала все внешние нити, ее тело по-прежнему оставалось обмотанным клейкими нитями и закутанным поверх них в бумагу. С этим она пока ничего не могла поделать. Зато теперь она могла ходить и двигать руками.

Анна обыскала тело Морриса в поисках ключей и оружия, но ничего полезного не нашла. Однако она обратила внимание, что у Морриса в носу фильтры. Значит, в комнате был распылен наркотик - как она и подозревала вначале. Понятно, почему у нее кружилась голова, и откуда взялось это странное чувство отстраненности, как во сне. У нее в крови должно быть полно этой гадости.

Анна снова села, глядя на запрокинутое лицо Морриса. Он все выверил и рассчитал. Тройная западня - наркотик, убеждение, искушение. Так легко и приятно было бы рассказать ему все... Но она никогда бы этого не сделала.

Челюсть Морриса отвисла, показывая хорошие белые зубы. В его глазах, обращенных на Анну, застыло недоумение. Он словно спрашивал ее: "Почему?"

Логика волка-одиночки. Логика волка из стаи.

- Тебе не понять, - ответила Анна ему.

После долгой возни она обнаружила в подлокотнике кресла кнопку, которая прекратила подачу наркотика в воздух. И вторую, которая включила вентиляторы. Постепенно Анна стала чувствовать себя нормально. Яд выветрился из тела, и она вдруг осознала, что время не стоит на месте.

Время! Нельзя было терять ни минуты.

Первым делом нужно было выяснить, где она находится. Ее привезли сюда

без сознания. Это могла быть городская квартира Морриса, или...

Анна приоткрыла дверь и выглянула в щелочку. Соседняя комната выглядела типичной гостиной в апартаментах обычного администратора. Анна прислушалась, ничего не услышала и вышла в гостиную. Комната была без окон, темная и неприбранная. Анна пересекла ее, подошла к двери, которая показалась ей выходом из апартаментов, снова прислушалась - безрезультатно, - и перешла в одну из смежных маленьких комнат. Здесь было окно. Анна выставила прозрачность на кнопочной панели управления и выглянула в окно. Апартаменты находились на десятом этаже ничем не примечательного здания. Внизу громоздились ангары и склады, а дальше простирались засеянные злаками поля, теряющиеся в сумерках. Окраина города? Вид из окна был совершенно незнаком Анне.

Она снова пересекла гостиную и вошла в другую маленькую комнату. Если здесь не окажется окон...

Удача! В комнате было окно, и когда Анна установила прозрачность, то вид из него оказался ей прекрасно знаком. Она находилась в местной гостинице аэропорта, и перед ней расстилался аэропорт Дариена, над которым как раз заходил на посадку реактивный лайнер с юга. Дальше в синеве ранних сумерек золотом горели огни Дариена. Анна различила высокую башню Межобщественных палат, где находится Гордон Хигсби... Или его там уже нет?..

Анна быстро вернулась в комнату, где лежало тело Морриса, и потратила несколько минут на поиски коммуникатора, который был на ней, когда ее схватили. Бесполезно. Скорее всего, он вместе с остальными вещами Анны был на девушке, тело которой нашли в разбитом коптере.

Анна нашла шкаф с одеждой: сандалии; узкие брюки - ей пришлось распороть швы на боках, чтобы влезть в них; дорожный плащ и мягкая шляпа. Принадлежавший Моррису набор для макияжа лежал на кресле. Анна умылась над раковиной, напудрила и раскрасила лицо, а спутанную массу волос упрятала под шляпу. Она закуталась в дорожный плащ. Маскировка должна была сработать. Другого выхода все равно не было.

Коридор, куда выходила дверь апартаментов, был пуст. Анна спустилась по лестнице в вестибюль и небрежной походкой направилась к выходу на улицу. Она опустила голову, делая вид, что разыскивает что-то в сумке.

Не повезло. Выйдя из гостиницы, Анна прямо перед дверью наткнулась на молодого охранника. Он машинально уступил ей дорогу, и тут же удивленно поднял взгляд. Ноздри охранника шевельнулись, втягивая воздух, и он уставился на Анну во все глаза.

Анна быстро миновала охранника, чуть ускорив шаг. Какая глупость! Она так свыклась с вонью немытого тела, что совершенно позабыла о ней. Если бы вспомнила, могла бы воспользоваться духами Морриса. Если бы... Что, интересно, подумал охранник, учуяв столь странный запах?

- Минутку, сэр!

Она услышала позади его шаги. Анна еще прибавила ходу. Широкий тротуар вдоль фасада здания аэропорта был почти пуст. Некуда было ни спрятаться, ни свернуть.

- Эй, ты, в черном плаще! Стой!

На обочине в нескольких ярдах от нее стояло ярко-красное двухместное "яйцо" - металлический овоид, уравновешенный вертикально внутри единственного огромного колеса. Это была машина Охраны, быстрая и маневренная. Гироскопически сбалансированный корпус всегда оставался в вертикальном положении внутри движущегося колеса. Дверца кабины была открыта, изнутри свисала лестница. Анна бросилась к машине, на ходу развязывая плащ. Сзади послышался еще один окрик.

В тот самый миг, когда она добежала до машины, что-то вцепилось ей в плащ. Анна ждала этого. Если охранникам нужно было задержать бегущего, они стреляли по ногам липкими нитями. Плащ упал на тротуар, а Анна стремительно взлетела по лестнице в кабину, рухнула на сиденье водителя, одной рукой захлопнула дверь, а второй схватилась за руль.

Запуская колесо, она услышала позади пронзительный свисток охранника.

Яйцо пришло в движение резким рывком. Анна направила его в узкую улицу, которая должна была привести ее на главную автостраду.

Впереди, на расстоянии пары кварталов от нее, возникли две крошечные фигурки в красном. Они суетливо двигались, махая руками. Анна неслась прямо на них. Когда она была уже совсем близко, один из охранников выстрелил в стену дома напротив. Клейкие нити взметнулись в воздух и протянулись через дорогу. Он повернулся и припечатал пистолет к стене рядом с собой. Барьер поперек улицы был готов.

Долю секунды Анна колебалась, прикидывая, не удастся ли ей прорваться на большой скорости. Но клейкие нити - очень прочная штука. Анна развернула колесо.

С диким визгом резины по асфальту машина метнулась в сторону, подпрыгнула на месте, затряслась и рванулась в обратном направлении. Анна появилась на площади перед зданием аэропорта в тот самый момент, когда первый из охранников, по-прежнему безоружный - его пистолет валялся на тротуаре вместе с ее плащом, - бросился в узкую улицу, чтобы преградить ей проход. Она направила машину прямо на него. Охранник отпрыгнул в сторону. И тут Анна увидела, как медленно закрываются тяжелые ворота, перегораживающие два оставшихся пути из аэропорта в город.

Оставался единственный выход - прорываться через поля... над которыми описывал круги легкий коптер охраны, постепенно снижаясь...

В конце южной посадочной полосы все еще стоял опустевший реактивный лайнер, турбины которого не успели остыть. Анна раздумывала недолго. Она бросила машину к самолету, на предельной скорости срезая повороты. Она была уже совсем рядом с лайнером, когда из тоннеля, ведущего к подземной автостоянке, к ней устремились около дюжины машин Охраны - скоростные "яйца" и маневренные "паукоходы".

Взвыли сирены тревоги. Громкоговорители аэропорта выкрикивали оглушительные предупреждения. Анна включила турбины, развернула лайнер носом к северной взлетной полосе, набрала скорость и оторвалась от земли.

Основная неприятность с самолетом заключается в том, что существует очень немного мест, где можно его посадить. Анна сделала все, что могла. На лайнере были Межобщественные опознавательные знаки, и она при первой возможности повернула его на запад, на территорию Консинда, а потом на север, в Каналм. Это ей не слишком помогло. Первый перехватчик появился с северо-востока, когда она делала резкий разворот к западу над Озерами. Анна так и не смогла отделаться от него. Спустя сорок минут, когда она летела на юго-запад над центральными районами, со стороны Нэшвилла появился второй перехватчик. Ей снова пришлось сменить направление, и преследователи сократили разрыв.

Когда она подлетала к пустыне, с юга появился еще один перехватчик. Анна повернула на северо-запад. Три самолета постепенно настигали ее. Индикатор резервного топливного бака подползал к нулевой отметке.

Еще один самолет вдруг возник слева от Анны, зловеще мигая позиционными огнями. Тут же следующий вынырнул справа. Анна бросила лайнер в узкий коридор между ними, направляя нос самолета к земле. Она все еще надеялась совершить посадку на какой-нибудь ровной площадке в горах.

И только когда новый участок карты появился на ее приборной доске, Анна поняла, что они с ней делают.

Курсор на карте медленно полз к границе белого пятна, лежащего западнее Каскадных гор. Белый цвет на межобщественной карте означал, что территория не принадлежит ни одному из обществ. Это было то самое Белое пятно, откуда еще никто не возвращался. Тайна тайн. Загадка загадок. Место ссылки для одержимых и не вписавшихся в рамки всех обществ Северной Америки.

Курсор пересек черту.

Куда девались студенты, которые исчезали из колледжа? Артур больше не в силах был терпеть неизвестность. До сих пор ему удавалось оттеснять этот вопрос на задний план сознания. Но после случая с Кимброу он больше не мог так поступать.

Если это могло случиться с Кимброу, это могло случиться и с ним. Сидя в заднем ряду аудитории, Артур едва слушал, что говорит преподаватель. Он мысленно выстраивал известные ему факты. Их было немного. Дверь, за которой на глазах у Артура исчез Кимброу, была закрыта, когда Артур вернулся туда. И, хотя он дважды рисковал, приходя в тот коридор перед самым отбоем, ничего нового Артур не узнал.

Так что же все-таки происходило с такими студентами, как Флинн и Кимброу? Те, кто знают, не ответят на это вопрос. Те, кто не знают, научились не спрашивать. Бытовало неопределенное мнение, что некоторых студентов переводят в другие учебные заведения иммунных. Артур много раз слышал, как разные люди косвенно выражали это мнение.

Переводят в другие учебные заведения - не предупредив, не дав возможности попрощаться с друзьями? Н-ну... возможно. Достаточно правдоподобно, чтобы сойти за правду при общем молчаливом согласии не вдаваться в эту тему подробно. Но недостаточно правдоподобно для того, кто видел человека с кровавой полосой на рукаве, выходящего из тайной комнаты.

Артур сконцентрировался на этой ниточке, поскольку других у него не было. Мысленный образ человека в черном поистерся от того, что Артур слишком долго вызывал его в памяти. Но при помощи мнемонических методов, которые Артур освоил в этом семестре, он мог снова восстановить яркую картинку. Вот незнакомец вышел из комнаты, остановился - на лицо его падает тень, - посмотрел сначала влево, потом вправо и быстро зашагал по коридору. Артур никак не мог рассмотреть его лицо, потому что в тот момент он смотрел не на лицо, а на запачканный рукав. Единственным полезным моментом во всем воспоминании было мгновение, когда свет упал на спину незнакомца перед тем, как тот окончательно скрылся в тени. Восстанавливая его сейчас во всех подробностях, Артур увидел белокурую прядь волос и мощные, но необычно покатые плечи.

Он подумал, что сможет узнать этого человека, если увидит его под тем же углом. Артур уже перебрал всех знакомых ему светловолосых членов кружка Мильо, и теперь зашел в тупик. Он же не может разглядывать под разными ракурсами всех блондинов в колледже! Но должен же быть какой-то способ, потому что...

- Ридлер!

Артур подскочил от неожиданности и стал смирно. Рядом с лектором стоял высокий четверокурсник с оранжевой окантовкой на капюшоне. Он поманил Артура пальцем.

- Слушаюсь, сэр!

Артур торопливо сгреб свои тетради и заторопился по проходу вниз. Старшекурсник нетерпеливо нахмурил светлые брови.

- Для тебя есть задание, - сказал он коротко. - Пойдем.

На какой-то страшный миг Артур замер на месте, глядя вслед студенту, направляющемуся к двери. Светлые волосы, мощные покатые плечи...

Артур очнулся от столбняка и шагнул следом как раз вовремя, чтобы не возбудить подозрений. Студент в черном направился к ближайшему входу в подземную часть колледжа. Артур трусил вслед за ним, отставая на пару шагов.

Артур очень быстро решил, какими приемами дзюдо будет защищаться, и принялся обдумывать, как бы потом выбраться из колледжа, и где скрыться. Он полагал, что уже ничто не способно его удивить. Оказалось иначе. Артур был просто потрясен, когда светловолосый студент провел его мимо входа в подземелье к выходу на улицу, привел в здание администрации и оставил в приемной какого-то важного офиса.

- Жди здесь, - велел он, и исчез внутри.

Артур обалдело воззрелся на симпатичную молодую леди, которая сидела

за ортотайпером.

- Кто это был? - спросил он.

Секретарша подняла бровь.

- Мистер Хови, - ответила она. - Проктор архидепутата.

Казалось, прошло невероятно много времени, прежде чем Хови вышел из кабинета. Проходя мимо, он кивнул Артуру. Артур, который еще хорошо помнил тот первый раз, когда оказался в кабинете перед Лодермилком, переступил порог со смешанными чувствами.

- Себастьян! - радостно воскликнул архидепутат. Его почти не было видно за огромным столом, заваленным грудami бумаг. - Я счастлив видеть тебя. Садись, садись же. Ты выглядишь просто отлично! Бери финики, они превосходны. Расскажи мне, как ты поживаешь. Ты доволен? Как твои успехи в учебе?

- Сносно, сэр, - ответил Артур.

- Хорошо, - удовлетворенно сказал Лодермилк. - Я так и знал. Я сразу понял, что тебе здесь будет неплохо. Я вижу, ты набрал фунтов десять веса.

- Пятнадцать, - сказал Артур, не в силах сдержать довольной улыбки.

- Великолепно. И очень кстати, как оказалось. - Лодермилк бросил взгляд на часы. - У нас есть несколько минут. Себастьян, я хочу объяснить, зачем я позвал тебя сегодня. Тебе, может быть, известно - а, может быть, и нет, - что нам иногда удается посылать студентов в другие общества. Так сказать, на рабочую практику в полевых условиях. Я хочу, чтобы ты подумал об этом. Я расскажу тебе столько, сколько смогу...

Он сделал паузу.

- Давай опишем это так. В некотором месте то ли происходит, то ли не происходит нечто, что может оказаться в высшей степени опасным для нас. Крайне опасным. Мы должны выяснить, происходит ли оно на самом деле. Мы очень долго искали хоть какой-нибудь намек, и наконец нашли. Но, понимаешь, это именно слабый намек, а вовсе не уверенность. Гм-м, я изъясняюсь несколько туманно... - Лодермилк виновато глянул на Артура. - Надеюсь, ты уловил суть.

- Да, сэр, - сказал Артур.

- Хорошо. К чему это предисловие? Дело в том, что теперь нам нужен кто-то, кого мы сможем внедрить в группу, где то ли происходит, то ли не происходит это нечто. Понятно, что это будет опасно и очень трудно. Что? Ты что-то спросил?

- О каком обществе идет речь, сэр?

- Наверное, мне бы не следовало пока тебе говорить, но я так и думал, что ты захочешь знать. Это Консинд.

- Но из всех общественных клубов у меня самая худшая успеваемость именно в консиндском! Сплошные тройки...

- Я знаю. В обычных обстоятельствах мы бы поискали студента, у которого больше склонности к Консинду. И, возможно, больше опыта. Но хозяйка вашего клуба согласилась со мной в том, что у тебя есть способности. Есть существенная причина, почему нам нужен именно ты. Теперь, когда ты поправился, ты очень похож на молодого человека, роль которого нужно сыграть - больше, чем кто-либо другой из нас. Ну вот, больше я тебе действительно не вправе сказать. Человек, с которым ты будешь работать, если согласишься на это задание, будет здесь через пару минут. До отлета ты пройдешь двухдневный интенсивный курс обучения консиндскому образу поведения... Что-нибудь не так?

- Нет, сэр.

Нет сомнений в том, думал Артур, что студентов, которые не удовлетворяют требованиям колледжа, уничтожают. У древних было такое жуткое слово... как же оно... ага, "убивают"! Студентов убивают, и Лодермилку это прекрасно известно. Артуру страшно не хотелось в это верить, потому что Лодермилк нравился ему - нравился чем дальше, тем больше. Но если отставить в сторону симпатии, взглянуть на архидепутата прямо сейчас - седые волосы, доброжелательное и внимательное лицо в морщинах - и спросить себя: "Убил бы он меня, если бы счел это

необходимым?" Артур проделал это, и получил ответ. Ответ был: "Да, и мгновенно".

- Уполномоченный Хигсби, сэр, - неожиданно раздался женский голос.

Лодермилк коснулся кнопки на столе.

- Пусть войдет.

Он выжидательно посмотрел на Артура.

Неужели все эти сложности были только предлогом, чтобы убрать его с дороги? Тогда, получается, Артур заслужил более тонкий подход к своей персоне, чем бедняга Кимброу...

Что ж, вполне возможно, что это лишь предлог, и впереди Артура ждет только смерть. Но какой тогда прок отвечать "нет"?

- Я буду рад взяться за это задание, сэр, - сказал он.

- Замечательно. Я был уверен, что мы в тебе не ошиблись...

Здравствуй, Гордон! Входи, входи. Хочу представить тебе молодого человека, о котором ты уже слышал. Себастьян Ридлер, урожденный Артур Басс. Уполномоченный Хигсби как раз заканчивал свою работу в Дариене, когда у тебя были там неприятности, Себастьян. Ну вот. Очень удачно, что сейчас вы оба здесь.

Спустя два дня Артур пришел к выводу, что Хигсби - странный человек. Он обладал могучим и быстрым умом, и изъяснялся с неизменной холодной точностью. Его было приятно слушать, как приятно смотреть на отточенный скальпель в руках умелого хирурга. Редкие иронические замечания Хигсби сверкали остроумием. Но все, что он делал и говорил, он делал и говорил отстраненно и как-то бесцветно. Как будто внутри он постоянно был занят совершенно другими мыслями. Его мучила какая-то недавняя боль, глубоко личное горе.

У Артура при мысли о том, что творится в душе Хигсби, мурашки выступали на коже. Однако во всем, что касалось работы, на Хигсби можно было положиться железно. Теперь же именно это и было важно.

В том, что задание было настоящим, Артур убедился за два дня немилосердной муштры, которой его подвергли перед вылетом. Не говоря уж об огромном количестве шпионского снаряжения, которым его снабдили и обучили пользоваться. В затейливое кольцо на пальце Артура было вмонтировано крошечное устройство, при помощи которого он мог передавать кодовые сообщения Хигсби. Слуховой аппарат в его правом ухе на самом деле был звуковым приемником. В дешевой брошке, которая служила застёжкой на платье Артура, скрывался миниатюрный видеопередатчик. А под свежей пломбой в его коренном зубе был спрятан радиомаячок, который, как сказали Артуру, позволит Хигсби последовать за ним куда угодно.

До сих пор все шло неплохо. За такой короткий срок волосы Артура, разумеется, не могли отрасти до принятой в Консинде длины. Поэтому его выбрили наголо и наклеили ему на голову завитой и надушенный парик. Парик так хорошо сидел на голове, что Артур сам постоянно забывал, что это не настоящие его волосы. Артура умастили, подкрасили, нарисовали на щеках нежный румянец в соответствии с мужским идеалом Консинда. И вот он вместе с Хигсби сидел в коптере, который летел на север вдоль побережья. Артур выглядел как типичный консиндский мужчина. Он скромно опустил глаза, разглядывая подол своего белого батистового платья. В душе - по крайней мере, на ее поверхности, - он тоже был жителем Консинда. Привычные шаблоны поведения консиндца всплывали в сознании Артура так привычно и естественно, как будто он всю жизнь только ими и пользовался.

Сразу под поверхностной маскировкой находился новый Артур, Артур-конспиратор, а еще глубже прятался старый Артур, первоначальный - тот молодой человек, который покинул раздевалку младших помощников продавцов, Магазин Гленбрука и Глорию (давнее, поблекшее воспоминание!); который влип в неприятности в Дариене и был спасен с крыши Лодермилком. Артур ощущал себя каким-то трехслойным тортом. Самый глубокий, настоящий Артур сейчас ломал голову над тем, сможет ли он покинуть иммунных -

теперь, когда он их наконец нашел. И куда он пойдет в этом случае? Что станет делать?

Над горами на востоке проступила тонкая полоска рассвета.

- Это Юджин, - сказал Хигсби, указывая на россыпь огней в широкой долине. - До Портленда осталась какая-нибудь сотня миль. Через двадцать минут приземлимся.

Артур кивнул. Глядя, как разворачивается под коптером незнакомый пейзаж, он постарался выбросить из мыслей все сомнения и страхи, загнать эту часть своего существа на самый задний план. Чтобы отвлечься, Артур стал вспоминать все, что рассказал ему Хигсби со вчерашнего дня.

- Первую ниточку обнаружил Лодермилк, - рассказывал Хигсби. - Ему пришло в голову, что если в слухах есть доля правды - а если они верны, то это просто чудовищно! - то это может значить только одно: кто-то из посвященных, кому сделали аналоговую прививку молчания, все равно проболтался. Или хотя бы намекнул на тайну, что гораздо сложнее для нас. Ну вот, такое знание должно рано или поздно вызвать реакцию, которую нормалы называют "одержимостью". Человек, который долго подвергается сильному психическому давлению, взрывается и сбрасывает аналоговое ярмо. Обычно это происходит довольно громко. Ну вот. Мы просмотрели доклады обо всех подобных происшествиях за последний год, и обнаружили один случай, который показался многообещающим. Консиндец по имени Эриксон, секретарь одной из представительниц Консинда в межобщественной комиссии, заседавшей в Филадельфии. Он неожиданно впал в бешенство, вылил чернила на голову своей начальнице и вырвался в город. Его поймали только через два часа и, разумеется, отправили в Ссылку.

Это был прекрасный шанс. За эти два часа Эриксон мог сказать что-то такое, что люди потом стали рассказывать друг другу, пока слух не достиг ушей какого-нибудь официального шпиона. За это время детали, если они вообще были, стерлись. И результат стал выглядеть именно так, как он известен нам сейчас. Всем знаком этот слух, но никто не знает, откуда он взялся.

Так что мы заинтересовались прошлым Эриксона, и обнаружили, что он принадлежал одной из самых влиятельных семей северо-западного Консинда. Все теплее и теплее! Затем мы выяснили, что одна из ветвей этой семьи, а именно портлендская, в последнее время приобретает на удивление много мужчин. Собственно говоря, больше мы пока ничего не знаем. Чтобы продвинуть розыски, мы и хотим внедрить тебя в семью. Теперь ты - Карл Шмелтцер, один из молодых мужчин, которых Марсия Хэмблинг - это нынешняя глава интересующей нас ветви семейства, - купила, когда ездила в...

- Купила! - невольно воскликнул Артур. - Простите. Почему-то я не могу привыкнуть к этому, как ни стараюсь. Вот почему у меня были такие низкие отметки в консиндском клубе.

- Знаю. Ты вырос в Опотре, наиболее патриархальном из всех среднеамериканских обществ. То, к чему привык с детства, не выветривается за несколько месяцев. И все-таки привыкни и запомни: купила. Ты - ее собственность. Ты принадлежишь ей и будешь принадлежать до тех пор, пока она не решит продать тебя, обменять, подарить или отправить в Ссылку. Она - руководитель могучей ветви великой семьи, а ты - никчемный молодой самец из Денвера. Если она прикажет тебе лизать ее туфли, ты это сделаешь.

- И мне должно это нравиться?!

- Ты должен считать такое положение вещей нормальным. Ни забывая этого ни на минуту. Ты сильно похож на Шмелтцера внешне, и мы постарались довести ваше сходство до максимума. Марсия Хэмблинг покупает множество мужчин. Кроме того, она близорука. Мы думаем, что подмена пройдет успешно, если только ты будешь держаться соответствующим образом. Иначе - нет.

Да, над этим стоило поразмыслить... Артур размышлял, пока на горизонте не появился Портленд - огромная россыпь сверкающих огней, - и бледная лента воды за ним.

Красивый указатель на краю дороги гласил "Роуз Лейн, 17". Артур, разинув рот, уставился туда, куда показывала стрелка указателя. Он впервые в жизни видел жилье акционера какого бы то ни было общества. В Гленбруке для них не было места, поскольку Гленбрук был со всех сторон окружен еторговской территорией. Теоретически Артур знал, чего ожидать, и все-таки был потрясен.

Поросший зеленой травой склон поднимался от самой дороги мягкими складками. Холм был увенчан вытянутым зданием с колоннами, похожим на брусок сахара. К нему вели безупречно ровные ряды вечнозеленых кустарников и деревьев. Нигде не было ни следа дорожек. Артур предположил, что гости прибывают сюда на коптерах, а продукты доставляются по подземным магистралям прямо в подвалы.

Он некоторое время стоял в нерешительности, а потом начал долгий подъем по склону. Не стоит начинать свое пребывание здесь с глупых вопросов. Хигсби наблюдает за всем через видеопередатчик в брошке. Если он сочтет действия Артура неправильными, он может вмешаться.

Безукоризненный травяной ковер угнетал Артура. С каждым шагом в нем росло ощущение, что он вторгается в чужие владения. К тому времени, как он добрался до широкого портика здания, он был почти убежден, что его вот-вот схватят и спустят обратно по склону вверх тормашками.

"Теоретически", - произнес бесплотный голос Хигсби у него в ухе, - "ты не должен был появляться здесь, у главного входа".

Артур подавил готовое сорваться с губ проклятие. Дверь отворилась.

"Постарайся взять наглостью. Скорее всего, ничего не выйдет, но попытаться надо".

В двери возник юноша со светлыми глазами, одетый в желтый балахон. Он подозрительно оглядел Артура. Артур направился к нему, едва переставляя ноги от волнения.

- Н-ну?

- Карл Шмелтцер. Прибыл в распоряжение мадам Марсии Хэмблинг.

Артур переступил порог и протянул юноше свой дорожный плащ.

- Куплен? - ухмыльнулся привратник.

Артуру ничего не оставалось делать, кроме как кивнуть. Привратник презрительно фыркнул и бросил Артуру плащ обратно.

- Тебе туда, - небрежно махнул он рукой и отвернулся.

Артур зашагал в указанном направлении. У него горели уши от стыда. Средний слой его личности знал абсолютно точно, что Хигсби специально заставил его пройти через унижение, чтобы лучше вжиться в образ. Но в верхнем слое не было ничего, кроме подавленного отвращения, и Артуру это не нравилось.

То, что он испытывал здесь, почему-то вызывало у него совершенно иные чувства, чем ежедневное унижение, которому он подвергался, будучи младшим помощником продавца в Гленбруке. Консиндский общественный клуб лишь отчасти подготовил его к этому. Здесь, в Консинде, он был вещью, собственностью. И - это было хуже всего! - когда Артур попытался следовать инструкциям Хигсби и думать о таком положении вещей, как о нормальном, ему это почти удалось...

Помещение, в которое он вошел, оказалось огромным овальным залом без окон, освещенным лишь немногими лампами в старинных красных абажурах. Стены были сплошь задрапированы тяжелой материей. Толстый ковер глушил шаги. Едва заметное дуновение свежего воздуха из кондиционеров, которое Артур чувствовал в коридоре, здесь отсутствовало. Застоявшийся горячий воздух был пропитан тяжелыми ароматами благовоний.

Сперва Артура никто не заметил. Мужчины здесь были одеты, как и он сам, в платья с пышными рукавами в три четверти, открытой грудью и ниспадающими складками до щиколоток. Мужчин в зале было немного, зато женщин - дюжины. На женщинах были ярко-алые юбки колоколом, и больше ничего. Артур окаменел. Женщины Консинда одевались так только для торжественной церемонии. Здесь должно было произойти нечто важное, особенно если... да, так оно и было! Среди женщин Артур увидел почтенных

старших многоматерей, чьи юбки были разрезаны сверху, чтобы продемонстрировать всем отвисший живот - свидетельство многих родов. Ну, он и влип! Что, если церемония уже началась, и не принадлежащим к семье мужчинам запрещено входить в зал, а привратник направил Артура сюда из мелкого злорадства?

Прежде, чем Артур успел улизнуть, проходящая мимо многоматерь обратила на него внимание и резко остановилась. Многоматерь была смуглокожей женщиной лет сорока, толстой и неуклюжей. Но ее глаза ярко сверкали под густыми бровями.

- Что тебе нужно? - спросила она.

Артур снова назвал себя, всей кожей чувствуя обращенные на него взгляды окружающих.

- Если я появился не вовремя, мадам...

- Меня это не касается. Марсии здесь нет. Урсула! - рявкнула женщина, оборачиваясь. - Тут еще одно чучело Марсии. Сделай с ним что-нибудь.

И, даже не глянув на Артура второй раз, она величественно удалилась прочь. Стоящий неподалеку мужчина, высокий брюнет в фиолетовом, неприязненно ухмыльнулся в сторону Артура и потянулся всем телом, показывая игру мускулов.

К Артуру торопливо подошла запыхавшаяся многоматерь, из-под чепца которой выбились седые пряди волос.

- У меня нет времени! - раздраженно фыркнула она. - Ну почему он явился именно сегодня, во имя Богини?!

Она крикнула вдогонку первой женщине:

- Гертруда! Он нужен тебе здесь, или...

Гертруда бросила через плечо что-то неразборчивое, и вышла из зала.

Широкое лицо Урсулы залилось краской гнева.

- Не могу же я... - начала она, и закашлялась.

За кашлем женщины и шумом разговоров в зале Артур едва расслышал еще один голос, совсем юный, пронзительный и высокий, на грани истерики:

- Это новый мужчина? Я хочу его видеть! Пустите меня! Пустите!

Хор женских голосов успокоил ее, и тут раздался еще один голос - такой же высокий, но слабый и хриплый:

- Приведите его сюда!

- Ну, пошел! - резко сказала Урсула, и отвесила Артуру пинок.

Лавируя среди групп суетящихся женщин, Артур пересек зал и очутился перед инвалидным креслом, в котором покоился маленький темный сверток. Из глубины свертка на Артура уставились неожиданно живые и пронзительные глаза, в которых было что-то невероятно странное.

- Подойди ближе, дитя, - прохрипел слабый голос.

Артур шагнул вперед, и торопливо опустился на колени, принимая должную позу уважения. Сверток в кресле оказался женщиной, до того высохшей от старости, что она больше походила на связку сухих веток. На голове старухи был выцветший чепец с тремя остроконечными верхушками - знак того, что она является матриархом семейства.

"Неудивительно", - подумал Артур. - "Ей ведь за сотню лет".

- Встань, встань, а то я тебя не вижу, - сварливо проворчала она.

Артур поднялся на ноги. Он понял, почему глаза старухи показались ему такими странными. Они скрывались за огромными архаическими очками, за много лет словно вросшими в ее переносицу.

- Из какой семьи ты приходишь, дитя?

- Шмелтцеры из Денвера, почтеннейшая мать.

- Шмелтцеры. Так себе семейка. Продали тебя Марсии, а? Ну и что, ты рад?

- Да, почтеннейшая мать.

Старуха хихикнула.

- Может, тебе и понравится. Лучшее, на что может надеяться мужчина в своей жизни, - это послужить хорошей плодovитой женщине. Правильно?

- Да, почтеннейшая мать.

- Еще как правильно! - Она снова хихикнула и закашлялась. - О, я знаю

кое-что, чего ты никогда не узнаешь, дитя. Я могла бы рассказать тебе много удивительных вещей, если бы захотела.

Из-за кресла появилась костистая женщина и стала озабоченно поправлять плед, в который была закутана старуха.

- Прабабушка, осторожнее, вы простудитесь! Вы же знаете, какое у вас хрупкое здоровье...

- Прочь!

Старуха гневно откинула плед, и Артур увидел коричневую пергаментную кожу, обтянувшую сухие птичьи кости.

- Знаешь, сколько мне лет, дитя? Сто шестьдесят семь!

У Артура перехватило дыхание. Сейчас шел сто сороковой год по новому летоисчислению. Если эта женщина говорит правду, то ей было двадцать семь лет, когда были основаны первые аналоговые общества. Она была не просто старой. Она была доисторической!

- Да, это правда, - сказала старуха, наслаждаясь выражением его лица.

- Я видела, как все начиналось. И я знаю много вещей, о которых никому не скажу.

- Прабабушка...

- Я же сказала: не скажу! - рявкнула она. - Я просто хочу уточнить, дитя, насколько тебе повезло. Ты ведь хочешь это знать? Мужская доля - работать до седьмого пота. Кто кормит мир, тот им и правит.

- Прабабушка...

- Лучший друг девочки - ее отец!

- Прабабушка, они готовы начинать, - твердо сказала костистая женщина, и покатила кресло со старухой прочь.

- Птицы поют, но мужчина должен молчать! - выкрикивала старуха, обернувшись и глядя на Артура через плечо пронзительными глазами. - Работа никогда не кончается!

- Прабабушка...

- Кто только дает семя, тот - слуга!

Через минуту костистая женщина вернулась уже одна, красная от злости.

- Сейчас нет времени с тобой разбираться, - бросила она. - Подождешь снаружи. Ну, шевелись!

На пороге Артур обернулся и бросил последний взгляд вглубь зала. Толпа людей в дальнем конце помещения расступилась, и он увидел альков с символами луны, вырезанными на арке свода. В алькове стоял стол, на котором лежала, распростершись, совсем молоденькая девушка. Артуру показалось, что она едва достигла брачного возраста. Рядом со столом стоял еще один маленький столик, на котором грудой лежали инструменты. Над столиком склонился седой старик. Затем он выпрямился, и в руке у него блеснуло стальное лезвие.

Голос Хигсби в ухе Артура произнес: "У них есть суеверие, что присутствие постороннего мужчины в доме во время церемонии дефлорации приносит несчастье".

Артур подскочил на месте и инстинктивно повернулся к выходу. Однако, напомнил он себе, низшие существа не могут покинуть дом без разрешения. Тупик. В ближайшей нише стоял одетый в фиолетовое слуга и иронически разглядывал Артура.

"Совета!" - лихорадочно простучал Артур на сигнальном перстне.

"Лучше оставайся там, где ты есть", - не сразу отозвался Хигсби. -

"Они могут либо прийти в ярость, когда обнаружат тебя, либо нет. Все будет зависеть от множества причин - например, от того, кто первым тебя увидит".

"Точнее!" - взмолился Артур.

"Точнее невозможно". Казалось, ситуация забавляла Хигсби. "Они используют мескаль в церемониях, чтобы получать видения от Доброй Богини и так далее. Поэтому их поведение трудно предсказать. Но не волнуйся. Ничего непоправимого с тобой не сделают".

Артур оставил свое мнение при себе и стал ждать. Сначала в зале было

совершенно тихо, потом оттуда донеслось тихое монотонное пение, которое почему-то ужасно взбудоражило Артура. И снова тишина.

Примерно через полчаса дверь зала резко распахнулась, и изнутри толпой повалили женщины - раскрасневшиеся, с блестящими глазами. Артур скорчился на скамеечке в нише и старался привлечь как можно меньше внимания.

Гертруда и Урсула вышли рука об руку с застывшими на губах улыбками. Волосы Урсулы растрепались еще сильнее. Она что-то тихонько напевала себе под нос. Толпа медленно растекалась по коридору и просторному холлу, образуя небольшие группы собеседников. Женщины казались тихими, даже сонными, только глаза у них возбужденно блестели каким-то свирепым, нездешним блеском.

Три старика с видеокамерами прошмыгнули в толпе. Постепенно большая часть народа двинулась в сторону выхода. Одни группы исчезли, другие уменьшились. Прошло четверть часа. Некоторые женщины возвращались обратно в холл, но вообще толпа все убывала. Лица становились умиротворенными, глаза сонно закрывались. Артур уже начал думать, что никто его не заметит, как вдруг перед ним остановилась пухленькая девушка с каштановыми волосами - совсем молоденькая, почти девочка. Она подбоченилась и стала пристально разглядывать Артура с головы до ног.

Артур нервно заерзал на скамейке. Он не сразу распознал в девушке ту, которая лежала на столе в алькове. Ей было лет десять-одиннадцать, не больше. Но одета она была в такую же алую юбку для церемоний, как и старшие - и выглядела в ней гораздо лучше их, на взгляд Артура. Щеки девушки сверкали лихорадочным румянцем, в опухших глазах было жестокое выражение. Она капризно закусил нижнюю губу.

- Значит, это ты - новый мужчина, - подчеркнуто небрежно сказала она.

- Хм!

- Да, мадам.

- Я могу взять тебя в любовники. А могу и не взять.

Она поднесла ко лбу пухлую ручку подчеркнутым жестом, который должен был изображать раздумья.

- Ну-ка, повернись. Я хочу посмотреть, как ты сложен.

Артур неохотно повиновался, чувствуя себя племенным быком, которого осматривает ветеринар. Когда он поворачивался во второй раз, в коридоре появилась сухощавая, жилистая многоматерь. Она раздраженно махнула Артуру рукой, и он остановился.

- Пойдем отсюда, Диана, - сказала женщина. - Посмотри, что мама тебе купила.

Она вытолкнула вперед немолодого, но не по возрасту бодрого мужчину с прилизанными волосами, пропахшими розовой водой. Он искоса глянул на девочку и расплылся в ухмылке.

Диана едва удостоила его взгляда.

- Пошел вон, я тебя не хочу. - Она повернулась к Артуру. - Тебя хочу!

Худая женщина сказала сердито:

- Девочка, не говори глупостей! Я купила для тебя этого у Флоры Гудритч. Он гарантирован! Будь умницей, этого ты все равно не получишь. Он принадлежит твоей тете Марсии.

Она, видимо, считала, что это уладит проблему. Но девочка была другого мнения.

- Сегодня я стала женщиной! - закричала она так громко, что все присутствующие в холле обернулись. - Я могу выбирать! Так написано в книге церемоний!

Девочка снова обернулась к Артуру.

- Эй, ты! Ложись.

Она принялась стаскивать с себя юбку.

- Что тут происходит? - послышался глубокий грудной контраalto.

Толпа расступилась, пропуская величественную женщину огромного роста. Макушка Артура приходилась ей как раз на уровне подбородка. И, хотя вместо церемониальной одежды на ней был обычный дорожный плащ, он не мог скрыть

ее богатырского телосложения. Артур уставился на нее с благоговейным ужасом. Было что-то завораживающее в ее огромной груди, могучем животе, ягодицах величиной с подушку. При каждом ее шаге могучие тела содрогались.

- Хорошо, что ты вернулась, Марсия, - сказала худая женщина со смесью облегчения и раздражения, - хотя почему ты не появилась на инициации своей племянницы...

- Хорошо, дорогая, - оборвала ее мадам Марсия. - А ты кто такой?

Артур представился в третий раз. Богатырша шагнула ближе - удушающе близко ("У-ухх!" - вздохнул бесплотный голос Хигсби в ухе Артура) и всмотрелась в Артура большими водянистыми глазами.

- А, да, - сказала она. - Помню. Я тебя купила на прошлой неделе и велела прислать сюда. Так в чем проблема?

Диана и ее мать начали говорить одновременно. Мадам Марсия выслушала обеих, не моргнув глазом и устремив ледяной взор на стенку поверх их голов.

- ...я сказала ей, что он принадлежит тебе, Марсия, но...

- ...самый важный день во всей жизни женщины...

Мадам Марсия остановила их величественным взмахом руки.

- Я все поняла. Сейчас мы это уладим, - сказала она, и воцарилось тревожное молчание. - Пусть щенок сам решает.

Она улыбнулась Артуру улыбкой приветливой акулы.

- Кого ты выбираешь, мальчик? Диану или меня?

Артур знал правильный ответ, но слова застряли у него в глотке. "Марсию!" - прошипел в ухе Хигсби.

- Я выбираю вас, мадам, - наконец выговорил Артур.

Диана разразилась яростными слезами, и мать с трудом утащила ее прочь.

- Отведите его в мои апартаменты, - бросила мадам Марсия через плечо, снимая дорожные перчатки.

"Извини, что я тебя подтолкнул", - вновь заговорил Хигсби, когда Артур направился следом за слугой по коридору. - "Но я боялся, что ты продемонстрируешь нерешительность. Это идет абсолютно вразрез с твоей нынешней ролью! Марсия - могущественная женщина. Настоящий Карл Шмелтцер просто запрыгал, когда она его купила".

"Правильно сделал", - отстучал Артур в ответ.

"А самое главное", - сказал Хигсби, - "ее фигура считается верхом совершенства по меркам Консинда!"

Артур ждал в своей каморке, но ничего не происходило. Он проголодался и взял себе еды из кухонного автомата. Чтобы убить время, Артур попытался было завести разговор с Хигсби, но тот вдруг стал убийственно краток, и активная роль в разговоре досталась Артуру. У него быстро устал сигнальный палец, и разговор пришлось прекратить. Артур снова проголодался и снова воспользовался кухонным автоматом. Большой центральный салон апартаментов мадам Марсии оставался пуст. Если и были другие мужчины, которые, подобно Артуру, ждали в своих каморках, Артур их не видел и не слышал.

Через некоторое время Артур с удивлением обнаружил, что уже перевалило за полночь. Он просигналил Хигсби: "Вам когда-нибудь приходилось через это пройти?"

"Много раз", - тотчас откликнулся Хигсби.

"Спокойной ночи", - злобно отстучал Артур.

"Приятных сновидений", - ответил Хигсби.

Артуру пришло в голову, что мадам Марсия может еще неделю не появляться в своих апартаментах. С этой мыслью он и заснул.

Кто-то тряс его за плечо.

- Мм? - произнес Артур, открывая один глаз.

Богатырская фигура мадам Марсии нависла над ним, закрывая собой слабый свет, идущий из дверного проема.

- Вставай! - велела мадам Марсия.

Артур выбрался из постели. Сердце у него отчаянно колотилось.

- Одевайся, - сказала мадам Марсия.

Куря тонкую сигару через мундштук, она наблюдала, как Артур надевает платье и причесывает волосы. Потом она удивительно грациозно для своего роста и веса встала с кресла и подошла к нему.

- Хорошо. Теперь ответь: ты мне верен? Ты сделаешь все, что я велю?

- Да, мадам Марсия.

- Тогда бери плащ и пойдем...

Артур прошел вместе с ней по тускло освещенному коридору до эскалатора, ведущего наверх. В молчании они поднялись на крышу здания. На крыше было темно и тихо. Затянутое облаками небо было совершенно беззвездным. До рассвета оставалось еще несколько часов. Мадам Марсия забралась в коптер, и Артур последовал за ней.

Мадам Марсия взялась за рукоятки управления, и коптер мягко поднялся над крышей, но почти сразу же стал снова опускаться. Они приземлились на темном лугу рядом с летним домиком, который вырисовывался силуэтом на фоне небольшого озера.

Мадам Марсия зевнула, распахнула дверцу коптера и стряхнула пепел с сигары наружу.

- В этом домике - несколько молодых мужчин, - сказала она. - Пойди разбуди их и приведи сюда.

Артур, спотыкаясь, зашагал через луг. Он пребывал в состоянии какого-то тупого изумления. Артур набрал позывные Хигсби - вдруг тот не спит? Хигсби откликнулся немедленно.

"Да?"

"К чему это все, как по-вашему?"

"Подождем - увидим", - сердито ответил Хигсби и зевнул ему прямо в ухо.

В летнем домике действительно спали четверо молодых мужчин. Артур поднял их, заставил одеться и они впятером вернулись к коптеру.

- Все здесь, - довольно сказала мадам Марсия.

Она остановила Артура, когда он хотел забраться на заднее сиденье вместе с остальными.

- Эй, ты, умеешь водить коптер?

- Да, мадам Марсия.

- Тогда садись сюда.

Она перебралась на заднее сиденье, а Артур занял место пилота. Ему пришлось передвинуть кресло поближе к панели управления, чтобы доставать до рычагов.

- Вот курс, - сказала мадам Марсия, перегибаясь через его плечо и показывая светящуюся линию на подсвеченной карте. - Поднимись до двух тысяч. Я скажу тебе, когда спускаться.

Угрюмое молчание заполнило кабину. Артур, придерживаясь линии на карте, вел коптер на юго-юго-запад, к подножиям Каскадных гор. Прошло около двадцати пяти минут, как вдруг на панели управления прозвенел сигнальный звонок.

- Нажми на кнопку рядом с картой, - сказала мадам Марсия.

Артур повиновался, и светящаяся линия развернулась таким образом, что стала показывать практически точно с севера на юг. Артур повернул коптер на новый курс, не дожидаясь приказа. Целый час коптер летел на юг. Когда впереди показалась гора, которая была обозначена на карте, как Даймонд-Пик, Артур поднял коптер до десяти тысяч. Мадам Марсия ничего не сказала. Спустя несколько минут звонок прозвенел снова. Новый курс лежал на запад-юго-запад.

Прошло еще сорок минут, и внизу показался небольшой поселок на восточном берегу высохшего русла реки.

- Садись здесь, - велела мадам Марсия.

Когда Артур опускал коптер, в его ухе неожиданно ожил голос Хигсби.

"Что это, Роузтаун?"

"Верно", - отстучал Артур.

"Через него проходит железная дорога", - пробормотал Хигсби. - "Миртл Крик, Глендейл, Грантс Пасс... Да! Клянусь всеми радостями Консинда!"

Артур дернулся.

"Что?"

"Мне кажется, я понял, куда вы направляетесь. Отличное место, мне следовало подумать о нем раньше... Что там внизу, не поезд?"

Мадам Марсия нависла над Артуром.

- Спускайся быстрее! - велела она.

"Да, все сходится. Если я прав, через десять минут вы уже будете ехать на юг в товарном вагоне. Где-нибудь в тоннеле поезд ненадолго остановится, чтобы высадить вас..."

"Ехать куда?" - нетерпеливо просигналил Артур.

"В пещеры, Себастьян. Старые Орегонские пещеры. Вниз, вниз, вниз!"

Впереди, за переборкой, кто-то громко вскрикнул.

По небольшой группе мужчин, среди которых находился и Артур, прошла дрожь. Минуту спустя очередь продвинулась на несколько шагов вперед, к колену узкого коридора. Наступила тишина, и все они напряженно вслушивались в нее. Затем снова раздался крик. На этот раз кричал другой человек.

Все задрожали. Очередь продвинулась вперед. Артур прикинул, что впереди него осталось всего человека четыре. Что происходило там, впереди?

Где-то на пути вниз, в лабиринте ходов и переходов, сделанных природой и человеком, они потеряли из вида мадам Марсию. Но рядом всегда находился кто-то из акционеров, кто приказывал им идти все дальше и дальше вглубь горы. Наконец они добрались до помещения, битком набитого молодыми мужчинами. Оттуда их вызывали по четыре человека в комнату, где стоял ряд совершенно обычных священных машин - аналоговых машин, как научили Артура их называть в колледже. За некоторыми исключениями - одежда, музыка, - это было в точности похоже на Зал конфирмации, каким он его помнил с детства.

"Это все, что нам было нужно. Почти все", - довольно пробормотал Хигсби ему в ухо. - "Не пытайся бороться с действием анестетика. Расслабься, и делай так, как тебе велят".

Ассистентка в белых шортах пристегнула Артура к креслу и нахлобучила шлем ему на голову. Больше Артур ничего не помнил. После процедуры он не почувствовал никаких изменений. Впрочем, так и должно было быть. Нормалы тоже не чувствовали изменений. Теперь он стоял в коридоре вместе с другими молодыми мужчинами, прошедшими обработку, и ждал... чего?

В соседней комнате послышался крик. Спустя минуту дверь открылась, и ассистентка сделала приглашающий жест. Мужчина, который стоял впереди Артура, зашел внутрь.

Артур отсчитывал секунды. Раздался крик. Дверь открылась.

Артур вошел, и оказался в пустой комнате. Здесь было еще четыре человека: утомленная седая женщина в шортах и блузке, ассистентка, которая впустила его, и двое молодых мужчин с выражением полнейшего обалдения на лицах. Артур узнал в них тех двоих, которые стояли в очереди непосредственно перед ним. Во всяком случае, он был рад видеть, что ничего страшного с ними не случилось.

Седая женщина принялась монотонно читать наизусть речь, которая начиналась словами: "Все мы должны поступать так, как велит Богиня, что бы ни..." Артур не сразу уловил суть речи. В конце концов он разобрался, что ему повествуют о том, что на границах цивилизованного мира из-за близкого соседства демонов люди стали вести себя не совсем правильно. Не превратились в демонов, никоим образом, и даже не стали одержимыми, просто ведут себя немного неправильно - что, впрочем, тоже следует привести в порядок. И, чтобы они вновь увидели Истинный свет, Богиня велела осуществить необычное деяние...

- Чтобы это стало возможным, Богиня послала каждому из вас нового

ангела. Во славу Богини этот ангел позволит вам совершать поступки, на которые вы прежде никогда не были способны.

Женщина показала на Артура, а потом на двоих мужчин, которые были в очереди перед ним.

- Ты и ты, проташите его по комнате. Действуйте!

Один из мужчин взял другого за руку и выжидательно посмотрел на Артура. Оба неуверенно улыбались. Мысли Артура неслись в лихорадочной скачке. Если он прав, и все это означает именно то, что ему показалось... Если здесь действительно высвобождают в людях давно подавленную враждебность, то последствия могут быть самыми чудовищными. А если еще умножить это все на те десятки тысяч людей, которые проходили здесь обработку... Да-а. Занятый мыслями Артур совершенно механически подошел и взял мужчину за вторую руку. Первый мужчина потянул второго за руку, второй опрокинулся на спину. "Вот когда нужно кричать!" - подумал Артур. Он помог проташить среднего мужчину по комнате, остановился и растерянно огляделся, как будто ожидал появления ангела. "Не дождался" и завопил от изумления.

Спустя десять минут, сыграв свою роль в качестве перетаскиваемого и перетаскивающего для двух следующих новобранцев, Артур оказался в группе мужчин, марширующих через большую пещеру к грубым баракам.

"Кто это там приближается на скутере? - неожиданно ожил Хигсби. - Повернись так, чтобы я хорошо видел!"

Артур постарался оторваться от группы, чтобы никто не загораживал от него пассажира скутера. Пассажиром оказалась женщина внушительной внешности и манеры держаться, которую Артур никогда не видел. Проезжая мимо, она скользнула по нему безразличным взглядом.

"Отлично!" - воскликнул Хигсби с непонятным Артуру энтузиазмом. - "Мы получили последнее доказательство. Осталось только вытащить тебя оттуда".

"Объясните".

"Я записывал все, что происходило с тобой. И показания радиомаяка тоже. Но эту информацию можно подделать. Нам нужно было неоспоримое доказательство, которое бы связало все это с Консиндом. И мы только что его получили! Женщина, которая проехала мимо тебя - это мадам Эвфемия О'Райен, член Межобщественной комиссии. Ее присутствие подделать невозможно".

"Вы покажете запись комиссии?" - спросил Артур.

"Именно! Единственное, что нам еще нужно - это очевидец, который подтвердит сделанную запись... Где, по-твоему, располагается лазарет в этих пещерах?"

Захваченный врасплох переменной темой, Артур некоторое время глазел по сторонам.

"В коридоре, откуда мы вышли", - отбил он ответ.

"Хорошо. У меня сложилось такое же мнение. Надеюсь, что мы правы - потому что из этого коридора ведут наружу целых три аварийных выхода. Притворись больным".

Ну, это, по крайней мере, было несложно. Артур остановился, схватился за живот и медленно осел на пол. Он лежал, стона и корчась, пока не появились два ассистента с носилками. Они отнесли его обратно в коридор.

Лазарет оказался полон. Через приоткрытую дверь Артур увидел пару человек, которые лежали на кушетках с совершенно зелеными лицами и едва дышали. Без сомнения, это были жертвы процесса измененной аналоговой обработки. Ассистенты переложили Артура с носилок на кушетку и ушли.

Когда очередная группа новобранцев проходила мимо, Артур встал с места и уверенным тоном приказал ближайшему мужчине:

- Ложись сюда и лежи!

Тот ошеломленно подчинился, а Артур направился к двери, над которой горела красная лампочка.

Минут двадцать ему пришлось тяжело карабкаться вверх по крутым скатам. Он выбрался на поверхность в середине рощицы карликовых сосен. Коптер Хигсби кружил над головой.

- Куда мы летим? - спросил Артур, когда Хигсби повернул машину на северо-восток.

Сначала они взяли курс на юг, и Артур, естественно, предположил, что они возвращаются в колледж. Хигсби ответил не сразу. Он пристально изучал экран мощного радара - весьма необычного устройства для стандартного маленького коптера.

- Какой-то объект, - наконец отозвался Хигсби, - описывает над нами большие круги на высоте примерно пятнадцати тысяч. Я просто хочу выяснить, что будет, если мы сменим направление...

Через пятьдесят миль объект все еще был над ними. Судя по всему, это был реактивный лайнер, скорость которого намного превышала скорость коптера, потому он и описывал круги. Он совершал маневры с очевидной целью - держаться все время над коптером, куда бы тот ни летел.

- Что бы ни случилось, - сказал Артур, почти не сознавая, что говорит, - вы ведь передали запись, правда? Этого им уже не вернуть.

- К черту запись! - хладнокровно-вежливым тоном откликнулся Хигсби. - Я пытаюсь спасти наши шкуры.

Коптер набрал высоту и между двумя небольшими пиками Каскадных гор перелетел на другую сторону горной цепи. Над большим озером и равниной собирались плотные облака. Хигсби направил нос коптера вниз.

- Хортон, Хантер, Хильдебранд, - пробормотал он, разглядывая карту. - Йонна Вэлли, Китс, Бонанза - все на двадцатимильной прямой. Хорошо.

Мимо коптера стали мелькать перистые облака, становясь все гуще и гуще. Артуру показалось, что он разглядел внизу два из названных Хигсби поселков, вытянувшихся вдоль реки. Потом ландшафт медленно и величественно развернулся под ними, и речка вместе с поселками скрылась из виду.

- Так вы не собирались здесь садиться? - удивился Артур.

- И не думал делать такую глупость! - ответил Хигсби. - Я надеюсь, что они тоже попались на мою уловку. Некоторое время они будут заняты, разыскивая нас. Однако в здешних пустынных местах посадка коптера - это событие. Наш единственный шанс на спасение - затеряться в ближайшем людном месте. Это Кламат-Фолс - видишь, вот здесь справа, на краю озера.

"Население 22 тысячи. Курорт, центр туризма", - прочел Артур кодовую строку на краю карты.

- И что мы будем делать? Осматривать достопримечательности?

- Нет. Мы пойдем туда, где настоящая толпа. В Магазин.

Конечно, Хигсби был прав. Лучшего места для того, чтобы укрыться от преследования, им было не найти. Но когда они поднялись всего на один лестничный пролет - Хигсби шел впереди, - дорогу им преградила женщина.

Все случилось слишком быстро. Артуру показалось, что Хигсби просто споткнулся и потерял равновесие. И только когда тело Хигсби распростерлось у ног Артура, он увидел, что из груди торчит рукоять ножа.

Артур наблюдал в каком-то странном оцепенении, как тело Хигсби съехало со ступеньки и заскользило вниз по лестнице. Потребители расступились в стороны. Артур повернулся к женщине. Прошло всего две или три секунды, но ему казалось, что они растянулись на целую вечность. За спиной женщины появился охранник. И тут Артур узнал ее. Это была смуглокожая мадам Гертруда - первая женщина, которая заговорила с ним в доме Хэмблингов.

Глядя прямо на Артура, она набрала полную грудь воздуха и завопила:

- Охрана!

Словно по волшебству золотые униформы охранников появились со всех сторон.

- Убийство! - закричала мадам Гертруда. - Он убил этого человека! Я видела своими глазами!

Суд был коротким.

Надежно спутанный липкими нитями, как закуклившаяся гусеница, с кляпом во рту - дабы не осквернил слух присутствующих святотатствами - Артур стоял в клетке для подсудимых и выслушивал показания свидетелей. Запись показаний мадам Гертруды Хэмблинг и показания двух арестовавших его охранников.

- Все ясно, - провозгласила судья тоном, исполненным глубокого отвращения. - Приговариваю это ничтожество к Ссылке. Уберите его!

14. СОСТОЯНИЕ УМА

Не вынимая Артура из клетки, они погрузили его в багажное отделение золотого коптера Охраны. Клетку открыли сзади и закрепили у Артура на спине парашют. На нем было ну очень неудобно лежать. Липкие нити перерезали и кляп изо рта вынули, однако Артур оставался прикованным к клетке.

Над ним был стерильный потолок грузового отсека. В переборке за его спиной открывалось небольшое окошечко, через которое охранники могли при желании наблюдать за его поведением. До сих пор они такого желания не проявляли.

В отсеке пахло страхом. Сколько беспомощных заключенных ждали здесь своей участи? И где они все теперь?

В отличие от них всех Артур - новый, проучившийся некоторое время в колледже Артур, - знал то, что было недоступно потребителям. Быть отправленным в Ссылку означало попасть на крошечный участок территории величиной в несколько тысяч квадратных миль, который в древние времена относился к штату Вашингтон.

Но знание ничуть не облегчало Артуру его нынешнее положение.

Коптер летел над горами. Высокий гребень Каскадных гор на востоке, величественная вершина Рейнир к северу, горы Адамс и Сент-Хелен к югу. На старых картах между ними значились несколько городов - Мортон, Рэндл, Ист Крик Джанкшн. Теперь в этом месте не было ничего. Никто не знал, что сейчас происходит на этой территории. Даже иммунные. Все общества середины континента ссылали своих преступников в Белое пятно, поскольку это было практичнее, чем отправлять их в Великую пустыню или в какое-нибудь похожее место. Но никто не знал, что с ними там происходит.

Знали только, что никто из Белого пятна не возвращается.

Вибрация двигателей коптера слегка изменилась. Машина легла набок, закладывая вираж. Артур решил, что его время пришло.

Без всякого предупреждения пол под ним провалился. С воплем Артур рухнул вниз, на лету выпадая из открывшейся клетки. Земля приближалась с головокружительно быстротой. От ледяного воздуха перехватило дыхание и заболели уши.

Артур ощутил легкий рывок за лопатками. Секундой позже последовал еще один рывок, который чуть не разорвал его пополам. Оглушенный, Артур обнаружил, что он раскачивается, как маятник, под белым матерчатым куполом. Земля была внизу, как ей и положено. Коптер исчез куда-то за пределы видимости.

Артур быстро спускался вниз. Вверху было холодное солнечное небо, внизу - плотный облачный слой... Нет, это были не облака. Артур не мог разобраться, что это было. Он посмотрел вверх. Коптер как раз показался из-за края матерчатого купола. Его моторы звучали как-то странно. Похоже было, что коптер пытается повернуть, но ему не удастся.

Странная пелена, которая не была облаками, приближалась слишком быстро. Артур болтался в воздухе и наблюдал, как она растекается под ним. Пелена не была ни облаками, ни туманом... однако земли сквозь нее видно не было. И даже высокие горные вершины в облачных шапках куда-то исчезли. Артур падал, падал... куда?!

Он беспокойно огляделся вокруг в поисках коптера. По крайней мере

коптер еще был здесь. Но он вел себя очень странно. Лопасты вращались вовсю, из труб вылетало пламя - коптер должен был бы куда-то лететь. Вместо этого он медленно опускался, кружась на месте, как пушинка одуванчика в безветренный день. Вспомнив о ветре, Артур вдруг сообразил, что ветер стих в тот самый момент, когда он пересек границу этого... этого... У него по-прежнему не было слов. Он смотрел вниз, и у него было такое чувство, какое возникает, если долго и пристально смотреть на текущую воду. Казалось - стоит моргнуть, и картина обретет четкость, но моргнуть почему-то не получалось. Все скользило, смазывалось, менялось под его взглядом...

Артур приземлился. Земля подвернулась ему под ноги совершенно неожиданно, но, тем не менее, он ничуть не ушибся. Ноги его мягко коснулись грунта.

Артур обнаружил, что стоит во весь рост на пологом склоне, поросшем ярко-зеленой травой. Трава была аккуратно подстрижена. Парашют медленно улегся на траву у ног Артура белой скатертью. Странная пелена, чем бы она ни была, исчезла. Над головой было небо, синее той особой пронзительной синевой, какая бывает только ранней осенью. В небе, медленно снижаясь на тот же зеленый склон в нескольких сотнях ярдов от Артура, парил коптер.

Что-то здесь было не в порядке. Смутное воспоминание подсказало Артуру, что приземление с парашютом примерно равняется прыжку с высоты пятнадцати футов...

Что происходит?!

Два охранника в золотой униформе, пошатываясь, поднимались по склону к Артуру. Коптер лежал на траве, завалившись на одно крыло, и выглядел как-то необычно. Артур пригляделся к нему. Издалека он не мог утверждать со всей уверенностью, но у коптера был такой вид, словно он не опустился с неба полминуты назад, а лежит здесь давным-давно. Лианы оплели корпус, надломанное крыло вросло в землю. Охранники подошли поближе, и Артур увидел, что они бледны и едва держатся на ногах.

- Матерь всего сущего! - потрясенно повторял один из них. Он был явно не в себе, и взгляд его скользил по Артуру, не видя его. - Только я стал разворачиваться, машина перестала слушаться. Матерь всего сущего! Руль просто примерз, вот оно как.

- Урия, здесь демон! - воскликнул второй, показывая на Артура.

Они оба шарахнулись назад, растопырив локти, и второй охранник выхватил газовый пистолет. Он лихорадочно нажал на курок.

Пуля выкатилась из ствола и упала к его ногам.

- Шлеп, - сказал первый охранник с дурацкой улыбкой.

Второй бросил газовый пистолет и прицелился в Артура из пистолета, стреляющего клейкими нитями. Руки у него тряслись.

- Ну! - крикнул он, и выстрелил.

Пистолет негромко кашлянул. Несколько тонких ниточек свесились из дула.

- Он нас заколдовал! - возопил Урия.

Оба охранника развернулись и бросились бежать в разные стороны. Один исчез в ложбине, заросшей кустарником. Второй скрылся за низкой каменной насыпью.

Артур медленно огляделся по сторонам. Все выглядело таким обычным и естественным, и все же... Где, например, пик Адамс? Большая и величественная гора была очень хорошо видна Артуру, когда он спускался. Ее невозможно не заметить. И где же она теперь?

Артур полагал, что стоит лицом на юг. Но, чтобы убедиться окончательно, он повернулся вокруг себя еще раз. На этот раз в пейзаже обнаружилась деталь, которой раньше не было. Чуть выше Артура на склоне стоял худощавый маленький человечек с постной миной на лице. Он был одет в сплошной белый комбинезон с короткими штанинами, который показался Артуру не слишком подходящей одеждой для здешнего климата.

- Эй, привет! - взмахнул он рукой.

- Привет, - осторожно ответил Артур.

Маленький человечек улыбнулся и спустился поближе. У него было круглое и розовое младенческое личико, черты которого были смазанными, почти неразличимыми - как детский рисунок.

- Я знал, что ты будешь здесь, - заметил он. - Вот я и подумал, что приду сюда тебя встретить. Elkanah!

Не обращая внимания на последние слова, Артур спросил:

- Ты мне не скажешь, где тут юг?

- Юг чего? - непонятно спросил человечек. - Ты же знаешь, все относительно.

- Юг этого самого места. Юг Белого пятна. Куда идти, чтобы выйти отсюда?

- А-а... Никуда. Отсюда просто нет выхода.

Человечек моргнул и вывернул шею, заглядывая Артуру в глаза.

- Это все, что здесь есть, - повел он рукой вокруг. - То есть, выше по склону есть еще немного места, но там все такое же, как здесь. La ilaha illa allah. Ты не можешь выйти из вселенной.

"Сумасшедший", - неуверенно подумал Артур. Неужели именно это происходит с людьми, которые попадают в Белое пятно? И они никогда не возвращаются потому, что начинают считать, что отсюда некуда идти?

Если это действительно так, что тогда? Артур попытался еще раз.

- Мы же попали сюда извне, - сказал он. - Мы прилетели вот на этой машине.

Он махнул рукой в сторону коптера. Ага, вот идея! Если ему удастся починить то, что сломалось в машине...

- О нет, - сказал маленький человечек. - Ты же знаешь, такие штуки летать не могут. Они тяжелее воздуха. Они падают.

Артур посмотрел на него, потом снова перевел взгляд на коптер. Было все-таки нечто необычное в том, как выглядела машина, или нет? Артур решительно зашагал вниз по склону.

- Ты хочешь посмотреть на эту штуку? - произнес человечек у него за спиной. - Хорошо.

Склон внезапно встал дыбом и вывернулся у Артура из-под ног, как будто тот потерял равновесие и, падая, совершил невероятный, гигантский скачок. Артур замахал руками, чтобы не рухнуть на траву. Но оказалось, что они с маленьким человечком стоят на совершенно неподвижной земле в двух шагах от лежащего коптера.

Коптер весь проржавел и покрылся грязью. И весь его корпус действительно был обвит лианами!

Артур повернулся и посмотрел на скромного маленького человечка. То, что он только что увидел и почувствовал, было невозможно. Значит, человечек каким-то образом убедил его, что это случилось. Или, наоборот - Артур только что видел, как это случилось, следовательно, это возможно. Чему верить?

- Но я прилетел на коптере, - сказал Артур. - И видел, как он приземлился здесь.

- О нет, - доброжелательно сказал человечек. - Не беда, это у тебя скоро пройдет. Пойдем и позаботимся о том, чтобы это прошло, прямо сейчас. Ты будешь чувствовать себя гораздо лучше. Пойдем, Артур.

- Откуда вы знаете мое... - начал было Артур.

Но человечек уже припустил вверх по склону. Его розовые младенческие пятки так и мелькали. Артур стиснул зубы и последовал за ним. За большим валуном они наткнулись на охранника по имени Урия, который бежал изо всех сил и не двигался с места.

- Quadhosh, quadhosh, Урия, - сказал человечек. - Теперь пойдем с нами.

Урия, бледный и запыхавшийся, выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок. Он беззвучно разинул рот и покорно зашагал вслед за Артуром.

На верхушке холма сидел второй охранник, прислонившись спиной к

упавшему дереву.

- Quadhosh, Дэниел. Пойдем с нами, - произнес человечек.

Охранник встал и присоединился к ним. Человечек повел их по едва заметной извилистой тропинке, которая через некоторое время спустилась в поросший елями овраг. Из оврага тропа непостижимым образом вывела их на высокий каменный гребень, который только что виднелся вдали, на расстоянии миль двух. Артур уже ничему не удивлялся. Как и охранники, он тихо хлопал глазами, вдыхал холодный, пахнувший хвоей воздух, и следовал за человечком послушно и молча.

Они прошли через старый сосновый лес, в котором стояла торжественная тишина, как в соборе, и вышли на залитый солнцем луг. Посреди луга, наполовину вросшие в землю и накренившиеся, стояли две аналоговые машины. Непонятно почему Артур ощутил странную уверенность, что видит самые древние аналоговые машины в мире.

- Вот мы и пришли, - радостно объявил маленький человечек. - Теперь ложитесь вот сюда...

Оба охранника повиновались. Человечек обеспокоенно повернулся к Артуру:

- Ты не против немного подождать? У нас редко бывает больше двух новичков, так что не было смысла делать еще одну машину. Но если хочешь, мы ее сделаем.

- Нет-нет, - еле выговорил Артур непослушными губами. - Я никуда не тороплюсь. Приступайте.

Он рассматривал машины. Угловатые, громоздкие, вдвое больше современных аппаратов. Надписи под старомодными циферблатами почти стерлись...

Человечек суеился вокруг машин. Охранники смиренно лежали на пыльных поломанных кушетках. Минутой позже он с сияющим видом отошел в сторонку.

- Lizkur! - произнес он и взмахнул рукой.

Охранники закрыли глаза. Обе машины загудели и замигали огоньками индикаторов.

Откуда бралась энергия? Артур раздвинул траву у основания ближайшей машины и нашел гнездо, куда должны подключаться энергетические кабели. Там не было ничего. Вообще ничего.

Маленький человечек неожиданно вынырнул у Артура из-под локтя. Артур смутился, но человечек обратился к нему с широкой улыбкой, как ни в чем ни бывало.

- Энергия повсюду вокруг нас, - сказал он и заговорщически подмигнул.

До сих пор Артур еще держался, но теперь у него просто отвисла челюсть. Он снова уставился на машину, наклонился и развел в стороны высокую траву. Вдоль основания машины тянулась надпись, сделанная выпуклыми металлическими буквами: "Компания по производству психотерапевтического оборудования, инкорпорейтед. Отделение Психиатрического института Каско, инкорпорейтед, Чикаго, Иллинойс. Модель 101".

Самая первая промышленная модель! Ей почти полторы сотни лет... Даже если бы она была подключена к источнику энергии, все равно такая старая машина уже не должна работать... Артур выпрямился. В голове у него гудело. Машины остановились. Охранники поднялись с кушеток. У обоих был такой вид, словно каждого только что избрали в президенты мира.

- Истина, - сказал один охранник другому, делая быстрые знаки пальцами.

- Вещество, - согласился второй, изящно взмахнув руками.

Оба посмотрели на Артура и сдержанно улыбнулись. Потом один из них под одобрительным взглядом маленького человечка взобрался на плечи товарищу, а оттуда шагнул прямо в воздух. Он сделал еще один шаг вверх, и еще шаг, и еще - пока не превратился в крошечную фигурку высоко под облаками.

Артур повернулся к оставшемуся охраннику. Тот сосредоточенно нахмурился. В следующий момент над его головой засиял тоненький золотой

нимб. Он висел в воздухе без никакой поддержки и ритмично пульсировал, как вывеска Магазина.

- О нет! - простонал Артур.

- О да, - торжественно произнес бывший охранник.

Огромная пума прыгнула на землю из ниоткуда, прошествовала мимо охранника и улеглась позади него. Следом за ней появился крошечный ягненок с длинной шерстью. Он лег рядом с пумой, прижавшись к ней боком. Животные устали на Артура обвиняющим взглядом.

- Хвала! - воскликнул бывший охранник. - *Mirabilia, mirabile dictu.*

Мы можем сделать все, во что верим, а поверить мы можем во все, что угодно!

И он величественно удалился в сопровождении пумы и ягненка.

- Ну вот, теперь твоя очередь! - радостно сказал маленький человечек, указывая Артуру на освободившуюся кушетку.

- Я... я не буду этого делать, если позволите, - отчаянно пробормотал Артур.

Что бы ни происходило с людьми под этим древним аналоговым шлемом, оно нарушало все известные ему законы, и Артур не хотел иметь с ним ничего общего. Он сделал шаг назад.

- Если вам в общем-то все равно...

- Но, - обиженно сказал человечек, - ты не можешь остаться здесь, если не пройдешь обработку.

- Вот-вот, - подхватил Артур. - Я немедленно уйду, если только...

- Но иди некуда. Я ведь тебе уже говорил. Негативные мысли, негативные мысли... Мне придется проявить твердость.

Человечек нахмурился. Волосы у него на голове встали дыбом и затрещали от электричества. Он вытянул указующую руку в сторону кушетки, и между его растопыренными пальцами заплескали синие искры.

Артур молча лег на кушетку.

Первое, что он увидел, когда пришел в себя, было сияющее личико человечка. Тот выжидательно смотрел на Артура. Артур медленно приподнялся и сел. За сияющим личиком маячили еще два лица. Их черты немного различались, но доброжелательная и постная мина на всех трех лицах была совершенно одинаковой.

Вспомнив последнее, о чем он думал перед тем, как лечь на кушетку, Артур сконцентрировался на макушке маленького человечка и пожелал: "Пусть здесь появится бабочка".

Артур не знал, чувствовать ли ему облегчение или тревогу, но никакой бабочки не возникло.

Три джентльмена - Артур заметил, что теперь все трое были одеты в одинаковые стерильные комбинезоны - по-прежнему смотрели на него с ожиданием. Оставалось только попытаться их обмануть и надеяться на успех.

- Хвала! - торжественно возгласил Артур.

Все трое просияли еще радостнее.

- Восприятие, - сказал стоящий слева, делая быстрые знаки пальцами одной руки.

- Сущность, - отозвался второй, описав правой рукой круг в воздухе.

- Постоянство, - подхватил третий, вытянув руку с соединенными первым и четвертым пальцами.

- Сообразность, - наугад сказал Артур, скручивая из пальцев фигуру, которая представлялась ему в меру мистической.

Судя по всему, он не угадал. Трое джентльменов подскочили с таким видом, будто Артур скверно выругался. Их постные мины сменились хмурыми. Артур испуганно попятился. Они взмыли в воздух и повисли над ним, как воздушные шарик на веревочке. Артур повернулся, и неизвестно откуда перед ним вдруг возникли новые люди - все с одинаковыми беспольными, смазанными лицами и глазами-пуговицами.

Они что-то забормотали в унисон, окружая Артура кольцом. Замелькали руки, замельтешили пальцы. Вдруг они все одновременно смолкли и устали на него. Затем, как по команде, они выбросили вверх левые руки и

выкрикнули одно слово. Звук обрушился на Артура, как удар грома.

Артур зажмурился и автоматически поднял руки вверх. Когда он снова открыл глаза, все окружавшие его бледные существа исчезли. Артур стоял в кольце света, золотистого, как растопленное масло. По ту сторону кольца на расстоянии футов десяти сидела, скрестив ноги и опустив голову, темноволосая девушка.

Девушка подняла голову.

- Ты! - сказала она.

Артур с трудом убедил себя, что перед ним та самая девушка, которую он последний раз видел во дворце радости в Дариене. И дело не в цвете волос. По существу все в ней отличалось от той девушки, которую он помнил. В конце концов Артур понял, что это он сам настолько изменился, и это понимание его потрясло. Три месяца в колледже буквально вывернули наизнанку его личность. В нем больше ничего не осталось от того человека, которым он был прежде.

Артур был сильно задет осознанием произошедших с ним перемен. Дело не в том, что он не узнал Анну. Но он вдруг понял, что, если бы он сейчас вернулся в Гленбрук и увидел своих родственников и знакомых, они были бы для него незнакомцами... Если можно так сильно измениться за столь короткое время, то что же произойдет с ним к концу обучения? Оставалась ли еще неизменной какая-то часть в самой глубине его души, или уже нет?

Артур и Анна шли по дну узкой долины, залитой медовым светом раннего вечера. Долина вела их на юг. Окружающее их золотое кольцо степенно плыло вместе с ними, куда бы они не шли - как будто кто-то в небесах светил на них прожектором. Кольцо не было особой помехой до тех пор, пока Артур и Анной не пытались разойтись в разных направлениях. Они только раз сделали такую попытку, и у Артура до сих пор правую ногу кололо, как иголками.

- Забудь на некоторое время о своих переживаниях, если ты на это способен, - сухо сказала Анна, - и закончи рассказ о том, что произошло в Консинде.

Артур уступил ее просьбе. Когда он добрался до смерти Хигсби, Анна остановилась, как вкопанная. Артур обернулся и посмотрел на нее. Девушка была бледна.

- Прости, - сказал он. - Я забыл, что ты его знала. Он для тебя много значил?

- Нет, - ответила Анна. - Не думаю.

Она молча дослушала рассказ Артура про суд и Ссылку.

- Значит, тебе не удалось связаться с Лодермилком? Ни с кем из колледжа?

- У меня не было времени, - ответил Артур. - Кроме того, я поддерживал связь только с Хигсби.

Анна нетерпеливо кивнула.

- У тебя есть коммуникатор? Хотя какое-нибудь устройство связи?

- Только это, - сказал Артур, показывая на аппарат в ухе. - Приемник без передатчика. И я не слышал в нем ни шороха... сейчас подумаю... с тех самых пор, как Хигсби подобрал меня на выходе из пещер.

Анна стиснула кулаки в бессильной ярости.

- Но Хигсби передал всю информацию, - сказал Артур.

- Откуда ты знаешь? Ты уверен?

Артур открыл было рот, и снова закрыл.

- Н-ну... я думаю, да. Теперь я вспомнил - когда я спросил Хигсби об этом, он не ответил. Но он ведь должен был ее передать, верно? Я не могу придумать причин, почему бы он этого не сделал.

- Я тоже. Но мы не можем быть уверены.

Анна остановилась, нервно сжимая и разжимая кулаки и хмуря лоб.

- Мы должны выбраться отсюда! Или хотя бы передать наружу сообщение.

Она задумчиво уставилась на пологий склон, к которому выходила долина.

- Ну что, это место похоже на то, где ты приземлился?

Артур с сомнением огляделся.

- Может быть, но... Нет, это не оно. Коптера нет. Если бы это было то самое место, вон там лежал бы коптер.

- Коптера в расчет не бери. Они всегда исчезают через несколько часов после посадки. Корнаниты не верят в летающие машины.

- Кто?

- Корнаниты. Их основателем был Корнан, он и создал Белое пятно. Он не верил в коптеры, и его последователи тоже не верят.

- Ха! - сказал Артур. Потом нахмурился. - Слушай, ты здесь уже сколько времени?

Анна пробормотала что-то себе под нос.

- Что?

- Больше месяца. Значит, если не считать коптера, это то самое место? Хорошо. Теперь вспомни, какое расстояние ты пролетел в тумане, прежде чем приземлился?

Артур задумался.

- Немного. Примерно сотню-полторы ярдов.

- Значит, граница должна пролегать вон там, по гребню невысокого холма.

- Получается так. Но ее там нет! За этим холмом нет ничего кроме таких же холмов. Отсюда должны быть видны горы - две высоких вершины в снежных шапках. А их нет.

- Знаю. И все-таки, если мы не ошиблись, граница здесь. Она есть и ее нет. Selah.

- Я тебя не понимаю, - сердито сказал Артур. - Если она есть, то почему ее не видно? А если ее нет, то куда она делась? Если какая-то вещь существует, то она существует независимо от того, верит в нее кто-то или нет. Разве не так?

Анна странно напряглась всем телом. Она слепо повернулась к Артуру и вцепилась обеими руками в складки его платья.

- Если бы ты только знал, - сдавленно проговорила она, - как я была рада тебя увидеть...

Крайне удивленный, Артур помог ей сесть прямо на траву. Суровое, даже жесткое лицо девушки разгладилось, стало по-детски беззащитным. Ее влажные глаза смотрели в никуда. Артур коснулся ее рук, и она ухватилась за него еще сильнее. Он высвободил одну руку и обнял Анну за плечи. Тело девушки было горячим. Ее била дрожь. Артур решил попробовать поцеловать Анну. Он не был готов к тому, как она ответила на поцелуй. Распрямившись, словно стальная пружина, Анна обрушилась на него. Он был искусан, растерзан и повержен, прежде чем успел опомниться. Потом это превратилось в состязание равных.

Анна откатилась в сторону и со вздохом села. Она улыбнулась Артуру.

- Это было мне необходимо, - сказала она.

Артур рассеянно похлопал себя по несуществующим карманам в поисках столь же несуществующих сигарет. Он посмотрел на Анну с глуповатой улыбкой. Она сухо улыбнулась и покачала головой.

- У меня тоже нет. Я провела здесь пять недель. Каждый день они пытались меня воспитывать. Я уже стала чувствовать...

У нее перехватило горло. Анна умолкла и стала яростно выщипывать траву.

- Все в порядке, - сказала она спустя несколько минут. - Уже прошло.

- Ты сказала "пытались воспитывать", - заговорил Артур. - При помощи машин?

Анна покачала головой.

- Нет, конечно. Машины на меня не действуют. И корнаниты этого не могут понять. Судя по всему, мы с тобой - первые настоящие иммунные, которые сюда попали. Корнаниты просто с ума из-за меня сходят. Они

считают, что либо должны обратить меня, либо...

Она снова умолкла и с трудом проглотила слюну.

- Обратить... во что? - спросил Артур. - Расскажи мне, пожалуйста, если сможешь. Как это все у них получается? С чего они начинают?

- Здешние машины, - устало начала Анна, - настроены так, чтобы заставить человека поверить, что он способен достичь чего угодно одним лишь усилием воли. А когда ты действительно, по-настоящему в это веришь - получается, что ты и в самом деле на это способен.

Они посмотрели друг на друга.

- Но... - пробормотал Артур и умолк. А на губах его остался невысказанный вопрос: "Как?"

- Не знаю, - ответила Анна. - Видимо, это одна из скрытых способностей человека.

Она помедлила в нерешительности, затем взяла щепотку земли, перемешанной с травинками.

- Гордон однажды объяснял мне. Не могу сказать, что я все поняла, но то, что поняла, могу рассказать тебе. Вот все, что мы знаем о себе и о вселенной. - Она показала Артуру щепотку мусора. - А вот, - она повела вокруг рукой, - то остальное, чего мы не знаем. Мы просто слишком мало знаем, чтобы с уверенностью говорить, что знаем все хоть о чем-нибудь. Возможно, есть вещи, которые мы не умеем делать только потому, что никогда и них не слышали. Или потому, что уверены в их невозможности.

- Но, - сказал Артур, - если человек так запросто может обрести столь колоссальную мощь, то почему ей владеет только эта горстка людей? По законам вероятности, все человечество должно было научиться этому уже миллионы лет назад.

- Идея нежизнеспособна, - медленно произнесла Анна. - Корнаниты не верят в половое размножение.

Артур воззрился на нее, отвесив челюсть.

- Ты хочешь сказать, что...

- То, во что они не верят, здесь НЕ СУЩЕСТВУЕТ. В Белом пятне не рождаются дети... Правда, корнаниты не верят и в смерть, но иногда кто-нибудь чувствует, что устал существовать. Тогда он просто исчезает. Корнаниты говорят, что он перешел в другую плоскость реальности. Но если другие общества перестанут поставлять им людей, корнаниты постепенно исчезнут.

- Я как раз думал, - заметил Артур, - что не видел здесь ни одной женщины. Кроме тебя.

Анна коротко и неприятно рассмеялась.

- Среди них есть женщины. То есть, здесь есть люди, которые прежде были женщинами. Как и люди, которые прежде были мужчинами. Их невозможно отличить друг от друга. Они все абсолютно одинаковые. Как куклы.

Артур смотрел на нее с ужасом.

- Ну что, может, поговорим о чем-нибудь другом? - сухо поинтересовалась Анна.

Артур на мгновение задумался.

- Давай поговорим о том, как отсюда выбраться, - предложил он. - Это будет лучше всего. Нет, подожди-ка. Это, в сущности, одно и то же. Меня беспокоит вот какой вопрос - преподаватель в колледже делал на нем особенный акцент, когда рассказывал о теории аналогов. Он говорил, что аналоговая обработка способна заставить человека поверить в нечто, не соответствующее истине, однако она не может уберечь его от последствий такой веры. Я хочу сказать, можно заставить человека поверить, что посредине комнаты ничего нет, хотя там стоит стул. Но он все равно зацепится за стул и упадет! Вот чего я никак не могу понять в корнанитах... Я понимаю, что теорию следует менять в соответствии с наблюдениями, но как...

- Очень просто, - заметил чей-то приятный голос. - Наш основатель верил, что машины способны дать людям Силу. Поэтому они, разумеется, способны это сделать.

Бесполое существо в белом комбинезоне подошло ближе и пристально посмотрело на Анну. Девушка попыталась отвернуться. Артур видел, как напряглись мышцы на ее шее. Но повернуть голову она не смогла.

- Все еще нет, - разочарованно сказал человек. - Pollice verso.

Он... или она?... а, скорее, оно отошло прочь. Анна тряхнула головой и закрыла глаза.

- У нас мало времени, - сказала она. - Сейчас они устроят совещание. А потом - то, что нам только что сказали. Pollice verso. Это значит, что они нас уничтожат.

Вдруг она сморщилась и пробормотала что-то себе под нос.

- В чем дело? - спросил Артур, беря ее за руку.

- Все это время, - прошептала она. - Днем и ночью, без передышки. Они говорили и говорили мне... Нет, ты не поймешь.

Анна поймала его взгляд, и Артур вздрогнул - такая боль читалась в ее глазах.

- Пять недель! У них было пять недель, чтобы меня убедить. Это выворачивает наизнанку всю душу! Они отчаялись обратить меня без помощи машин... Но на самом деле им это почти удалось.

Ее слова оглушили Артура.

- Ты хочешь сказать, что ты?... А они знают?

- Нет. Я ни разу не выдала себя в их присутствии. Но оно делается все сильнее и сильнее.

Анна снова закрыла глаза. Артур встряхнул ее за плечи.

- Очнись! Не время сдаваться!

Тело девушки стало словно ватным, но Артур все-таки поднял ее на ноги. Минутой позже Анна оттолкнула его.

- Я могу идти сама, - сказала она слабым, но твердым голосом.

Она начала спускаться по склону неверными шагами. Артур шел позади. Они взобрались на следующий холм, и Анна устремила взор в неразличимую даль, пытаясь обнаружить какую-то деталь, за которую можно было бы зацепиться. Где же пролегает невидимая и неосязаемая граница? Здесь? Или там?

Анна внезапно опустилась на землю. Артур сел на корточки рядом с ней и задумался. Может ли Белое пятно на самом деле представлять собой эйнштейновскую вселенную в себе? Тогда маленький человечек не лгал, говоря, что отсюда нет выхода. Артур подобрал прутик и стал чертить рисунок на земле. Пусть этот овал изображает Белое пятно. Поставим наверху точку А, а внизу точку А'. Левую сторону отметим В, а правую - В'. И так далее: С напротив С', D напротив D'. И это будет означать... будет означать, что неважно, в какой точке ты пытаешься покинуть Белое пятно. Ты просто тотчас вернешься в него с противоположной стороны. И ты даже не осознаешь, что в мгновение ока пересек всю территорию, лежащую за пределами Белого пятна - потому что для тебя точки С и С' будут непосредственно соседствовать друг с другом.

Так как же можно определить, где проходит граница?

Артур прочертил линии рисунка поглубже и уставился на него, наморщив лоб. Хорошо. Предположим, существует цепь холмов, которая частью расположена внутри магического круга, а частью снаружи. Тогда для наблюдателя, находящегося внутри Белого пятна, гряда должна резко обрываться в каком-то месте. Ведь так? То же самое верно для других деталей пейзажа - больших валунов, например, или деревьев. Любой предмет, оказавшийся прямо на границе, должен казаться рассеченным пополам.

Артур взволнованно подскочил с места и стал озираться по сторонам.

- Не нужно их недооценивать, - устало произнесла Анна.

Да уж, горько подумал Артур. Они и впрямь куда умнее, чем он о них подумал. Они могут установить границу Белого пятна, где им заблагорассудится. Им вовсе незначит рассекать пополам валуны и творить прочие глупости в том же роде.

Анна снова что-то пробормотала себе под нос и пошевелилась. Лицо ее сморщилось, словно от боли. Глаза были плотно зажмурены, а губы

полуоткрыты. Вдруг это стало казаться Артуру самым важным. Что происходит в Анной? Она высказала опасение, что корнанитам вот-вот удастся обратить ее, сделать ее одной из них. Судя по всему, сейчас Анна из всех сил боролась с ними. Если она проиграет, в Белом пятне станет одним бесполом мистиком больше. И останется только один человек, чуждый этому месту. Артур.

Анна что-то пробормотала, застонала и произнесла неожиданно внятно:

- Готовься!

Она открыла глаза, взглянула на Артура с болью и страхом и начала подниматься на ноги.

Внезапно вершина холма заполнилась толпой низкорослых существ в белых комбинезонах. Все они стояли неподвижно и смотрели на Анну и Артура блестящими глазами-пуговицами. Анна рухнула обратно на землю рядом с Артуром, и он обнял ее за плечи.

Один из корнанитов указал на них обвиняющим жестом.

- Какой участи заслужили эти двое?

- Да будут они прокляты! - откликнулся стройный хор.

- Вы нечисты, и грязь ваша порочна! - возгласил первый корнанит. -

Ибо вы прошли очищение и не очистились. И больше вы не подвергнетесь очищению, но испытаете на себе наш праведный гнев в полной мере!

Хор эхом повторил его слова. Другой корнанит вдруг выхватил из ниоткуда тяжелый канделябр с четырнадцатью зажженными свечами. Размахивая им, корнанит затянул нараспев:

- Eum a societate omnium Cornanitorum separamus, et a liminibus sanctae Conditoris Ecclesiae in coelo, et in terra excludimus...

Артур ощутил, как холодный пот струится у него по спине.

- Что они делают? - повернулся он к Анне.

- Изгоняют нас, - шепотом ответила она. - Читает молитву, которая выбросит нас из мира...

Артур ухватился за последнюю надежду.

- Из этого мира? В тот, откуда мы прибыли?

- Из мира вообще. Они просто уничтожат нас!

- ...et damnatum cum diabolo, et angelis eius...

Теперь весь хор размахивал канделябрами, и холм осветился трепетным бледным светом.

- Vikatah! Vikatah! - вскричали корнаниты.

Артур пытался подняться на ноги, но они словно вросли в землю. Анна навалилась на него всем телом, так что Артур едва удерживал равновесие. Она что, опять потеряла сознание?

- Анна!

Девушка не отвечала.

- ...doneo a diaboli laqueis resipiscat, et ad emendationem...

Анна застонала и заворочалась в объятиях Артура. Внезапно она выпрямилась, и Артур почувствовал, как напряглась ее спина. Ему не было видно лица девушки, зато он увидел, как ближайший корнанит уставился на Анну в немом изумлении и яростно замахал канделябром.

- Стойте! Стойте! - закричал он, обретя наконец дар речи. - Она обретает Силу!

Произошло всеобщее замешательство. Хор сбился с ритма. Ведущий уронил канделябр. Анна поднялась на ноги, и Артур тоже встал, продолжая ее обнимать. Девушка тянулась вперед всем телом, так что Артуру было трудно удерживать ее. Затем, к его вящему ужасу, в распушившихся волосах Анны замелькали синие искры.

Корнанит, который вел церемонию, опомнился, подобрал канделябр и заверещал:

- Она хочет сбежать! Продолжайте, in interitum carnis - carnis, ut spiritus eius salvus fiat in die indicii. А теперь все вместе!

Синие искры замельтешили в воздухе, перепрыгивая с одного корнанита на другого.

- Fiat, fiat, fiat! - заголосил хор.

Вдруг голоса сорвались в вой. Артуру показалось, что все канделябры полетели в них, а земля под ногами дрогнула...

В следующий миг ему показалось, что они с Анной совершили гигантский скачок. Девушка рванулась вперед, увлекая за собой Артура с совершенно немыслимой силой.

Анна сдалась. Обратилась в веру корнанитов, обрела Силу - и воспользовалась ей, чтобы переместить себя и Артура.

Они приземлились на склоне холма.

Вокруг было пусто и тихо. Ошеломленно оглядываясь по сторонам, Артур убедился, что корнанитов поблизости нет. Не более чем в половине ярда позади них колыхалось нечто... не туман, но странная дымка - искажающая пропорции, непрозрачная... В ту сторону было неприятно смотреть: начинали болеть глаза и кружиться голова.

Это была граница Белого пятна, а они находились снаружи. А на юге, за грядой высоких холмов, высилась величественная гора с заснеженной вершиной, которая не могла быть ничем иным, кроме как пиком Адамс.

Анна лежала на траве без движения, как сломанная кукла. Она была смертельно бледна, на лбу выступили крупные капли пота, под глазами залегли глубокие тени. Артур поднял ее на руки.

- Анна! Анна?

Девушка застонала и пошевелилась.

- Что случилось? - слабо прошептала она. - Где мы?

Прежде, чем Артур успел ответить, давно забытый коммуникатор в его ухе внезапно ожил.

- Тревога! Тревога! День "Д"! Армия Консинда перешла границу Опотра в районе Сакраменто. По непроверенным данным, граница нарушена еще в двух местах по другую сторону континента. Это война! Повторяю: война!

15. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Утром третьего дня после бегства из Белого пятна Артур и Анна спустились с холмов, двигаясь все время вниз по течению реки. Они вышли к грязному городишке, построенном в месте впадения притока в реку Колумбия. Все эти дни трудного пути ушли у них на то, чтобы преодолеть расстояние, которое коптер Охраны пересек за десять минут.

Анна сильно изменилась. Артур предполагал, что это случилось в тот миг, когда она совершила чудо, вызволившее их из Белого пятна. Он долго не замечал перемен, потому что они произошли глубоко внутри - а снаружи почти не отразились. Жесткость и резкость покинули ее, но вместе с ними ушла большая часть жизненной энергии. Анна упорно молчала о том, как ей удалось их спасти, и Артуру тоже не позволяла заикнуться об этом. На все остальные темы она разговаривала спокойно, сдержанно и рассудительно. Она тотчас откликалась на любой вопрос или замечание, отвечала максимально кратко и умолкала. Как будто она просто утратила интерес ко всему.

Артур был голоден и грязен; он замерз и устал, как собака. Коммуникатор в его ухе выкрикивал тревожные сообщения с небольшими интервалами весь первый день. Когда он затих, Артур взволновался еще больше. Впервые в жизни он был абсолютно свободен в своих действиях - и одновременно полностью отрезан от потока информации, который у него ассоциировался со свободой. Потерять доступ к информации было все равно, что лишиться наркотика. Артур чувствовал, что какие-то потрясающие события - ужасные, а, может быть, и восхитительные, - происходят в его отсутствие. И это сводило его с ума.

Там, в большом мире, творилось нечто, потрясающее самые его основы - а Артур здесь, в глуши, не знал, какое место найдется для него в меняющейся жизни. Он даже не определил еще своего отношения к Анне, которая молча шла рядом, как сомнамбула... Кто она ему? Незнакомка. Незнакомка, которая, вполне возможно, пожертвовала своей жизнью, чтобы

спасти его...

Артур оставил Анну в укрытии за пределами городской черты, а сам пробрался в город, чтобы украсть одежду и коптер. Артур двигался быстро, соблюдая лишь минимум предосторожностей. У него не было настроения прятаться. Артур выглядел крайне подозрительно: грязный, оборванный, весь в царапинах от зарослей ежевики. Но он с удивлением обнаружил, что ему просто плевать на то, что кто-то может его увидеть.

Уверенность в себе и быстрота ему помогли. Артур добыл и одежду, и коптер, узнав мимоходом, что город называется Келсо. Получается, что они вышли на добрых двадцать миль западнее, чем полагали. Город находился на опотровской территории - это означало, по крайней мере, что в костюме Артура были брюки. Уже хорошо!

Артур посадил коптер на поле неподалеку от того места, где он оставил Анну. Анна вышла ему навстречу, не задерживаясь. Но шла она той странной небрежной походкой, которая за последние дни стала основательно раздражать Артура. У нее был такой вид, как будто ей было безразлично - прилетел за ней Артур или не прилетел, дойдет она до коптера или не дойдет... Артур нетерпеливо втащил ее в кабину и взлетел, одной рукой переключая клавиши видеокommunikатора.

- ...третий день вторжения демонов, - на полуслове ворвался в кабину чей-то голос. - Сейлем по-прежнему объят ужасом.

Экран осветился вспышкой, и на нем постепенно проступило изображение. На экране появился нервный молодой человек, который делал драматические паузы и поминутно отбрасывал со лба спадающий локон. Красный луч в изображении регулярно пропадал - надо полагать, что-то было не в порядке с оборудованием. Или с инженером.

- Охранники, прибывшие из Спокана, продолжают попытки подавления мятежа в старых районах города. Мы снова предупреждаем потребителей и администраторов низших рангов, чтобы они держались подальше от этих районов, если у них нет специальных инструкций. - Молодой человек прокашлялся. - Официальные церемонии по случаю Дня основателя пройдут завтра на всем континенте. На среднем Западе будет отмечаться день основателя Дайна, на западе, юге и юго-западе - день основателя Гласскока. В Сейлеме традиционная демонстрация проводится не будет из-за...

Артур выключил коммуникатор и повернулся к Анне. Девушка сидела рядом с ним с выражением вежливого интереса на лице. Она посмотрела на Артура так, словно ей было любопытно, что скажет Артур, но она могла и подождать.

- Анна, - сказал он, - что тебе известно о планах на случай дня "Д"?

- А что ты хочешь узнать?

Артур скрипнул зубами.

- Где сейчас могут быть люди из колледжа? Лодермилк и все остальные? Как нам восстановить контакт с ними?

- Не знаю. Могут быть разные варианты. Они могли отправиться в Рейносуд, на базу иммунных к северу от Эрмосильо. Или в Район четыре, Пенхэнгл. Или в Финикс. А могли остаться в колледже, закрыться в подземных помещениях.

- А что должны делать такие, как мы? Агенты, потерявшие контакт?

- Я знаю один явочный адрес, где мы можем подождать, пока кто-нибудь с нами не свяжется.

Артур обдумал этот вариант, и он ему не понравился.

- И сколько нам придется ждать?

- Трудно сказать. Пожалуй, около недели.

Артур так вцепился в руль, что костяшки на пальцах побелели.

- Анна, мы не можем ждать неделю! Там, внизу, идет война!

- Теперь Лодермилк уже знает об этом, независимо от того, предупредил его Гордон, или нет, - рассудительно ответила она. - Торопиться некуда.

- А если бы было куда? - воскликнул Артур. - Что мы можем сделать еще, кроме как сидеть на этой явочной квартире, пока не посеем?

Анна задумалась.

- Единственный адрес, который мне известен здесь, на севере, это во

Фриско.

Она помолчала и добавила:

- Десять против одного, что этого человека сейчас нет на месте.

- Неважно! - сказал Артур.

Единственным способом попасть в нужный им район Сан-Франциско было посадить коптер в пределах городской черты, что было запрещено законом. Они видели над городом другие частные коптеры, так что рискнуть стоило. На улицах творилась невообразимая суматоха. Судя по тому, что они видели с воздуха, в Беркли и на побережье было так же - если не хуже. Сан-Франциско подвергся вторжению дважды: один раз со стороны Консинда, второй раз со стороны Еторга.

Артур смотрел, как группка дерущихся граждан Опотра и Консинда потонула в нахлынувшей волне еторговцев. Опотровцы и консиндцы продержались недолго. Весь рисунок сломался, и тут же начал складываться по-новому.

То, что он видел здесь, несомненно, повторялось в тысячах мест по всему континенту. Как получилось, что вторжение распространилось настолько быстро?

Артур и Анна находились в нескольких кварталах от дома, где жил известный Анне связной. Артур попытался связаться с ним по телефону из будки рядом с домом, на крышу которого они посадили коптер, но линия была забита приоритетными звонками. Если они не собирались отказаться от этого варианта и улететь прочь, им оставалось только добраться по нужному адресу пешком - пробиваясь через уличные драки.

Артур еще раз окинул беспорядок на улице критическим взором, потом с сомнением оглядел Анну. В ее теперешнем состоянии девушка будет ему скорее помехой, чем подмогой, но Артур ни за что не хотел оставлять ее одну. Он не был уверен, что застанет ее на месте, когда вернется... если вернется.

- Пойдем, - сказал Артур.

Он схватил Анну за руку и бегом потащил по тротуару, прижимаясь к стенкам зданий. Первую сотню ярдов им везло. Все, мимо кого они пробежали, были слишком поглощены собственными делами. Потом Артур с Анной завернули за угол и угодили в огромную клубящуюся толпу, которая только что развалилась на части.

На Артура, размахивая руками, вывалился из толпы мужчина с безумным взглядом. За ним второй, третий. Артур сбил с ног первого и второго, а третий поднырнул ему под руку и мертвой хваткой вцепился в плечо.

Артур попытался стряхнуть вцепившегося, не сумел, и с силой ударил его свободной рукой в солнечное сплетение. Мужчина упал, но промедление оказалось для Артура и Анны роковым. Их окружили, стиснули со всех сторон, и они оказались в самом центре группы опотровцев, осаждаемой вопящими еторговцами.

Естественным желанием Артура было драться. Но он подавил инстинкты, прижал Анну к себе и расслабился, позволив толпе нести их, куда угодно. Когда через несколько ярдов группа распалась под ударом компактного отряда консиндцев, им удалось выскользнуть из свалки и продвинуться еще на пол-квартала, прежде чем их снова затерло в толпу. Вырвавшись на свободу в следующий раз, Артур увидел нужный им номер на соседнем доме, и быстро втащил Анну в подъезд.

Они посмотрели друг на друга. Оба покраснелись, были растрепанными и грязными, а одежда на них буквально висела клочьями. Анне сильно расцарапали щеку, но это было самое серьезное из повреждений. Артур увлек девушку вверх по лестнице.

Квартира, которую они искали, была заперта. На звонок никто не ответил. Артур присмотрелся к замку и обнаружил, что это элементарная щеколда, приделанная с внутренней стороны двери уже после постройки дома. Сам дом, судя по всему, был построен в начале первого столетия аналоговой эры, когда считалось, что замки на дверях ни к чему. Артур разбежался и

бросился на дверь, потом еще раз, и еще. Дерево треснуло, и дверь распахнулась.

Квартира была пуста. В шкафах все еще была одежда, а в кухонном автомате - еда, но воздух застоялся, и на всем лежал толстый слой пыли. Артур бегло осмотрел все комнаты и вернулся в прихожую. Анна не двинулась с места. Она рассматривала ковер, как будто ее очень заинтересовал рисунок. Артур махнул на нее рукой и вернулся в кабинет, чтобы поискать, не найдется ли чего-нибудь полезного в бумагах. Через некоторое время Анна последовала за ним.

Артур осмотрел кабинет и ничуть не удивился, обнаружив, что он пуст. Вдруг он услышал за дверью негромкий шорох, обернулся и увидел, что в дверях мелькнула невысокая шуплая фигурка. Артур рванулся за ней, и догнал на выходе из квартиры. Раздался визг, Артур получил болезненный удар локтями по животу, стукнул убежавшего по макушке, и только теперь смог рассмотреть свою добычу.

Это оказался мальчишка лет пятнадцати, одетый в лохмотья, которые когда-то были опотровским костюмом потребителя средней руки. На перепачканном лице слезы проложили две дорожки от глаз к подбородку. В углу рта засохла кровь.

Артур занес его обратно в квартиру.

- Кто это такой? - спросил он Анну.

Девушка присмотрелась к мальчишке, осторожно повернув его голову лицом вверх.

- Томми Гарсия, - сказала она через пару минут. - Не иммунный. Наш здешний агент использовал его как посыльного.

- Тогда он может что-нибудь знать. Принеси воды.

Мальчишка застонал и пришел в себя. Он переводил затравленный взгляд с Артура на Анну и обратно.

- Что ты здесь делал? - требовательно спросил Артур.

- Мистер Пол сказал, что я могу приходить сюда, - заныл мальчишка. - Что случилось, я упал? Мистер Пол дал мне ключ, чтобы я следил за квартирой, но я...

- Куда направился мистер Пол?

- Он мне не сказал! Я хотел давно прийти сюда, но я так устал, я просто шага сделать не мог... Меня брали в плен три раза. Я думал, что это никогда не кончится. Я рад, что вы наши, опотровцы, а не всякие там демоны. Правда, рад! Меня уже три раза...

- Кто тебя брал в плен? - спросил Артур.

- В первый раз еторговцы. Это они так себя называют. Они сказали мне, что я теперь тоже еторговец, сунули меня в машину, и - клянусь, так все и было! - я ел грязную пищу со значком Е/Т и помогал брать в плен других наших, чтобы они стали такими же. А потом меня захватили консиндцы. Это было вчера. Клянусь, я никогда так тяжело не работал...

Артур с отвращением обвел комнату взглядом в последний раз, и вышел в коридор. Анна и мальчик последовали за ним. Мальчишка продолжал говорить без умолку.

- ...ни минутки не отдыхал, потому что нужно было ловить демонов. И когда это все уже кончится, а?

Они притаились на выходе из подъезда, высматривая, что творится на улице.

- А кто взял тебя в плен третий раз? - рассеянно поинтересовался Артур.

- Не было никакого третьего раза, - раздался у него за спиной мальчишеский голос.

Тонкая прочная веревка взлетела в воздух и обвила Артура и Анну.

- Эй, парни, сюда! - заорал мальчишка во всю глотку.

От толпы отделились два консиндца и поспешили к ним. Ругаясь, Артур обернулся, пытаясь схватить мальчишку. Тот отпрыгнул в сторону и заплясал

на месте, не отпуская веревки. Артур рванулся к нему, потащив за собой Анну, и ухитрился пнуть мальчишку в колено.

Мальчишка упал, глядя на Артура со страхом и упреком, и выпустил веревку. Артур успел размотать ее как раз вовремя. Два консиндца ворвались в подъезд, и он столкнул их лбами друг с другом. Схватив Анну за руку, он выскочил на улицу.

Обратный путь оказался еще более утомительным. Сюда их несла толпа, обратно пришлось выбираться против течения. Артуру пришлось без устали работать локтями, да и кулаки он пустил в ход не единожды.

Привычка притупила восприятие, но, все равно, к тому времени, когда они добрались до коптера, Артур весь кипел.

- Тот явочный адрес, который я упоминала, находится всего в нескольких сотнях миль отсюда, - равнодушно заметила Анна.

- Нет! Я не намерен отсиживаться, пока идет война. Ты можешь лететь туда. Я найду тебе еще один коптер.

Анна пропустила его последние слова мимо ушей.

- Тогда у нас остается Рейносуд, Пенхэнгл, Финикс или колледж. Что выберем?

Артур глубоко задумался, сосредоточенно грызя ноготь.

- Иммунные, как будто, никакой особой опасности не подвергались...

Анна пробормотала что-то в знак согласия.

- ...и провалов в нашей организации тоже не было. Меня на суде вообще ни о чем не спрашивали. Но, если бы я провалился, я бы втянул уши и сидел тихо. Думаю, нам стоит попытаться слетать в колледж.

Студенческий городок с воздуха казался вымершим. Таким он и был. На улице им встретился только беспризорный пес; в здании администрации и в аудиториях не было ни души. Артур направился к ближайшему замаскированному входу в подземелье и пошарил рукой в поисках потайной панели управления дверью. Ее на месте не оказалось.

Он присмотрелся внимательнее. На стене не было ни следа панели управления; более того, ни следа самой двери. Даже щели толщиной в волос, и той не осталось. Артур недоверчиво постучал по стене в том месте, где раньше была дверь. Стена казалась совершенно цельной. Она и была цельной. Обыкновенная каменная стена: стучи - не стучи, ничего не добьешься.

- Втянул бы уши и сидел тихо, так ты сказал? - пробормотала Анна.

Артур задумался. Они бродили по колледжу почти час. Если кто-то и наблюдал за ними из подземелья, похоже было на то, что он решил их не выпускать. У Артура задержался подбородок.

С мрачной решимостью Артур пронесся по лабораториям в поисках какого-нибудь тряпья, способного гореть. Анна неторопливо следовала за ним. Наконец Артур собрал несколько тряпок, привязал их к лекторской указке, окунул в смазочное масло и поджег. Повалил черный вонючий дым - именно то, что нужно было Артуру.

С импровизированным факелом в руке он стал обходить все аудитории, поднося факел к вентиляционным решеткам и следя, втягивают ли они в себя дым. На десятой попытке ему повезло.

Артур стоял под решеткой, самодовольно наблюдая, как дым исчезает из вида, пока не услышал позади негромкие шаги. Он обернулся, и тут в них с Анной полетели клейкие нити, приклеив их друг к другу и спутав по рукам и ногам. Разорвалась газовая капсула, и в тот же момент Артур получил основательный удар по макушке. "Очень эффективно, - сердито подумал он. - И где они были раньше?"

В одной из комнат помещения, которое раньше занимал консиндский клуб, несколько студентов сидели под огромной картой середины континента, испещренной флажками на булавках. Судя по фигурам, образованным булавками, привычные очертания территорий Опотра, Еторга и Консинда расплылись и

перемешались. Карта была вся истыкана булавками - судя по всему, на ней активно отмечались текущие изменения. Однако прямо сейчас никто не обращал на нее внимания. Двое студентов работали на ортотайперах, один - на маленьком литографическом прессе, еще один что-то переписывал из толстого справочника таблиц, а остальные сгрудились вокруг чего-то, чего Артуру не было видно.

Из другой комнаты быстрым шагом вышел светловолосый старшекурсник. Артур узнал его. Это был Хови, проктор архидепутата. Студент, который доставил в подzemелье Артура и Анну, остановил его.

- Эти двое говорят, что побывали в Белом пятне и выбрались наружу. Прилетели сюда через Сан-Франциско.

Хови остановился и внимательно всмотрелся в их лица. Он коротко кивнул Артуру, пригляделся к Анне и перевел взгляд на провожатого.

- Обыскали? Проверили? Хорошо. - Он глянул на часы. - Пойдемте.

Провожатый отошел в сторонку. Хови посторонился, пропуская Анну и Артура во внутреннюю комнату, и вошел следом за ними.

В большой центральной комнате было полно народу. Мужчины и женщины сидели за коммуникаторами. Хови провел Артура с Анной через центральную комнату к закрытой двери одной из маленьких комнат. Сначала он заглянул туда сам, а потом позвал их.

Лодермилк сидел за столом, а на столе перед ним стояла консоль коммуникатора. Он сосредоточенно слушал чей-то отчет, и лишь машинально поднял взгляд на звук открывающейся двери. Лодермилк скользнул по вошедшим рассеянным взглядом, и тут узнал Анну и Артура. Он судорожно вздохнул и уронил руки на стол. Из глаз его покатились слезы, оставляя дорожки на старческих морщинистых щеках.

Хови встревоженно бросился к нему, но Лодермилк отстранил помощника.

- Все в порядке, - сказал он. - Простите.

Слезы текли у него по лицу, но он улыбнулся счастливой улыбкой, глядя на Анну и Артура, как на потерянных и вновь обретенных детей.

- Я думал, что вы оба умерли, - сказал Лодермилк.

У его локтя что-то сварливо бубнил коммуникатор. Лодермилк сердито обернулся к консоли. Произошло легкое замешательство. Хови вышел из комнаты, Лодермилк сказал в коммуникатор:

- Две минуты. Только две минуты.

И выключил аппарат.

- Расскажите мне все, что с вами произошло, - дрожащим от волнения голосом произнес Лодермилк. Сделал паузу и добавил: - За две минуты.

Они попытались. Разумеется, и минуты не прошло, как звонок коммуникатора задребезжал снова. На аппарате яростно мигала лампочка аварийного вызова, и Лодермилку пришлось снять трубку.

- Да?

Коммуникатор затараторил что-то неразборчивое.

- Хорошо. Нет, сидите и не высовывайтесь. Наблюдайте.

Снова бормотание.

- Это все. Вы уже больше ничего не успеете сделать. Конференция начинается прямо сейчас.

Лодермилк не успел выключить коммуникатор, как тот снова зажужжал и замигал лампочкой. Артур и Анна сидели и слушали, как Лодермилк дает кому-то указания ожидать замены районного бюро контролеров в течение часа. Тут же Лодермилк вызвал Хови, велел ему выслушать какое-то описание и поставить на уши всех связистов. Хови исчез, а минутой позже просунул голову в дверь и доложил:

- Нашли. Он на севере Севена. Часа через три.

Артур заворожено наблюдал за тем, как работает Лодермилк. Архидепутат организовал группу машин Охраны для эвакуации дневной школы иммунных в Тусоне. Затем послал отряд инженеров на коптерах для защиты энергетических установок Манхэттен Бич. Затем он заговорил о чем-то таком, что Артур с невольной дрожью интерпретировал как организацию убийства.

В конце концов звонки начали стихать. Лодермилк ответил еще на один

вызов. Судя по выражению его лица, это был именно тот звонок, которого он ждал.

- Да?.. Да! Прекрасные новости. Арнольд. Я счастлив это слышать...

Да, я знаю, что они это сделали, и тем не менее...

Он рассмеялся и выключил коммуникатор.

- Конференция завершилась, - сказал он Артуру и Анне. - Можем расслабиться.

- Какая конференция? - спросил Артур.

- Неужели я вам не сказал? Межобщественная конференция на самом высшем уровне. Они заседали пять часов. Как бы я хотел быть там! Они дрались между собой так, что пух и перья летели, но в результате все-таки пришли к соглашению. Им просто ничего не оставалось делать - для этого-то они и собрались. Война окончена. То есть, в принципе окончена. На то, чтобы фактически погасить ее, уйдет еще некоторое время.

Личные апартаменты Лодермилка представляли собой крошечную комнатку, загроможденную разнообразными необычными вещами. Здесь были гобелены, шахматы из слоновой кости, древние книги в кожаных переплетах, колокольчики, резные деревянные безделушки, старинные клюшки для гольфа. Пока Артур и Анна утоляли голод, Лодермилк вводил их в курс событий.

Слухи о замыслах Консинда так взбудоражили правящие круги Опотра и Еторга, что оба общества тоже запустили запрещенные программы аналоговой обработки.

- И это послужило доказательством нашей догадки, - продолжал Лодермилк, - что в каждом из упомянутых обществ действовал по крайней мере один иммунный, не принадлежащий к нашей организации. Нет худа без добра - во всеобщем замешательстве нам удалось убить их всех.

Артур поежился.

- Та женщина в Портленде. Хэмблинг. Гертруда Хэмблинг.

- Да. Она была иммунной. И ее сестра Марсия тоже, как оказалось.

- А мадам О'Райен? - спросила Анна.

- Да, она тоже. В Консинде их было целое гнездо. В числе остальных можно назвать Клэя Уилларда Мак-Кичена Восьмого из Опотра и Ноэля-Ноэля Дилворта из Еторга. Оба занимали очень высокое положение и были очень, очень опасны. Отсутствие контроля над правящими кругами всегда было нашим слабым местом.

Артур удивленно поднял бровь. Он мог бы поклясться, что Лодермилк на него не смотрит, но архидепутат живо обернулся к нему и пояснил:

- Слишком опасно. Единственный способ внедрить агента в правящую семью - это сделать так, чтобы он там родился. Увы! Результатом, скорее всего, будет еще один акционер, воспитанный сообразно идеологии своего класса и очень опасный противник. Мы могли бы, конечно, попытаться завербовать его в подходящем возрасте... Но разве решились бы мы на такой риск? Думаю, нет.

Лодермилк еще некоторое время благожелательно улыбался Артуру, а потом перевел взгляд на Анну.

- Нам придется еще много лет устранять последствия того, что случилось, - сказал он. - Гордон и Артур очень сильно нам помогли. Хотя предупреждение было кратким, оно дало нам преимущество.

- Значит, он все-таки пробился, - сказала Анна.

Она казалась снова почти нормальной, когда сидела вот так, гордо выпрямившись, в дорожных лохмотьях и беседовала с Лодермилком. Казалась? Почти нормальной? Артур с удивлением понял, что Анна на самом деле вернулась в прежнее состояние. Когда это произошло? Он и не заметил.

- Да, да, - ответил Лодермилк. - Он пробился. Мы вовремя приняли защитные меры, и это спасло множество жизней. Не исключено, что без предупреждения Гордона наша организация была бы раскрыта. И, конечно же, мы немедленно приняли меры, чтобы охранники по возможности не принимали участия в схватках.

Он повернулся к Артуру, у которого на лице, судя по всему, снова явственно читалось его недоумение.

- Эта акция имела два результата, - пояснил Лодермилк. - Она укрепила позиции наших людей в Охране, и сберегла силы Охраны, чтобы их можно было использовать сейчас, для совместных действий всех обществ.

- Хотел бы я знать, - сказал Артур, который хотел знать не меньше пяти вещей одновременно, - как все это подействовало на людей, которые непосредственно участвовали в схватках? Не просто видели людей из других обществ, а побывали в их шкуре. Вы говорите об устранении последствий. Разве последствия этого можно устранить?

У Лодермилка был несчастный вид.

- Не знаю. Никто не знает. Если хочешь знать мое частное мнение, в следующие полгода нас ждет огромное количество психических срывов. Нас всех хорошо встряхнуло. Да. Но все-таки хорошо, что ни одна из сторон не использовала оружие. Тогда эта история выглядела бы совсем по-другому. Гораздо страшнее и уродливее.

- Меня очень удивило отсутствие оружия, - заметила Анна. - У Консинда было достаточно времени, чтобы его произвести. Почему они этого не сделали?

- Ты судила о войнах по историческим книгам, - сказал Лодермилк. - Я тоже. Мы все сделали эту ошибку. Зачем убивать людей и занимать их территорию, если гораздо легче превратить их в верноподданных граждан? Вот как они рассуждали. Ну... Возможно, есть и другая причина. Неподготовленному человеку, даже иммунному, трудно взять в руки орудие убийства. Женщина, которую ты вспоминал, Себастьян, это редкое исключение. Вы ведь еще не проходили военную подготовку? Я так и думал. Ее обычно проходят на втором курсе. Вот...

Лодермилк сунул руку в ящик стола и достал необычный предмет, похожий одновременно на пистолет, стреляющий липкими нитями, и на древний пистолет в картинке учебника.

- Вот оружие, которым вы будете преимущественно пользоваться. Это наша собственная разработка. Пистолет стреляет снарядом, который производит много шума и разрывается при столкновении с твердой поверхностью. Мне не следовало бы опережать события, но, так и быть, я вам скажу. Вы будете стрелять по мишеням, изображающим людей. Очень реалистично. Что я хочу сказать: вы обнаружите, что это очень непросто сделать. Мы не приучены к этой идее с детства, как были приучены наши предки. У наших детей нет игрушечных пистолетов и бомб... Пройдет не одно занятие, прежде чем вы сможете нажать на курок, зная, что произойдет с мишенью, когда вы в нее попадете.

Он осторожно положил пистолет на стол перед собой.

- Из нее полетят кровавые клочья, - негромко закончил Лодермилк.

Артур уставился на пистолет, чувствуя одновременно легкую дурноту и восхищение. Он просто не мог оторвать глаз от оружия. Непонятно почему - ведь звука из той комнаты он не слышал - Артур вдруг вспомнил кровавую полосу на рукаве балахона Хови.

- Нет, Артур, - мягко сказал Лодермилк.

Артур вздрогнул и очнулся.

- Студентов, которые так или иначе не прошли испытание, мы убиваем по-другому.

Артур задохнулся. На какой-то ужасный миг он почувствовал себя совершенно обнаженным. Он знал, что на его лице явственно отражаются все мысли и чувства, но ничего не мог с собой поделать.

- Извини, - сказал Лодермилк минутой позже, - но это было необходимо. По тебе было отчетливо заметно, что тебя мучают не просто обычные подозрения новичка. Ты видел что-то, чего первокурснику знать не положено. Расскажи мне, что именно ты видел. Если у тебя есть подозрения по поводу колледжа, иммунных вообще или меня лично, давай выясним их прямо сейчас.

Артур понимал, что лгать бесполезно. Он и так уже себя выдал. Артур набрал в легкие побольше воздуха и задал вопрос:

- Вы убили Флинна?

- Флинна? - наморщил лоб Лодермилк. - Не помню, кто это такой.

Расскажи мне о нем.

- Он был моим соседом по комнате в самом начале семестра, - резко сказал Артур. - Не очень способный парень.

- А, да. Теперь вспоминаю. Да, мы убили его, и именно по этой причине. Потому что он был не слишком умен. - Лицо Лодермилка хранило бесстрастное выражение, но глаза затуманились. - Но, как я уже и говорил, мы не убивали его таким варварским методом. Он не почувствовал ни страха, ни боли.

- А Кимброу? Он был куда умнее меня. Его тоже убили безболезненно?

- Кимброу я помню, - с нескрываемой горечью произнес Лодермилк. - Очень хорошо помню. Он приходился мне... дальним родственником. Мы убили его по совершенно другой причине. Кимброу был готов отдать свою жизнь за возвышенную абстрактную идею. К несчастью, в качестве этой идеи он выбрал натурализм. Он добровольно взял на себя миссию, исполнитель которой не должен был выжить... Ну, он и не выжил. Миссия заключалась в устранении руководителя высокого ранга, противника натурализма. Если говорить совершенно точно, Кимброу должен был убить меня. Как видишь, он был своеобразным человеком. Вот ты, например. Согласился бы ты умереть ради того, чтобы в отдаленном будущем восторжествовала некая экономическая и этическая система, которая может еще оказаться неверной?

- Нет, - честно сказал Артур.

- И я тоже. Я не могу понять таких людей, как Кимброу. Мы полагаем, что существует определенный тип людей, которые бессознательно стремятся к смерти. Разумеется, они предпочтут отдать жизнь не просто так, а за какое-нибудь благородное дело. Но в основе лежит инстинктивная тяга к смерти. А другие люди точно так же инстинктивно стремятся жить. Мы не знаем, каковы корни этого глубинного отличия между ними. Но, похоже, все зло в мире происходит от людей, движимых стремлением к смерти. Возможно, эти две тенденции передаются по наследству, как группы крови. Хотя я сомневаюсь, чтобы это было так просто. Что ты хотел сказать?

- Вы убиваете людей, подобных Кимброу, с целью возможного улучшения человеческой породы? - воскликнул Артур.

- Ну разумеется, нет. Не могу утверждать, что мы не станем предпринимать таких шагов в будущем, но и тогда это гораздо лучше осуществлять посредством генетического контроля.

- Тогда зачем?

- Артур, - терпеливо сказал Лодермилк, - мы представляем собой совершенно секретную, противозаконную и теоретически невозможную подпольную организацию. Каждый из нас - в ответе за множество жизней. Мы не можем держать в своих рядах людей, которым нельзя верить. Даже если они - наши братья.

Артур нетерпеливо взмахнул рукой.

- Вот оно! Вот в чем дело! Зачем тогда все эти глупости... Вот почему я не верил, когда вы говорили о том, что все вернется в норму. Почему бы вам...

Он оборвал фразу. Лодермилк понимающе и иронически усмехнулся.

- Ты хочешь спросить, - сказал он, - почему бы нам просто не перебить правящие семьи и не захватить власть?

- Да, - сказал Артур.

Ему было ужасно стыдно. Он чувствовал себя совсем несмышленишем.

- Ну что ж. Если не принимать в расчет некоторых технических сложностей, которые по большому счету преодолимы, если бы мы действительно решили так поступить...

- Вы бы это осуществили, - сказал Артур.

- Думаю, ты прав. Только зачем нам это делать?

- Чтобы положить конец аналоговой системе, - терпеливо ответил Артур.

- Чтобы получить возможность выйти из подполья и начать действовать открыто. Чтобы прекратить это все...

Артур сделал беспомощный жест. Он думал о доме, в котором вырос - переполненном обитателями доме, который разваливался на части под толстым слоем краски, маскирующей упадок. Разваливался потому, что строительство новых домов отняло бы слишком много времени и человеческих ресурсов, а прибыли Магазины не доставило бы. Переполненном обитателями - ибо грешно ограничивать рождаемость в семьях потребителей, ведь Магазины нужны покупатели!

Он думал о скудной еде, которая подавалась на стол в их доме, и о постоянном чувстве голода - иногда слабеющем, но никогда не затихающем совсем. Потому что чревоугодие было грехом (для потребителей). Потребителю не нужен жир, ему нужны только мускулы, чтобы работать как следует. И еще потому, что едоков было слишком много - и с каждым годом становилось все больше.

Он думал о той жуткой пародии на поцелуй, которой обменялись они с Глорией под вязом, и о тысяче и одной бессонных ночей, которые он провел в одиночестве, мучаясь стыдом и желанием... Не существовало одного слова, которым можно было описать все это. По крайней мере, приличного слова точно не было.

- Я все понимаю, - кивнул Артуру Лодермилк. - Но подумай вот о чем. Вспомни своих знакомых в Гленбруке. Кто из них был бы способен выполнять свою работу, если бы у него не было аналога?

Артур задумался.

- Немногие.

- Вот именно. Первоначально аналоговая обработка была предназначена в качестве лечения психически неуравновешенным личностям, опасным для общества. Но она оказалась настолько эффективной, что понятие психической нормы утратило смысл. За последние полтора столетия психическая нестабильность распространилась повсеместно. Мы не располагаем точными цифрами, но у нас есть веские причины считать, что трое людей из десяти без опеки ангелов-хранителей вели бы себя абсолютно безумно. Ты хочешь уничтожить существующий ныне порядок вещей. Мы тоже этого хотим. Расскажи мне, как нам следует поступать?

Артур сердито взмахнул рукой.

- Можно действовать постепенно. На протяжении жизни одного поколения...

- Не выйдет. Психически здоровых людей рождается недостаточно, чтобы обеспечить работу жизненно необходимых систем, таких как производство пищи, энергоснабжение, канализация. Разумеется, со временем иммунным придется взять на себя управление всеми функциями. Но мы пытаемся оттянуть это, насколько возможно. Да-да, именно это я и хотел сказать! Мы бы хотели отложить переворот до тех пор, пока нас не будет достаточно, чтобы занять все необходимые посты. Но мы не думаем, что нам так повезет. Несмотря на все наши усилия, крах существующей системы произойдет, скорее всего, еще до конца этого столетия. И это будет достаточно страшно и уродливо.

Он немного помолчал и продолжил:

- Когда я говорил, что каждый из нас - в ответе за множество жизней, я имел в виду жизни нормалов. Мы с вами - доверенные лица, хотим мы того, или нет. Быть может, ваши внуки смогут поступать, как им захочется. Я очень надеюсь, что так оно и будет. А мы должны делать то, что нужно делать. И кое-что из этого тоже уродливо и страшно. Хотя я бы не назвал нас самыми несчастными среди людей. Я сам прожил полную жизнь, в которой было неожиданно много радостей - хотя и печалей хватало...

Артур вдруг понял, что напряжение, в котором он жил уже очень давно, как-то незаметно ушло, рассосалось. Пистолет, который лежал рядом с рукой Лодермилка, перестал быть зловещим символом. Теперь Артур смотрел на него, как на обычный инструмент, который в свое время придется пустить в ход - но это время еще не настало.

Глядя на Лодермилка и на Анну, сидящую рядом со спокойным и внимательным видом, Артур понял, что они никак не вяжутся с зародившимся было у него смутным подозрением, что существует третья или четвертая

причина для убийства студента в колледже. Скажем, слишком большая приверженность идеалам, или слишком частое попадание в ситуации, которые плохо оканчиваются для других (плен Анны, смерть Хигсби)...

- Почему ты вернулся, Артур? - спросил Лодермилк.

Артур вдруг ощутил на своих плечах огромный груз усталости.

- Почему? - глупо переспросил он.

Лодермилк кивнул.

- У тебя давно были подозрения на наш счет, еще до отправки в Консинд, верно? С тех пор ты располагал достаточным временем, чтобы все обдумать. Ты вполне мог не возвращаться в колледж, зажить своей собственной жизнью. Почему ты так не сделал? Почему ты вернулся?

Артур в задумчивости нахмурил лоб.

- Хочешь, я отвечу вместо тебя? - мягко спросил Лодермилк. - Потому что тебе некуда было идти. Ты теперь один из нас. Что скажешь, Анна?

Девушка сдержанно кивнула.

- Он подойдет.

- Я тоже так думаю. Мы сделали тебя непригодным к любой другой жизни, кроме жизни агента, Артур. Смиришься ли ты с этим фактом?

- Я попытаюсь, - с усилием произнес Артур.

Он так устал, так восхитительно устал, что больше не мог думать ни о чем.

- Не обещаю вам ни покоя, ни удовлетворения, - с ласковой грустью сказал Лодермилк. - Ни семьи в традиционном смысле этого слова, ни даже счастья... Вы оба принадлежите к поколению, которое, по-моему, так и не научится быть счастливым. Вам не достанется никаких наград. Вы не доживете до того, чтобы увидеть мир, который творите своими поступками. И, если ваши потомки сделают его по собственному разумению, на что я очень надеюсь, то лучше вам его не видеть - он вам все равно не понравится... В общем, не ждите и не надейтесь. Единственное, что вас вознаградит, - это знания и стремления к знаниям. Да еще редкие минуты радости и смеха. Мне кажется, что вас устроит такая жизнь...

Лодермилк проводил молодую пару задумчивым взглядом. Артур и Анна поддерживали друг друга, когда вставали, да так и ушли, обнявшись. Оба чуть не падали с ног от усталости. Они были угрюмыми, грязными, оборванными и растрепанными. Лодермилк подумал с теплой иронией, что ни один обслуживающий акционеров галантерейщик не дал бы за них и десятой доли кредита. Но для него эти двое были самыми прекрасными существами на этом свете!